

Институт языкознания РАН
Институт перевода Библии

Родной язык

Лингвистический журнал

№ 1(4)

Москва, 2016

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

*В.М. Алпатов, М. Беерле-Мoor, А.В. Дыбо, М.И. Магомедов,
К.М. Мусаев, Д.М. Насилов, Г.Ц. Пюрбеев, М.З. Улаков,
Ф.Г. Хисамитдинова*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Т.Б. Агранат (главный редактор), А.Н. Биткеева, В.Ю. Войнов,
К.Т. Гадилая, Т.А. Майсак, О.А. Мудрак, Ю.В. Псянчин,
Е.Л. Рудницкая, М.Ш. Халилов,
С.М. Ярошевич (ответственный секретарь)*

Редактор *Т.О. Майская*
Верстка *О.Г. Климова*

Адрес редакции: Москва, 119334, Андреевская наб. 2,
Институт перевода Библии
Тел.: (495) 956-64-46

Интернет-сайт журнала: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

EDITORIAL COUNCIL

*V.M. Alpatov, M. Beerle-Moor, A.V. Dybo,
F.G. Khisamitdinova, M.I. Magomedov, K.M. Musaev, D.M. Nasilov,
G.Ts. Pyurbeev, M.Z. Ulakov*

EDITORIAL BOARD

*T.B. Agranat (editor-in-chief), A.N. Bitkeeva, K.T. Gadilia, M.Sh. Khalilov,
T.A. Maisak, O.A. Mudrak, Yu.V. Psysanchin,
E.L. Rudnitskaya, V.Yu. Voinov, S.M. Yaroshevich (editorial secretary)*

Editor *T.O. Mayskaya*
Typesetting *O.G. Klimova*

Address: Institute for Bible Translation, Andreevskaya nab. 2,
Moscow 119334
Tel.: (495) 956-64-46

Internet: <http://rodyaz.ru>
email: ibt_inform@ibt.org.ru, editor@rodyaz.ru

Дорогие читатели!

Те из вас, кто уже знаком с предыдущими номерами журнала «Родной язык», заметили, что в журнале появились новые рубрики: «Фонетика и фонология», «Лексикология и лексикография» и «Автоматическая обработка текста». Последняя представлена статьей Дж. Вашингтона и др. «Development of a finite-state model for morphological processing of Tuvan». Авторы демонстрируют, как разработка парсера может привести к новому пониманию грамматических обобщений, поскольку парсер работает в тестовой модели. Анализатор позволяет добавить к существующему описанию тувинской морфологии нестандартный подход к комбинациям псевдо-деривационных морфем, а также впервые описать некоторые морфологические явления.

В рубрике «Фонетика и фонология» В. Войнов в статье «Sibilant harmony in Tuvan roots» обсуждает наличие внутрикорневой гармонии свистящих в тувинском языке. Тувинская гармония свистящих ограничена морфемной, а не слоговой структурой. Предлагается диахроническое объяснение причины, по которой чередования свистящих не распространяются за пределы морфемы.

Рубрика «Лексикология и лексикография» представлена статьей Е.В. Кашкина «Глаголы позиции и их переходные соответствия в ижемском диалекте коми-зырянского языка». В статье рассматриваются глаголы позиции и их переходные корреляты в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Обсуждаются семантические оппозиции внутри каждой из зон. Автор приходит к выводу, что категоризация ситуаций позиции и соответствующих переходных ситуаций устроена несимметрично.

Сохранились и рубрики, ставшие традиционными. В рубрику «Проблемы грамматики» вошла статья Н.В. Сердобольской

«Кодирование единичности и известности прямого дополнения в бесермянском диалекте удмуртского языка». В пермских языках противопоставлены более чем два способа кодирования прямого дополнения. В бесермянском диалекте удмуртского языка это отсутствие оформления, показатель аккузатива, кумулятивный показатель аккузатива и посессивности. В статье показано, что аккузатив в бесермянском служит немаркированным средством оформления определенных прямых дополнений, в то время как посессивный аккузатив, кроме посессивности, используется для маркирования известных прямых дополнений, в контекстах, в которых нет требования единичности участника. Нерепферентные и неопределенные прямые дополнения не получают оформления.

Рубрика «Языковые контакты» в этом номере включает две статьи. Б. Хабтагаева в статье «О монгольских элементах в тувинском языке» рассматривает этимологические, фонетические, морфологические и лексические критерии, позволяющие четко выделить ранний и поздний пласты монгольских заимствований в тувинском языке. О.А. Теуш (статья «Заимствованная лексика с семантикой ‘углубление в земле’ в диалектах Европейского Севера России») этимологизирует диалектные географические лексемы с общим значением ‘углубление в земле’. На Европейском Севере России основным источником заимствования являются финно-угорские языки: прибалтийско-финские, саамский и коми.

В рубрике «Лингвистические аспекты перевода Библии» представлена статья Л.С. Мижит «Перевод Библии на тувинский язык: обогащение лексического состава тувинского литературного языка». Анализируя перевод Библии на тувинский язык, автор демонстрирует, как создавалась тувинская богословская терминология с опорой на религиозно-мифологическое мировоззрение народа, с учетом национального менталитета; исследует влияние перевода на развитие тувинской лексики: появление неологизмов, заимствований, сохранение архаизмов и т. д.

Т.Б. Агранат публикует рецензию на коллективную монографию «Языковая политика в контексте современных языковых процессов» (ред. А.Н. Биткеева, Москва, 2015). Рецензируемая монография состоит из четырех глав, однако большая ее часть — 1-ая, 2-ая и половина 4-ой главы посвящены языковой политике и функционированию языков в Российской Федерации. Отмечается, что коллективный труд интересен, познавателен и, безусловно, очень актуален.

Редколлегия журнала «Родной язык»

Sibilant harmony in Tuvan roots
Внутрикорневая гармония свистящих
в тувинском языке

Voinov V.

This paper suggests that the Tuvan language of south Siberia exhibits a type of phonological long distance consonant agreement known as sibilant harmony. Thus, if two sibilant fricatives within a Tuvan word root are separated only by a vowel with no intervening consonants, these sibilants can only be both [+anterior] or both [-anterior], but not a mixture of both. An autosegmental tier analysis is offered that describes this phenomenon in Tuvan as a morpheme structure constraint that functions only within word roots, rather than a syllable structure constraint, and a historical process is proposed for this phenomenon.

Keywords: Tuvan language, long distance consonant agreement, sibilant harmony, autosegmental tiers, anteriority, root-affix distinction

В статье обсуждается наличие в тувинском языке фонологической дистантной ассимиляции согласных, называемой гармонией свистящих. Если в тувинском языке два фрикативных свистящих в корне слова разделены только гласным и между ними нет согласного, эти свистящие могут быть или оба переднеязычными, или оба непереднеязычными. Анализ автосегментных уровней показывает, что гармония свистящих в тувинском языке ограничена морфемной, а не слоговой структурой и встречается только в корнях, но не в аффиксах. Предлагается диахроническое объяснение этого феномена.

Ключевые слова: тувинский язык, дистантная ассимиляция согласных, гармония свистящих, автосегментные уровни

1. Introduction

Consonant harmony has been defined as “phonological assimilation or dissimilation between consonants that are not

necessarily adjacent in the surface phonological string and where, crucially, other intervening vocalic or consonant segments do not interact with the harmony in any way” [Shaw 1991: 125]. An alternative descriptive term for this phonological process is long distance consonant agreement, abbreviated as LDCA [Rose & Walker 2004].

Among the different kinds of LDCA, a particularly interesting type is sibilant agreement. Even though Poser [2004: 1] calls this “a relatively rare type of harmony” (maybe because consonant harmony in general is rarer cross-linguistically than vowel harmony), it has in fact been documented in a fair number of languages belonging to different families, such as Athabaskan, Bantu, Basque, Mayan, Omotic, and Uto-Aztecan (for a full listing of specific languages and references, see [Rose & Walker 2004: 481]).

In this paper I suggest that the Tuvan language of south Siberia (Turkic family) should be added to the list of languages that exhibit sibilant harmony. I begin in section 2 by describing the co-occurrence constraint in Tuvan words on sibilants that have different values for the feature of anteriority. Then, in section 3, I offer a formal autosegmental representation of this pattern, describing Tuvan sibilant harmony as a morpheme structure constraint limited to roots. I deal with potential objections to this analysis in section 4 and conclude the paper in section 5.

2. The distribution of Tuvan sibilants

To provide a context for the rest of the discussion, a brief description of some of the basic phonological features of the Tuvan language is given below. The Soviet-era grammar of the Tuvan language [Исхаков, Пальмбах 1961] describes the standard Tuvan vowel inventory as having 24 phonemic vowels that contrast by the segmental features of height, backness and rounding and are divided into three series — short, long, and pharyngealized.¹

---

¹ The pharyngealized vowel series has also been described by Harrison [2001] as suprasegmentally high tone vowels.

There is a robust vowel harmony system. Of greater relevance to the present discussion is the Tuvan consonant inventory, given in Table 1 below. The syllable structure is (C)V(CC).

Table 1: Tuvan consonant phonemes

	Labial	Coronal	Dorsal
Stop	p b	t d	k g
Nasal	m	n	ŋ
Fricative		s š	x
Affricate		č	
Trill		r	
Lateral		l	
Approximant		y	

The consonants that are of primary interest to us in this paper are the sibilants. There are three sibilant phonemes in the Tuvan language: the fricatives /s/ and /š/ and the affricate /č/. Their voiced allophones — [z], [ž] and [dž] — occur intervocalically and following sonorants but are not independent phonemes. The structure of words that contain more than one sibilant exhibits a co-occurrence constraint characterized by two asymmetries: one asymmetry holds between monomorphemic words (roots) and multimorphemic words, the other between fricatives and affricates.

Thus, if a Tuvan root contains two sibilant fricatives that are separated from each other by a vowel, we find that the sibilants are always either both alveolar or both palatoalveolar. That is, they always have the same value for the feature of anteriority, either both [+anter] or both [-anter]. It is never the case that one is alveolar while the other is palatoalveolar. Take the following common Tuvan roots, for example:

(1)

Both sibilants [+anter]

- a. *ses* ‘eight’
 b. *saaskan* ‘crow’
 c. *Azas* ‘Lake Azas’
 d. *sös* ‘word’

Both sibilants [-anter]

- e. *šiš* ‘sharp stick’
 f. *šažin* ‘religion’
 g. *šüžü-* ‘to sniff, whimper’
 h. *šaaži* ‘corporal punishment’

This contrasts with the lack of a sibilant co-occurrence constraint in languages such as Russian and French, which do not exhibit any restriction on mixed sibilants, i.e., those that do not share a value for [anter]. The following example shows a few common roots in these languages with mixed sibilant fricatives (single underlining indicates [+anter], double underlining indicates [-anter]):

(2) a. French: saçhet [saše] ‘bag, packet’, çhauss-er [šose] ‘to put on (such as footwear)’

b. Russian: жесток-у² [žestokij] ‘cruel’, суша-a [sušə] ‘dry land’²

In Tuvan, root-internal mixed sibilant fricatives occur only in recent borrowings from Russian, such as:

- (3) a. Saša ‘Sasha (proper name)’
 b. fašiš ‘Fascist, Nazi’
 c. šošse ‘highway’

However, mixed sibilant fricatives are permitted to co-occur in a root if there is at least one intervening consonant between them.

² English, on the other hand, has suspiciously few words with root-internal mixed sibilant fricatives, e. g., sash, sashay, sushi, and some of these are of recent foreign origin. It may therefore have a co-occurrence constraint similar to that proposed for Tuvan.

- (4) a. šagzira-l ‘fatigue’
 b. šulbus ‘witch, demon’
 c. sagiš ‘thought’
 d. sarbaškin ‘monkey’

When we look beyond the word root, we see that mixed sibilants occur freely across morpheme boundaries, even if the sibilants are directly adjacent to each other. There is no phonotactic preference for same sibilants (5a-c) over mixed sibilants (5d-g) across morpheme bounds.

(5)

Same sibilant

- a. körgüs-sün ‘let him/her show’
 b. danza-zi ‘his/her pipe’
 c. dužaa-ž-ir ‘to meet together’

Mixed sibilants

- d. düš-sün ‘let it fall’
 e. iš-sig ‘smokelike’
 f. kiž*ž*i-zi ‘his/her person’
 g. ša-zi ‘its border, edge’

There is also at least one affix with mixed sibilants, /-sIš/ (meaning something like ‘possessing immediately recognizable taste qualities’):

- (6) a. ažik-siš ‘immediately recognizable as bitter’
 b. sü*t*-süš ‘immediately recognizable (by taste) as milk’

The affricate /č/ is not affected by this co-occurrence restriction in Tuvan. It can combine with either alveolar /s/ or palatoalveolar /š/ even in roots, as seen in the following examples:

(7)

č V s

- a. čes ‘copper’
 b. čoos ‘coin’
 c. čas ‘spring’
 d. ečis ‘goal, end’

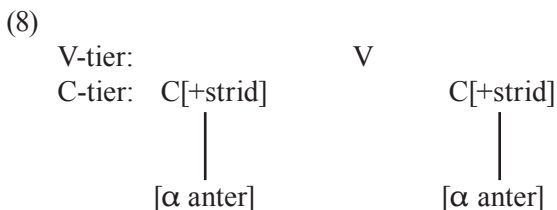
č V š

- e. češ-tin-er ‘to untie oneself’
 f. čiiš ‘gathering’
 g. čaš ‘infant’
 h. inčaš ‘later’

3. Tuvan sibilant harmony as a morpheme structure constraint

Given the above linguistic pattern, I propose that in Tuvan, sibilant harmony is a morpheme structure constraint (MSC) limited to roots. The phonetic motivation for sibilant harmony is that “[m]orphemes containing combinations of consonants that are more prone to interact in a speech error would be excluded from the lexicon”, as suggested by Rose & Walker [2004: 489] in relation to LDCA in general.

It is fairly straightforward to formalize the relationship between these sibilants using an autosegmental approach that places consonants on a separate tier from vowels, where the sibilants can ‘see’ each other. Thus, sibilants that are identical for [anterior] tolerate each other’s immediate company while non-identical sibilants refuse to have such close contact with each other.

An autosegmental analysis is especially apt for a language such as Tuvan, which has independent evidence for a separate C-tier and V-tier in its vowel harmony system (see chapter 4 of [Harrison 2001] for details). Intervening consonants are non-transparent and block the sibilants from seeing each other, which is why mixed sibilants can co-occur in the sample words in (4) above. Crucially, since there do not seem to be any transparent consonants regardless of their articulator, it must mean that in Tuvan the C-tier is not further subdivided into place tiers as proposed by some linguists to explain articulator dissimilation in Arabic roots, for example, [Shaw 1991; Pierrehumbert 1993].

Since affixes are never affected by sibilant harmony, it is not possible to directly observe whether there is a directionality to sibilant harmony in Tuvan. According to Rose & Walker [2004: 482], “[a]lthough sibilant agreement is most commonly regressive ... regressive directionality is not a fixed property”. One piece of indirect evidence that might have bearing on this is the etymology of the Tuvan word *šažin* ‘religion’, which has its origin in the Sanskrit word *śasana* ‘instruction, teaching’. The immediate historical reflex of the Tuvan word is found in old Turkic inscriptions as *šažin*, with mixed sibilants [Наделяев и др. 1969: 521]

(9) Sanskrit → Old Turkic → Tuvan
śasana   *šažin*   *šažin*

Thus, originally the second sibilant in the word was alveolar [z] but became palatoalveolar [ž] in Tuvan. If this pattern can be extrapolated to other words (to confirm this we would of course need much more diachronic data of this sort, which at this stage of research is unavailable), it would indicate that in Tuvan this process was one of progressive assimilation (Tuvan vowel harmony is likewise progressive).

4. Potential objections to treating Tuvan sibilant harmony as a MSC

Several possible objections exist to interpreting the Tuvan data as I have done above. These are examined below.

4.1. The primary possible objection to the above analysis is that the environment in which Tuvan sibilant harmony operates may not be the morpheme, but rather the syllable. The mixed sibilant co-occurrence restriction should then be treated as a syllable structure constraint (SSC), not a morpheme structure constraint (MSC). This analysis would be more in line with Optimality Theory and its Richness of the Base hypothesis, according to which there

are no limitations to the form of underlying representations and therefore no such thing as a MSC [Kager 1999: 20].

A few tests that distinguish a MSC from a SSC are proposed by Davis [1991: 52–53] in his discussion of English voiced obstruent clusters in morpheme-final versus syllable-final position, but these tests are not fully conclusive for the Tuvan data. The first test is as follows: if monomorphemic syllables with a restricted element (such as mixed sibilants) do not occur in a language, while bimorphemic syllables with this element do occur, this indicates that the constraint is dependent on morpheme structure. This is exactly what we see in Tuvan by comparing words such as the monomorphemic *šiš* ‘sharp stick’ (exhibiting sibilant harmony) with the bimorphemic *i.zi-š* ‘having gotten hot’ (mixed sibilants), in which the second syllable of the word consists of two morphemes and fails to exhibit sibilant harmony.³

The second test stipulates that if the co-occurrence constraint holds between two sounds when they are in the same syllable but not when they are in different syllables, then its domain is the syllable. According to this test, comparing *šiš* ‘sharp stick’ (monosyllabic root exhibiting sibilant harmony) with *šul.bus* ‘demon, witch’ (polysyllabic root with no sibilant harmony) indicates that the Tuvan constraint is a SSC. However, it seems that Davis’ [1991] formulation of this test makes it more suited for the specific type of phonological data he was working with than for the type of data we are dealing with in Tuvan. It is completely unclear why syllable boundaries would in any way affect the spreading of the [anterior] feature if the SSC analysis were correct. As has already been mentioned above, a better explanation for the fact that mixed sibilants are licensed in a polysyllabic root like *šulbus* is that the spread of anteriority is blocked by intervening consonants. This analysis predicts that polysyllabic roots should never have

---

³ Ideally, the contrasting words should both be monosyllables, but no bimorphemic monosyllables with mixed sibilants could be found in Tuvan.

adjacent mixed sibilants across the syllable break: since there are no intervening consonants if the sibilants are adjacent, there can be nothing to block the feature spread in this case. This is exactly what we find in Tuvan. There are roots with geminate sibilants (example 10), but none with adjacent mixed sibilants.

- (10) *aš.šak* ‘old man’
čas.sī- ‘to seek affection’

Adjacent mixed sibilants are always found only across a morpheme break, as already shown in (5d-e) above.

Thus, there is insufficient evidence to convince us that in Tuvan the mixed sibilant co-occurrence constraint is based on syllable structure as opposed to morpheme structure.

4.2. Several other potential objections exist to explaining the Tuvan sibilant distribution as being produced by a phonological process of root-internal sibilant harmony as opposed to merely by chance. A weighty objection is that the sibilant harmony analysis is based primarily on an argument from silence, i.e., our inability to find any roots with mixed sibilant fricatives that are adjacent on the C-tier. It is somewhat awkward for our proposal that we do not see any alternations produced by this harmony process outside the root, and that borrowed Russian roots are not subject to this process either. Also, given Rose & Walker’s [2004: 481–482] assertion that languages that exhibit sibilant agreement do so equally for fricatives and affricates, we would expect that under this analysis, the palatoalveolar affricate /č/ would resist being tier-adjacent to alveolar /s/, but as we saw above, /č/ freely co-occurs with /s/ in roots.

Nevertheless, there are several considerations that mitigate the significance of these facts. First of all, similar root-only constraints have been documented cross-linguistically. Even though Rose & Walker [2004: 476] state that “[e]very language we have examined that has long-distance alternations also appears

to have root structure constraints for the same features”, the converse is not true. It is not the case that every language that has root structure constraints also has long-distance alternations that produce similar phonological patterns across morpheme boundaries. In fact, Rose & Walker explicitly affirm that “languages may develop consonant agreement only within roots” [Ibid.: 497]. As an example, they offer Chaha laryngeal harmony. In Chaha, “there is no direct evidence that the [laryngeal consonant] agreement ever occurred outside the root” [Ibid.: 489]. If LDCA constraints such as those that produce laryngeal harmony in other languages can be limited to roots, there is no a priori reason that sibilant harmony in Tuvan could not be likewise limited in its functioning.

Secondly, a diachronic perspective can help explain the source of root-internal sibilant harmony. Rose & Walker affirm a diachronic explanation of morpheme-structure constraints by assuming that “MSCs originated via the effect of sound changes on roots, as appears to be the case for many languages in which consonant agreement is synchronically root-bound” [Ibid.: 477]. Rose & Walker seem to be saying that cross-linguistically, the phonological process of LDCA starts out in the root, then is extended to affixes over time. They also mention the alternative, more traditional explanation of MSCs: “they are the remnant of once active sound changes that originally encompassed alternations” [Ibid.: 477]. In the Tuvan case, the process could have looked something like the following: speakers of proto-Tuvan had a productive sibilant harmony rule that affected how sibilants in concatenated morphemes were outputted. These concatenated multimorphemic units were later reanalyzed as monomorphemic units (roots). Eventually, the sibilant harmony constraint stopped operating, or became lower ranked in the language’s constraint hierarchy, so that it fails to apply to multimorphemic words in contemporary Tuvan (possibly due to a higher ranking of an input-output faithfulness constraint on the feature of anteriority).

Finally, the fact that the affricate /č/ behaves differently than the fricatives /s/ and /š/ may be explained by the suggestion that /č/ is unmarked for the feature [anterior] in Tuvan. According to this analysis, even though č is phonetically realized as palatoalveolar, it is underspecified for anteriority on the underlying level, which allows it to freely interact with both [+anter] and [-anter] sibilants. As Shaw [1991: 136] predicts, “only those features that are uniquely or distinctively specified for consonants ... participate in consonant harmony”. An external argument in favor of this analysis of /č/ in Tuvan comes from head-rhyme poetry. In this system of versification, alliteration between consonants at the beginning of paired verse lines is allowed only when these consonants differ by no more than a single distinctive feature [Voinov 2010]. Since č already differs from s by the feature of [continuant], these two segments should not be able to alliterate with each other if they also differ by [anterior], since this would violate single feature rhyme. But č does alliterate with both š and s (examples 11, 12 below), which supports the analysis that č is simply unmarked for the feature of anteriority.

- (11) č//š   *Čaygıxovu čovurtaan deg čügle šileer —
Šartılaalar ında doylap turarı ol.*

‘The summer steppe merely rustles,
as though groaning —
It is the sound of feasting locusts’
[Мижит 2006: 13; translation mine]

- (12) č//s   *Častiñ iri, čalap kaaniñ čayniñ soonda
Šagišsıraan šariğ büürü xölzey beerge*

‘O song of spring, when the melancholy
yellow leaf begins to fret
After the summer that you invited’
[Мижит 2006: 5; translation mine]

5.0 Conclusion

In this brief paper, I have argued for the existence of root-internal sibilant harmony in the Tuvan language based on an autosegmental representation in which sibilant fricatives “see” their neighbor’s feature of anteriority on the consonantal tier. Tuvan sibilant harmony has been shown to be a morpheme structure constraint rather than a syllable structure constraint, with a diachronic process proposed as the reason for why sibilant harmony does not produce alternations across morpheme boundaries in contemporary Tuvan. The restriction of sibilant harmony to fricatives and not affricates in Tuvan has been explained as due to a lack of marking for the feature of anteriority on the sibilant affricate /ç/. It would be interesting to develop this research further and see whether similar sibilant harmony can be found in other Turkic languages besides Tuvan.

References

Davis S. Coronals and the phonotactics of nonadjacent consonants in English // *C. Paradis, J.-F. Prunet* (eds.). *Phonetics and Phonology*. Vol. 2: The special status of coronals: Internal and external evidence. San Diego, 1991. P. 49–60.

Harrison K.D. *Topics in the Phonology and Morphology of Tuvan*. New Haven, 2001.

Kager R. *Optimality Theory*. Cambridge, 1999.

Pierrehumbert J. Dissimilarity in the Arabic verbal roots // *North East Linguistic Society*. 1993, № 23. P. 367–381.

Poser W. On the status of Chumash sibilant harmony. Ms., University of Pennsylvania, Philadelphia, 2004. [Available at <http://www.ai.mit.edu/projects/dm/featgeom/poser-chumashnew.pdf>]

Rose S., Walker R. A typology of consonant agreement as correspondence // *Language*. 2004, № 80(3). P. 475–531.

Shaw P.A. Consonant harmony systems: The special status of coronal harmony // *C. Paradis, J.-F. Prunet* (eds.). *Phonetics and*

Phonology. Vol. 2: The special status of coronals: Internal and external evidence. San Diego, 1991. P. 125–157.

Voinov V. The phonology of head-rhyme in Tuvan versification. Unpublished ms., The University of Texas at Arlington, 2010.

Исхаков Ф.Г., Пальмбах А.А. Грамматика тувинского языка. Москва, 1961.

Мижит Э. Бөдүүн одуруглар. Кызыл, 2006.

Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Древнетюркский словарь. Ленинград, 1969.

Vitaly Voinov

Institute for Bible Translation, Moscow

v_voinov@ibt.org.ru

***Кодирование единичности и известности
прямого дополнения в бесермянском диалекте
удмуртского языка¹***

***Encoding uniqueness and familiarity of direct objects
in the Beserman dialect of Udmurt***

Сердобольская Н.В.

В языках с дифференцированным маркированием объекта распределение показателей довольно часто объясняется на основании понятий определенности, специфичности (specifity), дискурсивной важности (prominence) и других понятий, ориентированных на бинарное противопоставление (специфичный — неспецифичный, prominent — non-prominent). В пермских языках оказываются противопоставлены более чем два способа кодирования прямого дополнения: например, в бесермянском диалекте удмуртского языка это отсутствие оформления, показатель аккузатива, кумулятивный показатель аккузатива и посессивности. Мы показываем, что аккузатив в бесермянском служит немаркированным средством оформления определенных прямых дополнений, в то время как посессивный аккузатив, кроме посессивности и некоторых других функций (оформление нулевых вершин в именной группе, этическая функция), используется для маркирования известных (familiar) прямых дополнений, в контекстах, в которых нет требования единичности участника. Нереферентные и неопределенные прямые дополнения не получают оформления.

Ключевые слова: дифференцированное маркирование объекта, прямое дополнение, аккузатив, посессивность, определенность, единичность, известность, удмуртский язык, бесермянский диалект, финно-угорские языки, уральские языки

---

¹ Исследование поддержано грантом РНФ № 14-18-03270.

In languages with differential object marking the distribution of direct object markers is often explained based on definiteness, specificity, prominence and other concepts with binary features (specific vs. non-specific, prominent vs. non-prominent). In Permic languages three types of direct object markers are distinguished: absence of marking, accusative marker and the fused markers of possession and direct object. I show that in Beserman Udmurt the accusative is a non-marked means of encoding definite direct objects, while the possessive suffixes have the following functions: 1) ethical function, 2) marking of null NP heads and 3) marking of non-unique familiar direct objects. Non-referential and indefinite direct objects are not marked.

Keywords: differential object marking, direct object, accusative, possessive morphemes, possession, definiteness, uniqueness, familiarity, Udmurt, Beserman dialect, Finno-Ugric, Uralic

1. Введение

В типологической литературе подробно описано явление дифференцированного оформления прямого дополнения (differential object marking, см. [Bossong 1985; Moravcsik 1978; Aissen 1998; de Swart 2007; Dalrymple, Nikolaeva 2011]): в ряде языков прямое дополнение (далее: ПД) может кодироваться более чем одним способом. Выбор оформления может регулироваться строгими грамматическими правилами (что обуславливает, в частности, в русском языке выделение двух показателей в составе одной падежной грамеммы аккузатива: *увидел мальчика — увидел стол*) или же определяться на основании сложного взаимодействия грамматических и дискурсивных факторов, см. работы [Муравьева 2008; Enç 1991; von Heusinger, Kornfilt 2005] про турецкий язык.

Турецкий

- (1) a. Ali   bir   piyano-yu
       Али   один   пианино-ACC

kiralamak istiyor.

нанять хочет

Али хочет взять напрокат одно пианино.

б. Ali bir piyano kiralamak istiyor.

Али один пианино нанять хочет

Али хочет взять напрокат какое-нибудь пианино.

[Еңс 1991: 4–5]

Для таких языков в типологических и теоретических работах распределение показателей кодирования ПД обычно объясняется на основании понятия специфичности (specificity, см. [von Neusinger, Kornfilt 2005], ср. понятие референтности), дискурсивной важности (prominence, см. [de Swart 2007]) и других понятий, довольно часто ориентированных на бинарное противопоставление (специфичный — неспецифичный, prominent — non-prominent). При этом показатели ПД оказываются функционально распределены согласно данному противопоставлению. Материал пермских языков интересен тем, что в них оказываются противопоставлены более чем два способа кодирования ПД: например, в удмуртском это отсутствие оформления, показатель аккумулятива, кумулятивный показатель аккумулятива и посессивности (зачастую не выражающий посессивность, ср., например, [Алатырев 1970, Suihkonen 2005, Fraurud 2011]):

(2) а. **Jetân** kiž'-âl-i-z-â lud vâl-ân.
лён сеять-ITER-PRT-3-PL поле верх-LOC
(Раньше) лён сеяли на поле. [КБТ]

б. **Jetân-ez** âšk-ânâ kuč'k-âl-i-z-â
лён-ACC рвать-INF начинать-ITER-PRT-3-PL
jul', so tolež'-e pum-a-z.
июль тот месяц-ILL конец-LOC/ILL-P.3SG
Рвать лён начинают в конце июля. [КБТ]

в. Val = no   kopot'-s-e
 лошадь=ADD   пыль-Р.3-ACC(SG)
 š'ij-e = ke   kâz-e.
 есть-PRS.3SG=если   кашлять-PRS.3SG
*{В сено попала пыль.} И вот, когда лошадь ест
 пыль, то кашляет. [КБТ]*

Для таких языков, очевидно, выбор оформления ПД не объясняется одним бинарным параметром, а требуется либо привлечение нескольких параметров, либо более детальный подход к одному параметру, разбивающий его на микропараметры. Ниже мы покажем, что для бесермянского диалекта удмуртского языка необходимо более детальное дробление типов референциального статуса, а именно различение двух типов определенных именных групп (далее: ИГ).

Материалом работы служат полевые записи автора и корпус текстов 2003–2015 гг. (Корпус бесермянских текстов, см. http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru), собранных в д. Шамардан Юкаменского района Республики Удмуртия. Примеры из корпуса помечены [КБТ]. Примеры без помет получены методом элицитации.

Работа состоит из следующих разделов. В разделе 2 мы приводим парадигму показателей ПД в бесермянском удмуртском, в разделе 3 кратко охарактеризуем распределение маркированного и немаркированного ПД. Раздел 4 посвящен анализу семантики посессивного показателя ПД, в противопоставлении непосессивному показателю. В разделе 5 мы представим обобщение и предложим схему развития значений посессивных показателей ПД в бесермянском.

2. Показатели прямого дополнения и посессивные показатели в бесермянском

В бесермянском диалекте удмуртского языка зафиксировано три основных способа оформления ПД: отсутствие

оформления (2а), аккузатив на *-ez* (2б) и посессивный аккузатив (2в), который включает аккузатив и показатель лица и числа посессора. Можно условно разделить данную последовательность на показатель лица посессора (*-m/-d/-z-*) + аккузатив *-e* + показатель числа посессора (ноль или *-s*). Приведем список посессивных показателей в бесермянском:

Таблица 1. Парадигма посессивных показателей в бесермянском²

Лицо, число	В прямом дополнении	В номинативе и перед падежными показателями	После падежных показателей
1 ед.ч.	<i>-m-e</i>	<i>-e/-ê</i>	<i>-ê m/-m</i>
2 ед.ч.	<i>-d-e/-t-e</i>	<i>-ed/-ê d</i>	<i>-ê d/-d</i>
3 ед.ч.	<i>-z-e/-s-e</i>	<i>-ez/-ê z</i>	<i>-ê z/-z</i>
1 мн. ч.	<i>-m-e-s</i>	<i>-m-ê</i>	<i>-ê m-ê/-m-ê</i>
2 мн. ч.	<i>-d-e-s/-t-e-s</i>	<i>-d-ê/-t-ê</i>	<i>-ê d-ê/-d-ê</i>
3 мн. ч.	<i>-z-e-s/-s-e-s</i>	<i>-z-ê/-s-ê</i>	<i>-ê z-ê/-z-ê</i>

Из таблицы видно, что в бесермянском посессивные маркеры для ПД противопоставляются посессивным маркерам для остальных синтаксических позиций. При этом в ПД можно четко выделить формант *-e-*, который можно обозначить как аккузатив, личный показатель (*-m/-d/-z-*) и показатель множественности посессора *-s*; в остальных посессивных показателях полностью провести аналогичное членение не удастся. Несмотря на это, ниже мы для краткости будем использовать термин «посессивный аккузатив»

² Здесь не приводятся показатели *-im/-id/-iz*, которые используются только для местоимений. Выбор варианта на *-ê-* или *-e-* во втором столбце определяется (не)отчуждаемостью имени. Варианты на согласный в третьем столбце используются после гласного.

(в противоположность аккузативу без посессива *-ež*) для обозначения всех показателей третьего столбца таблицы.

Далее, в бесермянском также существует особый показатель аккузатива множественного числа *-tâ*:

- (3) So vel't-e č'ašja-je
 тот ходить-PRS.3SG лес-ILL
 č'əž-jos-tâ / *č'əž-jos / č'əž êb-êl-ênê.
 утка-PL-ACC.PL утка-PL утка стрелять-ITER-INF
Он часто ходит в лес стрелять уток.

В целом, данный показатель распределен так же, как маркер аккузатива без посессива. Обычно он не используется при посессивных показателях (за исключением местоимений и числительных, где комбинация посессив + показатель *-tâ* весьма частотна); при множественности участника ИГ маркируется показателем множественного числа *-(j)os* и одним из посессивных показателей. Уточним, однако, что подробное исследование данного маркера не проводилось и ниже он рассматриваться не будет.

Мы также не будем подробно рассматривать оформление местоимений, а также числительных, прилагательных и причастий в позиции вершины ИГ.

3. Неоформленное ПД vs. ПД с показателем аккузатива

В литературе по уральским языкам привлекаются следующие факторы для объяснения выбора оформления ПД:

- референциальный статус ПД;
- коммуникативное членение предложения;
- одушевленность ПД;
- временные и аспектуальные характеристики глагола;
- квантификация ПД (например, партитивность);
- порядок слов.

Следует уточнить, что в отличие от прибалтийско-финских языков, где квантификация ИГ, а также временные и аспектуальные характеристики глагола налагают строгие грамматические запреты на то или иное оформление (см., например, [Kiparsky 2001; Tamm 2004]), в пермских, марийском и эрзя-мордовском языках наибольшее значение имеют факторы референциального статуса, одушевленности и коммуникативного членения [Сердобольская, Толдова 2012].

Относительно литературного удмуртского языка, в различных источниках утверждается, что выбор оформления ПД в основном регулируется его определенностью/неопределенностью и временными и аспектуальными характеристиками глагола [ГСУЯ: 93; Csucs 1990: 34; Winkler 2001: 20; Кондратьева 2002]. Для бесермянского диалекта фактор референциального статуса ПД, по-видимому, является наиболее релевантным, ср. [Сердобольская, Толдова 2012].

В целом, аккумулятивное оформление (включая оформление посессивным аккумулятивом) выбирается для определенных ПД (4); при других типах референциального статуса (по классификации, предложенной в работе [Падучева 1985]) ПД может выступать без показателя, ср. (5)–(10). При этом оказывают влияние также коммуникативные свойства ИГ и ее одушевленность: ИГ в теме высказывания чаще оформляются аккумулятивом (11), в отличие от ИГ в реме (10); одушевленные ПД чаще выступают в аккумулятиве, чем неодушевленные. Так, родовые и универсальные ПД могут выступать с аккумулятивом и без него, в зависимости от коммуникативного статуса и одушевленности (ср. (9) и (10), где предложение взято вне контекста, и носитель разрешил оба варианта оформления, и (11), где ПД с родовым статусом является топиком высказывания и присоединяет аккумулятив).

- (4) So sul'ep vu-**ez** mon
тот шуга вода-АСС я

koža-j kənm-əmən.
 предполагать-PRT(1SG) замерзать-RES

{Я спустилась за лошадью, поднялась в лог, а в логу была вода с шугой.} А я думала, что эта вода с шугой замёрзшая. [КБТ]

- слабо определенные:

(5) Mon ləʒ'-i kn'iga.
 я читать-PRT(1SG) книга
Я прочитал одну книгу. [Очень тебе советую].
 [Сердобольская, Толдов 2012: 125]

- неопределенные:

(6) Van'a təb-i-z kəz
 Ваня подниматься-PRT-3(SG) ель
 jəl-e, kəz jəl-iš'en so
 вершина-ILL ель вершина-EGR тот
 aʒ'-i-z korka.
 видеть-PRT-3(SG) дом
{Ваня и Петр заблудились в лесу, ищут, где переночевать.} Забрался Ваня на ель и увидел оттуда дом. [КБТ]

- экзистенциальные:

(7) Odig magaž'in-e pər-i-m, sur
 один магазин-ILL входить-PRT-1PL пиво
 baš'-t-ənə med-iš'ko-m val.
 брат-SMLF-INF хотеть-PRS-1PL быть.PRT
Мы зашли в один магазин, хотели купить пива.
 [КБТ]

- родовые в гипотетическом контексте:

(8) Jəl baš'-t-ənə = ke, kod'-ku
 молоко брат-SMLF-INF=если хоть-когда

vil'-z-e   gine.
 новый-Р.З-ACC(SG)   только

*Если молоко покупать, то всегда только свежее.
 (Пример Ю.В. Адаскиной)*

Универсальные и родовые ИГ допускают варьирование:

- универсальные:

(9) So   kot'-kud-z-e   **skal**   /
 тот   хоть-какой-Р.З-ACC(SG)   корова /
skal-ez   baš'-t-isal.
 корова-ACC   купить-SMLF-COND(SG)
*Он бы любую корову купил (лишь бы молоко было).
 [Сердобольская, Толдова 2012: 125]*

- родовые:

(10) So   bĕgat-e   d'eš'   **pin'al-ez**   /
 тот   мочь-PRS.3SG   хороший   ребенок-ACC
pin'al   bin'-ĕnĕ.
 ребенок   пеленать-INF
*Она хорошо умеет пеленать детей. [Сердобольская,
 Толдова 2012: 125]*

(11) ĕšĕk-em   **jetĕn-ez**
 выдернуть-NZR   лён-ACC
 kert-ĕl-i-z-ĕ   kĕl't'o-je.
 завязывать-ITER-PRT-З-PL   сноп.льна-ILL
*{Текст о том, как раньше обрабатывали лён. ЛК:
 Рвать лён выходят все... и старики, и женщины, и
 дети.} Вырванный лён связывают в снопы. [КБТ]*

Данные правила работают как сильные тенденции (которые могут нарушаться под воздействием дискурсивных факторов, см. [Serdobolskaya, Toldova 2012]), в том случае,

если ИГ включает только вершину, выраженную именем. При наличии в ИГ различных видов определителей (местоимения, прилагательные, числительные и т. п.) возникают строгие грамматические запреты. Так, указательные местоимения недопустимы при неоформленном ПД:

- (12) So ta skal-ez / *skal
 тот этот корова-ACC корова
 baš'-t-ânê med-e.
 купить-SMLF-INF хотеть-PRS.3SG
Он собирает корову/эту корову купить. [Сердобольская, Толдова 2012: 127]

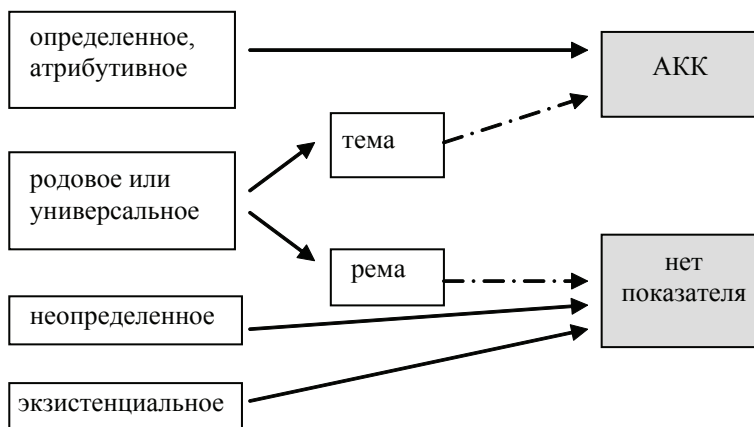
Неоформленным также не может быть ПД, вершиной которого является прилагательное, причастие, адъективное числительное или местоимение, оно обязательно оформляется показателем аккумулятива (или посессивного аккумулятива), ср.:

- (13) Vojna vâl-ti soldat'-t'os vij-i-z-ê
 война верх-PROL солдат-PL убить-PRT-3-PL
 mil'am gurt-êš'
 мы.GEN1 деревня-EL
 ž'uš'-ez / ž'uš' ad'ami-jez / *ž'uš'.
 русский-ACC русский человек-ACC / *русский
Во время войны в нашей деревне солдаты убили одного русского. [Сердобольская, Толдова 2012: 128]

Подробнее относительно свойств некоторых определителей в составе ПД см. [Сердобольская, Толдова 2012].

Таким образом, ПД без показателя и ПД с показателем (посессивного) аккумулятива функционально распределены так, как показано на схеме 1 (фрагмент Схемы 5, приведенной в [Сердобольская, Толдова 2012: 71], прерывистые линии на схеме обозначают, что в данном случае возможны колебания носителей):

Схема 1. Распределение оформленного и неоформленного ПД в бесермянском

Что касается аспектуальных характеристик ситуации и квантификации ПД, данные параметры не оказывают прямое влияние на выбор маркирования. Однако они могут влиять опосредованно: в частности, при наличии кванторов всеобщности отсутствие показателя недопустимо и т. д., см. [Сердобольская, Толдова 2012].

В следующем разделе мы рассмотрим правила, регулирующие выбор между аккузативом и посессивным аккузативом в бесермянском.

4. Функции посессивных показателей, маркирующих ПД

Как было показано в разделе 3, выбор между отсутствием оформления ПД и его наличием в основном определяется референциальным статусом ПД (в меньшей степени его одушевленностью и темарематическим статусом). Обратимся теперь к функциям посессивных показателей в составе ПД. Как известно, во многих финно-угорских языках

посессивные показатели имеют ряд функций, отличных собственно от маркирования посессивности [Sinor 1988; Кузнецова 2012], см. [Алатырев 1970, Suikhonen 2005, Winkler 2011 и Fraugrud 2011] относительно удмуртского и [Тепляшина 1970: 176] относительно бесермянского. В частности, в пермских языках показатели 2-го и 3-го лица могут иметь, кроме посессивного, также детерминативное, вокативное значение субъективной оценки, значение «фамилиаризации» («ласкательности», ср. рус. *чаёк*) и др. [Прокушева 1984; Брыкина, Судобина 2005; Едыгарова 2010; Кузнецова 2012].

Рассмотрим значение посессивных показателей при ПД в бесермянском. В первую очередь, посессивные показатели служат для субстантивации прилагательных, числительных, причастий (14) и т. п. (или, в другой терминологии, функционируют как «пустые» именные вершины), ср. [Алатырев 1970, Winkler 2011]. Такая «синтаксическая» функция посессивных показателей представляет собой особый случай употребления и в настоящей работе не рассматривается. Мы анализируем только примеры с именами в вершине ИГ.

- (14) Vič'ak jablok-jos š'iš'm-emân = n'i.
 все яблоко-PL гнить-RES=уже
 Mon tânad vera-l'l'a-j = uk,
 я ты.DAT говорить-ITER-PRT(1SG)=EMPH
 š'iš'm-em-jos-s-e kuja = n'i
 гнить-NZR-PL-P.3-ACC бросать(IMP.SG)=уже
 šusa.
 COMPL

Все яблоки сгнили. Я же тебе говорил, выброси гнилые [яблоки].

Далее, рассматриваемые показатели могут выражать собственно посессивное отношение:

- (15) Mi sur-m-e-s pot-t-i-m...
 мы пиво-P.1-ACC-PL выходить-TR-PRT-1PL
 ju-isa puk-iš'ko-m = n'i.
 пить-CONV сидеть-PRS-1PL=уже
 {Они самогон пьют.} Мы свое пиво достали...
 сидим пьём. [КБТ]

В бесермянском маркирование посессивного отношения в ПД (уточним, что данное утверждение касается только ПД) обязательно в случае неотчуждаемой принадлежности, в частности для терминов родства и свойства³ (кроме слова *pin'al* 'ребёнок' (16)), для частей тела, части целого и некоторых других лексических классов. В случае отчуждаемой принадлежности посессивный маркер может отсутствовать, даже если посессор ясен из контекста, как в (17).

- (16) Ož' vera-š'k-i dak, ben
 так разговаривать-DETR-PRT(1SG) дак да
 kəž'ə, mon pin'al-ez kel't-əpə
 как я ребёнок-ACC оставаться-TR-INF
 kule.
 надо
 {Провожать, говорю, не идёшь что ли?} — Я же
 сказала, как [я пойду], мне же ребёнка тогда
 оставить нужно. [КБТ]

- (17) A mon kud dər-ja kwat'e...
 а я который время-ADV шесть-ILL
 səl-t-iš'ko, skal kəsk-əpə
 стоять-SMLF-PRS(1SG) корова доить-INF

³ За исключением тех случаев, когда термин родства или свойства употреблен нереперентно, например:

Когда крестят ребенка, находят крестного отца.

pot-iš'ko.
 выходить-PRS.1SG

А я иногда в шесть... встаю, выхожу доить корову. [КБТ]

Таким образом, посессивные показатели для ПД являются грамматически обязательными не для всех типов посессивных отношений в ИГ.

Если в составе ИГ имеются модификаторы, они чаще всего не оформляются именными грамматическими показателями. Менее частотны конструкции, где падежный или посессивный показатель оформляет и имя, и модификатор при данном имени. Интересно, что при ПД такие конструкции встречаются именно с посессивным аккумулятивом (см. [ГСУЯ; Suikhoenen 2005]):

- (18) So vuza-z
 тот продавать-3(SG.PRT)
 kâl'-em-z-e kartoška-z-e.
 оставаться-NZR-P.3-ACC(SG) картошка-P.3-ACC(SG)
Он продал оставшуюся картошку. [Сердобольская, Толдова 2012: 128]

Довольно часто такие конструкции возникают при линейном разрыве модификатора и вершины ИГ, ср.:

- (19) Kâl'-em-z-e so
 оставаться-NZR-P.3-ACC(SG) тот
 vuza-z kartoška-z-e.
 продавать-3(SG.PRT) картошка-P.3-ACC(SG)
Он продал оставшуюся картошку.

Такие разрывные ИГ произносятся с особой интонацией: и модификатор, и вершина получают особое акцентное выделение (ср. рус. *Красную мне дай кружку*). Рассмотрим следующее предложение, взятое из КБТ (бытовой разговор, запись 2005 г., говорящий женского пола):

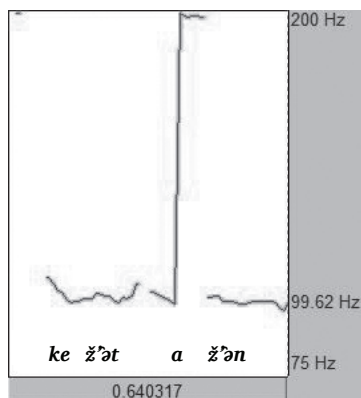

Рис. 2. Частота основного тона на именной группе *kež'ət až'əp*

Исходя из просодических данных и морфологического оформления, «разрывные» ИГ, по-видимому, можно анализировать в терминах двух ИГ, в которых посессивный аккузатив маркирует каждую вершину отдельно. Можно заключить, что посессивный аккузатив на модификаторе имеет особую семантическую интерпретацию, так или иначе связанную с эмфазой или дискурсивными значениями.

Обратимся теперь к значениям посессивного аккузатива собственно при вершине ИГ. При анализе корпуса бесермянских текстов (http://beserman.ru/corpus/search/?interface_language=ru, ок. 75000 словоупотреблений) были выявлены следующие значения посессивного аккузатива (в отличие от аккузатива без посессива):

- bridging [Geurts 1998], т. е. такие употребления, где объект упоминается впервые, однако является определенным в силу конситуации (ср. внешне-ситуационный тип детерминации по [Крылов 1984]):

(21) Tual'et-e   pâr-âsa = pe
туалет-ILL   входит-CONV=CIT

sit'a = no

испражняться.IMP.SG = ADD

sit'-s-e = pe

tr'apka-je

экскременты-Р.3-ACC(SG) = CIT тряпка-ILL

pun-âša

pun = pe

класть-CONV класть.IMP.SG = CIT

pin'-a-d.

зуб-LOC/ILL-Р.2(SG)

{У рассказчика болел зуб, ему советуют народные методы лечения.} Зайди, мол, в туалет, испражнись, возьми экскременты и, завернув в тряпочку, положи на зуб. [КБТ]

- (22) Sre rassol-z-e kiš't-iš'ko,
 потом рассол-Р.3-ACC(SG) лить-PRS(1SG)
 opet' puk-t-iš'ko pəž'-t-ənpə
 опять сидеть-TR-PRS(1SG) вариться-TR-INF
 rassol-z-e.
 рассол-Р.3-ACC(SG)

{Я солю капусту. Сначала замачиваю в воде, ... солю, утрамбовываю. Кладу в большую миску, придавливаю большим грузом. Через два дня я его убираю. Убираю я его.} Потом я сливаю рассол и ставлю его опять кипятиться. [КБТ]

- неопределенный объект из определенного множества:

- (23) Tolon mənam š'ot-i-z-ə vil' klas.
 вчера я.DAT дать-PRT-3-PL новый класс
 Kək nəl-jos-s-e tod-iš'ko = n'i
 два девочка-PL-Р.3-ACC(SG) знать-PRS(1SG) = уже
 val, so-os Šamardan-əš'.
 быть.PRT тот-PL Шамардан-EL
Вчера мне [учителю] дали новый класс. Двух девочек я уже знал, они из Шамардана.

Ad'ami-z-e = no   kut-i-z = no
 человек-Р.З-ACC(SG)-ADD   ловить-РРТ-З(SG)-ADD
 vu   puš-k-e   dong-i-z.
 вода   внутри-ОВЛ-ИЛЛ   вталкивать-РРТ-З(SG)
Человека тоже поймал, в воду затащил. [Примеры из экспериментальных материалов О.Л. Бирюк и М.Н. Усачёвой] [КБТ]

Аналогичный случай представлен в следующих примерах. В тексте, откуда взят отрывок, упоминается деревня Мыстай, затем на протяжении более десятка клауз идет речь о другом. При возврате к участнику «деревня» соответствующая ИГ оформляется посессивным аккумулятивом:

(25) D'erevn'a-z-e   bātč'a
 деревня-Р.З-ACC(SG)   даже
 ug   tod-iš'k-ā   kâ-t-ân   so
 NEG.PRS   знать-PRS-SG(1)   где-ОВЛ-ЛОС   тот
 d'erevn'a-ez   Mâstaj   d'erevn'a-ez-len
 деревня-Р.З(SG)   Мыстай   деревня-Р.З(SG)-GEN1
 p'âm-ez.
 имя-Р.З(SG)

{Он, говорит, на свадьбу поехал, его нужно забрать из деревни Мыстай. Они, говорит, будут вдвоём с женой. Я говорю: у меня молоковоз одноместный, я не могу взять двух человек. А он настаивает: езжай да езжай. Ругает меня. Говорю, если меня сейчас ГАИ поймает, что я буду делать? Езжай, говорит, никто тебя не поймает. А в том колхозе в тот день был выходной. Я своё молоко выгрузил,} а деревни-то такой и не знаю, где эта деревня под названием Мыстай. [КБТ]

Данное употребление посессивного аккумулятора достаточно последовательно прослеживается в ряде текстов, записанных

в д. Шамардан. При отсылке к одному и тому же топику используется аккузатив без посессива (например, в тексте, посвященном обработке льна — «Лён», *corroga.iling-ran.gu*). Посессивный аккузатив в текстах используется при переключении на предыдущий топик. Таким образом, показатель посессивного аккузатива также маркирует возврат к предыдущему топику.

- контрастный топик: определенные ИГ в контрастном топике маркируются посессивным аккузативом:

(26) Čʹaj va-i-z-ə. **Vina-z-e** čʹaj
 чай дать-PRT-3-PL водка-P.3-ACC(SG) чай
 rəl-a-m ležʹ-i-z-ə.
 среда-LOC/ILL-P.1SG разрешить-PRT-3-PL
Мне дали водки; я говорю, водки не пью. Принесли чай. А водку мне в чай налили. [КБТ]

- маркирование выбранной номинации после маркера хезитации; довольно часто так же маркируется плэйсхолдер (в частности, из всех примеров с плэйсхолдером *marem* в позиции ПД почти всегда используется посессив):

(27) A mon nʹevesta-z-e = pi
 а я невеста-P.3-ACC(SG)=AUTOCIT
 ažʹ-ono šuəsa marem ečʹemenʹ-z-e.
 видеть-DEB COMPL HEZ невестка-P.3-ACC(SG)
{Но ведь были же те, кто смотрел, кто плясал уже. Да, а у меня что-то настроения не было.} А я это, невесту хотела посмотреть, это, невестку.
 [КБТ]

(28) So kalʹ gurtaz
 тот сейчас дом-P.LOC/ILL-P.3(SG)
 košk-əl-i-z = ke ot-i-šʹen,
 приходит-ITER-PRT-3(SG)-если тот-OBL-EGR

marem dokument-jos-s-e vič'ak

HEZ документ-Р.З-ACC(SG) все

va-i-z = n'i.

дать-PRT-З(SG)-уже

Она сейчас домой приезжала, все эти... документы привезла. [КБТ]

- реактивация информации, уже известной или очевидной из контекста: в частности, (29а) представляет собой нейтральный вариант оформления, в то время как (29б), согласно комментариям носителей, более уместно, если говорящий указывает на очевидность данного действия или напоминает о нем:

(29) а. Kâsk-ê kal-ez — es-ez

дергать-IMP.SG веревка-ACC дверь-Р.З(SG)

uš'-č'k-o-z.

открыть-DETR-FUT-З(SG)

Дерни за веревочку, дверь и откроется.

б. Kâsk-ê kal-z-e!

дергать-IMP.SG веревка-Р.З-ACC(SG)

Веревочку-то дерни! {Комментарий: У меня руки заняты, и я не могу войти, говорю другому: Дерни за веревочку, что же ты стоишь.} [Сердобольская, Толдова 2012: 134]

- «этический» посессив

В некоторых языках местоименные клитики (обычно дативные) вводят участника, не являющегося партиципантом описываемой ситуации и актантом или сирконстантом соответствующего глагола [Spencer, Luís 2012: 169]. В бесермянском посессивные показатели имеют схожее употребление — в примерах ниже они маркируют ПД, которые вводят новую ситуацию или представляют собой комментарий, не относящийся к основному повествованию:

- (30) Vina-**d-e** ju-iš'ko-m — o!
 водка.Р.2-АСС пить-PRS-1PL о
{ЛК: Дом бывает полон народу. Люди приходят, я их привечаю, угощаю. Они танцуют, поют песни, креси. Я тоже пою креси, пью водку, дочка.} А водки пьём — о! (много) [КБТ]
- (31) Kartoški-**d-e** = no kopa-1'l'a-m
 картошка-Р.2-АСС=ADD копать-ITER-1PL(PRT)
 kartoška = no puk-t-êl-i-m
 картошка=ADD сидеть-TR-ITER-PRT-1PL
 lud vêl-e bakč'a-je.
 поле верх-ILL огород-ILL
{В тексте рассказывается, как раньше работали со льном: Так мы жали, это делали, хоть какую работу делали.} Картошку мы копали, картошку также сажали в поле, в огороде. [КБТ]

К этому же типу мы относим следующий пример с 3-им лицом:

- (32) Uš'-t-i-z-ê gur-z-e-s, a
 открыться-TR-PRT-3-PL печь-Р.3-АСС-PL а
 ot-êñ š'ij-on, mar = no evêl.
 тот.OBL-LOC есть-VN что-ADD NEG.COP
{Герои рассказа, солдат и Пётр, попросились на ночлег к Бабе-яге, а она сказала, что ей нечем их кормить.} Они открыли печь — а там еда, и чего только нет. [КБТ]

Здесь *gur* 'печь' маркируется посессивным показателем 3-го лица множественного числа, т. е. согласуется не с посессором — Бабой-Ягой, а с героями рассказа. Данные участники являются главными героями нарратива, и практически все время в фокусе эмпатии, т. е. все события подаются с их точки

зрения (в отличие от Бабы-Яги, которая описана как их враг; на ее точку зрения рассказчик не переходит). Предположительно, показатель посессива здесь служит для маркирования фокуса эмпатии.

Итак, функции посессивного аккумулятива в бесермянском можно суммировать следующим образом: 1) собственно посессивная функция; 2) bridging; 3) возврат к предыдущему топику; 4) отсылка к известному, но не единственным образом идентифицируемому объекту; 5) реактивация известной информации; 6) маркирование выбранной номинации после маркера хезитации; 7) контрастный топик; 8) этическая функция.

Интересно, что при непосессивных значениях наблюдаются нарушения при маркировании лица и числа посессора, ср. (21), где посессор — 2-е лицо, однако используется показатель 3-го лица; тж. (22), где можно предполагать, что посессор — 1-е лицо, однако опять же используется показатель 3-го лица.

При этическом употреблении личная семантика не исчезает, а меняется участник, с которым согласуется посессивный показатель. В частности, в (30)–(31) 2-ое лицо обозначает адресата несмотря на то, что тот не может являться посессором рассматриваемого объекта, т. к. в (30) рассказчик описывает для приезжего человека жизнь бесермянской деревни, а в (31) — работы в деревне в начале и середине XX в. Аналогичным образом, в (32), где посессор 3-го лица единственного числа, используется показатель множественного числа.

Итак, в бесермянском происходит грамматикализация показателей посессивного аккумулятива в различных дискурсивных функциях, или прагматизация. При этом показатели аккумулятива 2-го и 3-го лица теряют личную семантику (возможно, так же ведет себя показатель 1-го лица, однако таких примеров в КБТ не обнаружено).

5. Развитие функций посессивного аккумулятива в бесермянском

Как показано в разделах 3 и 4, в бесермянском оформление ПД регулируется следующими факторами. При наличии притяжательного отношения между субъектом и ПД могут использоваться показатели посессивного аккумулятива. Данные показатели также маркируют полуактивированный референт (возврат к предыдущему топику), известные, но не единственным образом идентифицируемые объекты, в том числе при bridging'e, реактивацию известной информации и выбранную номинацию после маркера хезитации. В остальных случаях определенные ИГ оформляются аккумулятивом без посессива; неопределенные и нереферентные ИГ (кроме родовых и универсальных) не оформляются. Универсальные и родовые ИГ чаще всего оформляются аккумулятивом, если они принадлежат теме высказывания; в реме они чаще всего не оформляются. Показатели посессивного аккумулятива в непосессивной функции могут терять личную семантику, как и в коми-зырянском, ср. [Прокушева 1984].

Какое объяснение можно предложить наблюдаемым фактам? В теоретической семантике определенность трактуется различным образом, с помощью понятий единичности (uniqueness) или известности (familiarity) участника, ср. обзор в [Abbott 2010]. При подходах, использующих единичность как основной признак, хорошо объясняется использование определенного артикля на референте ИГ, который идентифицируется единственным образом, однако не упоминается ранее (как в (33a)) или в принципе не может быть известен до определенного момента (как в (33б)):

- (33) а. In her talk, Baldwin introduced **the notion** that syntactic structure is derivable from pragmatic principles.
- б. Will **the last person** to leave the room please turn out the lights? [Abbott 1999: 10]

Известность как основной признак определенности позволяет объяснить наличие определенного артикля в случаях, когда участник упоминается ранее, но не может быть идентифицирован единственным образом, например:

- (34) He put **his hand** on her knee. [von Heusinger 2013: 14]
 (35) He took her by **the hand**.

Такое маркирование обязательно в (34)–(35) и неопределенный артикль не является грамматическим, несмотря на то, что в контексте может не быть указания на то, какая именно рука имеется в виду.

В языках с посессивными маркерами в таких случаях используется посессив, даже если по контексту непонятно, о каком именно объекте (из числа объектов обладания) идет речь. Например, в (36), как и в (35), в первой клаузе неизвестно, какая нога имеется в виду; это отчасти уточняется лишь в конце предложения, в эхо-конструкции. Несмотря на неточность при первом упоминании (и соответственно, слабую определенность соответствующей ИГ), в первой клаузе используется посессивный показатель:

- (36) I p̄d-z-e tože ad'ami dor-e
 и нога-Р.З-ACC(SG) тоже человек около-ILL
 kar-iš'k-əl-i-z = uk p̄d-z-e
 делать-DETR-ITER-PRT-З(SG)-EMPH нога-Р.З-ACC(SG)
 č'og-əl-i-z-ê... ber p̄d-z-e = ik.
 рубить-ITER-PRT-З-PL зад нога-Р.З-ACC(SG)=EMPH
И возле людей ей [кобыле] ногу повредили, ногу рубанули... заднюю ногу. [КБТ]

В целом, как было показано в разделе 3, определенность (а также универсальный и родовой статус) в бесермянском кодируется аккузативом с посессивом или без посессива. Далее, по-видимому, происходит распределение функций данных

двух типов показателей. Что касается этической функции, она развивается у посессивного аккумулятива, по-видимому, тривиальным образом в силу наличия противопоставления по лицу.

Маркирование ПД, определенного в силу конситуации (bridging-эффект), свойственно различным показателям определенности, включая артикли и т. п. В случае языков с грамматическим выражением посессивного отношения, к каковым относится удмуртский и его диалекты, неудивительно, что данную функцию берут на себя показатели посессивности. Одним из возможных значений посессивных маркеров является ассоциативная связь [Taylor 1989], или связь по фрейму, или «референциальная привязка» (anchoring) [Fraurud 2001], т. е. собственно случаи bridging'a. В частности, К. Фраурюд считает, что данная связь служит промежуточной стадией между посессивным значением и выражением определенного референциального статуса при грамматикализации посессивных показателей в артиклевой функции [Fraurud 2001].

Посессивные маркеры в ПД, как мы говорили выше, являются грамматическим средством выражения неотчуждаемой принадлежности; при выражении отчуждаемой принадлежности они допустимы, однако необязательны. Согласно некоторым типологическим исследованиям, ядром категории неотчуждаемой принадлежности являются отношения «часть тела» и, шире, «часть-целое» [Nichols 1988], которые входят в сферу партитивных значений. Исследования последних лет показывают, что даже при определенности целого партитивные ИГ могут быть не только неопределенными (ср. определенную ИГ *John's two dogs* vs. неопределенную *two dogs of John's* [Storto 2000]), но и необязательно являются специфичными (референтными). В бесермянском определенность ПД обуславливает наличие аккумулятива (с посессивом или без); неопределенные ПД не маркируются. Следовательно,

в (36) ожидалось бы отсутствие маркирования ПД. Однако наличие посессивного отношения диктует необходимость посессивного показателя (при неотчуждаемой принадлежности). В результате, фактор наличия посессивного отношения оказывается более важным: неопределенное обладаемое в позиции ПД получает оформление посессивным показателем (36).

Мы полагаем, что трактовка через отношение партитивности лежит в основе развития дискурсивных значений посессивного аккузатива в бесермянском.

В литературе партитивность определяется как «часть от целого» и «часть от множества» (set partitivity) [de Hoop 1997]. Таким образом, примеры, аналогичные (34) и (35), включают указание на известное множество, ср. работу [Storto 2000], где предлагается трактовка посессивных ИГ вида *two dogs of John's* именно через понятие партитивности. Как показано выше, значение «неопределенный объект из известного множества» как раз входит в круг значений бесермянского посессивного аккузатива (23).

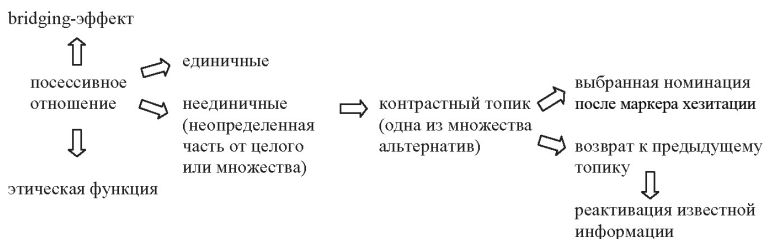
Если определить круг значений посессивного аккузатива как [+ известность, – единичность], т. е. контексты известности, для которых не обязательно выполняется условие единичности, данное правило объясняет выбор маркера в случаях, описанных в разделе 4 (за исключением этического употребления, которое мы оставляем в стороне). Аккузатив без посессива используется в остальных случаях.

В частности, контрастный топик может быть представлен как одна из множества альтернатив [Erteschik-Shir 2007: 48], т. е. речь идет о части от множества, как и в случае не единичных известных ИГ (находящихся в посессивном отношении к вершине). В свою очередь, дискурсивное употребление «возврат к предыдущему топикю», как и контрастный топик, предполагает выбор из некоторого множества топиков в дискурсе. При контрастном топике из множества топиков

выделяется один, причем не всегда тот, который является топиком по умолчанию. Аналогичным образом, возврат к предыдущему топикку предполагает выбор из некоторого множества топиков в дискурсе. Из множества протагонистов в тексте выделяется не один, причем не тот, о котором шла речь в непосредственно предшествующих клаузах или абзаце. Выбор номинации после маркера хезитации также предполагает выбор из нескольких альтернатив, озвученных в контексте. Значение «реактивация известной информации», по-видимому, развивается из значения возврата к предыдущему топикку.

Таким образом, мы предполагаем, что большая часть значений посессивного аккумулятива развивается из значения «неопределенная часть от определенного множества или объекта», а bridging-эффект и этическое употребление следуют из ассоциативного значения посессивности и личной семантики посессивных показателей, соответственно.

Схема 2. Развитие значений посессивных показателей в бесермянском.

Обобщенно можно описать посессивный аккумулятив в бесермянском как средство маркирования 1) посессивности; 2) этической функции и 3) известных (familiar) ПД, в контекстах, в которых нет требования единичности участника. Остальные виды ПД кодируются аккумулятивом без посессива (для определенных, родовых и универсальных ПД) или нулем (для неопределенных ПД).

Список обозначений

КБТ	корпус бесермянских текстов http://beserman.ru/corpus/search/ ?interface_language=ru
ЛК	левый контекст
ПК	правый контекст
ACC	аккузатив
ADD	и (присоединительная частица)
ADV	адвербиализатор
AUTOCIT	автоцитация: цитирование собственных слов
CIT	цитатив
COMPL	комплементаризер
COND	условное наклонение или частица
CONV	конверб
COP	связка
DAT	датель
DEB	дебитатив
DETR	понижающая актантная деривация
EL	элатив
EMPH	эмфатическая частица
FUT	будущее
GEN1	генитив первый
GEN2	генитив второй
ILL	иллатив
INDEF	показатель неопределенного местоимения
INF	инфинитив
INSTR	инструменталис
ITER	итератив
NEG	отрицание
NEG.COP	связка с отрицанием
NZR	номинализатор
OBL	наращение именной основы
P.1/2/3SG/PL	посессивные показатели

PL	множественное число
PROL	пролатив
PRS	настоящее
PRT	претерит
RES	результатив
SG	единственное число
SMLF	семельфактив
TR	повышающая актантная деривация
VN	глагольное имя

Литература

Алатырев В.И. Выделительно-указательная категория в удмуртском языке. Ижевск, 1970.

Брыкина М.М., Судобина А.Н. Посессивные показатели в роли дискурсивных маркеров (на материале некоторых уральских языков) // Четвертая типологическая школа (21–28 сентября 2005 г., Ереван). Москва, 2005. С. 98–101.

ГСУЯ — *Первозииков П.И., Вахрушев В.М., Алатырев В.И.* (ред.). Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск, 1962.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Tartu, 2010.

Кондратьева Н.В. Выражение прямого объекта в удмуртском языке (в историко-сопоставительном плане): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2002.

Крылов С.А. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. 1984. Вып. 23. С. 124–154.

Кузнецова А.И. Кумуляция грамматических значений в агглютинативных показателях: дейктические функции посессива в уральских языках // *А.И. Кузнецова* (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва, 2012. С. 250–252.

Муравьева И.А. О трактовке неоформленного имени в тюркских языках // *Ю.А. Ландер, В.А. Плунгян, А.Ю. Урманчиева* (ред.) Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Дискурсивные аспекты грамматики. Москва, 2008. С. 321–421.

Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. Москва, 1985.

Прокушева Т.И. Категория определенности / неопределенности в коми языке // *Г.И. Тираспольский* (отв. ред.) Взаимодействие финно-угорских и русского языков. Сыктывкар, 1984.

Сердобольская Н.В., Толдова С.Ю. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в финно-угорских языках // *А.И. Кузнецова* (отв. ред.) Финно-угорские языки: Фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. Москва, 2012. С. 59–142.

Тепляшина Т.И. Язык бесермян. Москва, 1970.

Abbott B. Reference. Oxford; New York, 2010.

Aissen J. Differential Object Marking: Iconicity vs. Economy // *Natural Language and Linguistic Theory*. 1998, № 21 (3). P. 435–483.

Bossong G. Differentielle Objektmarkierung in den neu-iranischen Sprachen. Tübingen, 1985.

Chafe W. Discourse, consciousness, and time: The flow and displacement of conscious experience in speaking and writing. Chicago, 1994.

Csúcs S. Chrestomathia Votiaca. Budapest, 1990.

Dalrymple M., Nikolaeva I. Objects and Information Structure. Cambridge, 2011.

Enç M. The semantics of specificity. In *Linguistic Inquiry*. 1991, № 22 (1). P. 1–25.

Erteschik-Shir N. Information Structure. The Syntax-Discourse Interface. Oxford; New York, 2007.

Fraurud K. Possessives with extensive use: A source of definite articles? // *I. Baron, M. Herslund, F. Sørensen* (eds.) Dimensions of possession. Typological Studies in Language. Amsterdam; Philadelphia, 2001. P. 243–267.

Geurts B. Presuppositions and anaphors in attitude contexts // *Linguistics and philosophy*. 1998, № 21. P. 545–601.

Givón T. Definiteness and referentiality // *J.H. Greenberg* (ed.) *Universals of human Language*. V. 4. Syntax. Stanford, 1978. P. 291–330.

Givón T. (ed.) *Topic Continuity in Discourse: A Quantitative Cross-Language Study*. Amsterdam; Philadelphia, 1983.

Heim I. File change semantics and the familiarity theory of definiteness // *Meaning, Use and the Interpretation of Language*. Berlin, 1983. P. 164–190

de Hoop H. A semantic reanalysis of the partitive constraint // *Lingua*. 1997, № 103. P. 151–174.

Kibrik A.A. Reference in discourse. New York, 2011.

Kiparsky P. Structural case in Finnish // *Lingua*. 2001, № 111. P. 315–376.

Moravcsik E. On the Case Marking of Objects // *Greenberg J. H.* (ed.) *Universals of Human Language*. V. 4: Syntax. Stanford, 1978. P. 249–289.

Nichols J. On Alienable and Inalienable Possession // *Shipley W.* (ed.) *In Honor of Mary Haas*. Berlin, 1988. P. 579–521.

Prince E. Toward a taxonomy of given-new information // *Cole P.* (ed.) *Radical Pragmatics*. New York: Academic Press, 1981. P. 223–255.

Serdobolskaya N., Toldova S. Information structure at odds with discourse factors: Evidence from Finno-Ugric differential object marking. Paper presented at the workshop “Categories of Information Structure across Languages”, Max Planck Institute for Psycholinguistics, Nijmegen, November 9–10, 2012. http://iling-ran.ru/serdobolskaya/Serdobolskaya_Toldova_IS_discourse_Finno-Ugric_hd_eng.pdf

Sinor M. (ed.) *The Uralic languages. Description, history, and foreign influences*. Leiden, 1988.

Spencer A., Luís A. R. *Clitics: An Introduction*. Cambridge, 2012.

Storto G. On the Structure of Indefinite Possessives // *B. Jackson, T. Matthews* (eds.). *Proceedings of Semantics and Linguistics Theory X*. Ithaca, New York, 2000.

Suihkonen P. On the categories and functions developed from the possessive and deictic suffixes in Udmurt // *C. Hasselblatt, E. Koponen, A. Widmer* (eds.). Beiträge zur Finnougristik aus Anlaß des sechzigsten Geburtstages von Hans-Hermann Bartens. Wiesbaden, 2005. P. 401–427.

de Swart P. Cross-linguistic variation in object marking. Ph.D. diss. Radboud Universiteit Nijmegen, 2007.

Tamm A. Relations between Estonian verbs, aspect, and case. Doctoral dissertation. Budapest, 2004.

Taylor J.R. Possessive genitives in English // *Linguistics*. 1989, № 27. P. 663–686. Mouton De Gruyter.

von Heusinger K. The Salience Theory of Definiteness // *A. Capone, F. Lo Piparo, M. Carapezza* (eds.) Perspectives on Linguistic Pragmatics. Berlin, 2013. P. 349–374.

von Heusinger K., Kornfilt J. The case of the direct object in Turkish: Semantics, Syntax and Morphology // *Turkic Languages*. 2005, № 9. P. 3–44.

Winkler E. Udmurt. München, 2001.

Winkler E. Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011.

Сердобольская Н.В.

serdobolskaya@gmail.com

Российский государственный гуманитарный университет,
Московский педагогический государственный университет

**Глаголы позиции и их переходные
соответствия в ижемском диалекте
коми-зырянского языка¹**

***Posture verbs and their transitive counterparts
in Izhma Komi***

Кашкин Е.В.

В статье рассматриваются глаголы позиции и их переходные корреляты в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Обсуждаются семантические оппозиции внутри каждой из зон. Показано, что категоризация ситуаций позиции и соответствующих переходных ситуаций устроена несимметрично.

Ключевые слова: лексическая типология, глаголы позиции, коми-зырянский язык, каузатив

The article deals with posture verbs and their transitive counterparts in the Izhma dialect of Komi-Zyrian. I discuss the semantic oppositions in both domains from the perspective of frame semantics. Posture frames appear to be categorized differently than “putting into position” frames.

Keywords: lexical typology, posture verbs, Komi-Zyrian, causatives

1. Постановка задачи

Статья посвящена семантике глаголов, описывающих позицию субъекта (‘стоять’, ‘сидеть’, ‘лежать’, ‘висеть’), а также помещению объекта куда-либо (‘ставить’, ‘сажать’, ‘класть’, ‘вешать’). В настоящей статье рассматриваются

---

¹ Исследование поддержано грантом РГНФ № 14-04-00476а.

только прямые употребления этих глаголов, метафоры не обсуждаются. Исследование проводилось на материале ижемского диалекта коми-зырянского языка. Основной материал собран в с. Самбург Пуровского района Ямало-Ненецкого АО в 2014–2015 гг. Для анализа привлекаются также данные, собиравшиеся в 2008–2013 гг. в ряде других населенных пунктов Ямало-Ненецкого АО (с. Мужы, Шурышкары, Восьхово Шурышкарского района, с. Белоярск Приуральского района). В исследовании используются как результаты направленного опроса информантов, так и корпус текстов на ижемском коми, записанных в Ямало-Ненецком АО. В целом все эти говоры очень близки и взаимопонятны, а система исследуемых глаголов в них устроенна практически одинаково (различия будут эксплицитно оговорены далее). В качестве фона учитывается материал литературного коми языка и других диалектов, доступный из словарей [ССКЗД 1961; Лыткин 1961; Безносилова и др. 2000; КСК 2012; КСК 2014].

Следует отметить, что на коми-зырянском материале ни одна из этих групп лексики ранее детально не изучалась. Существенно также, что и глаголы позиции, и глаголы помещения объекта рассматривались в типологической литературе — но каждый раз независимо друг от друга. Так, семантике непереходных глаголов позиции посвящены в частности работы [Рахилина 2008: 288–312; Newman 2002; Атека, Levinson 2007; Рыжова, Кюсева 2013; Рыжова и др. 2014; Кожемякина и др. 2014], однако в них ничего не говорится о переходных коррелятах этих глаголов. Последние, в свою очередь, обсуждаются в типологическом ключе в [Кореcka, Narasimhan 2012], но уже на основе отдельной анкеты без учета непереходных глаголов позиции. Наше исследование, выполненное на коми-зырянском материале, предлагает сопоставительный анализ глаголов позиции и их переходных коррелятов. Помимо собственно анализа

семантики этих лексем, мы ставим задачу проверить, отличаются ли эти глаголы только наличием/отсутствием каузативного компонента или же категоризация ситуаций местоположения и каузации местоположения различается более сложно.

Методологически наша работа следует фреймовому подходу к лексической типологии, детально изложеному в [Рахилина, Резникова 2013] и использованному для типологического анализа различных групп признаковой и предикатной лексики в [Майсак, Рахилина 2007; Брицын и др. 2010; Круглякова 2010; Кашкин 2013; Холкина 2014; Резникова и др. 2015] и др. Суть этого подхода состоит в типологическом сопоставлении лексем и семантических полей на основе анализа сочетаемости и выявления устойчивых классов объектов, с названиями которых типично сочетается то или иное слово. В данном исследовании мы отталкивались от анкеты, используемой в работах [Рыжова, Кюсева 2013; Рыжова и др. 2014; Кожемякина и др. 2014], дополняя ее некоторыми вопросами, которые касаются специфичных местных реалий, а также учитывая спонтанные контексты, приводимые информантами, и примеры из текстов.

Структура дальнейшей части статьи устроена следующим образом. В Разделе 2 перечислены рассматриваемые глаголы, а также даны необходимые сведения об их морфологической структуре. Раздел 3 содержит анализ непереходных глаголов позиции. В Разделе 4 обсуждаются (в сопоставлении с данными из предыдущего Раздела) переходные глаголы, описывающие изменение местоположения объекта. Раздел 5 содержит основные выводы.

2. Морфологическое устройство глаголов

Мы рассматриваем непереходные глаголы *сулооны* ‘стоять’, *пукооны* ‘сидеть’, *куйлыны* ‘лежать’, *ошооны* ‘висеть’,

а также их переходные корреляты *суутэдны* 'ставить', *пукседны* 'сажать', *пуктыны* 'ставить, класть', *öшэдны* 'вешать'. Анализировались также глаголы вхождения в состояние *суутны* 'встать' и *пуксыны* 'сесть', от которых непосредственно образованы глаголы *суутэдны* и *пукседны*, но оказалось, что их употребление в основном сводится к действиям одушевленных субъектов, поэтому они не будут подробно обсуждаться в работе.

Что касается морфологической структуры исследуемых глаголов, то непереходные глаголы *пукооны* 'сидеть', *сулооны* 'стоять' и *öшооны* 'висеть' содержат суффикс *-oo-* (алломорф *-ал-*, в литературном коми ему соответствует суффикс *-ав-*), выражающий различные типы имперфективных значений, а в рассматриваемых и в некоторых других случаях имеющий достаточно размытую семантику, см. подробнее [Серебренников 1963: 321–322]. В переходных коррелятах этих глаголов используются суффиксы синтетического каузатива *-т-* и *-эд-* (*-ед-*). В литературном коми последнему суффиксу соответствует суффикс *-öd-*. Семантические различия между этими суффиксами не вполне ясны, однако, как отмечено в [Бубрих 1949: 153], в целом в коми-зырянском языке суффикс *-öd-* (*-эд-/ед-*) более продуктивен, чем *-т-*. В рассмотренных говорах ижемского диалекта синтетический каузатив значительно менее продуктивен, чем каузатив в других вариантах коми языка, обсуждаемых в [Цыпанов 2003: 30–32; Цыпанов 2005: 191–211]. Дефолтно носители обследованных нами говоров используют аналитические конструкции с глаголом *тиöктыны* 'заставить, велеть', а для синтетического каузатива сама возможность образования стала лексикализованной, подробнее см. [Бирюк и др. 2010: 232–234]. Таблица 1 суммирует сведения о морфологической структуре коми-ижемских глаголов позиции и их переходных коррелятов. Для глаголов с суффиксом *-oo-* приводятся также формы 3 л. ед. ч. с алломорфом *-ал-*.

*Морфологическая структура глаголов позиции
и их переходных коррелятов*

Таблица 1

Непереходные глаголы	Формальные переходные корреляты
<i>пук-оо-ны</i> ‘сидеть-IPFV-INF’ (<i>пук-ал-э</i> ‘сидеть-IPFV-PRS.3SG’)	<i>пук-т-ыны</i> ‘сидеть-CAUS-INF’ <i>пук-с-ед-ны</i> ‘сидеть-DETR-CAUS-INF’, ср. <i>пуксьыны</i> ‘сесть’
<i>сул-оо-ны</i> ‘стоять-IPFV-INF’ (<i>сул-ал-э</i> ‘стоять-IPFV-PRS.3SG’)	<i>суу-т-эд-ны</i> ‘стоять-CAUS-CAUS-INF’, ср. <i>суутны</i> ‘встать’
<i>куйл-ыны</i> ‘лежать-INF’	Прямого формального коррелята нет
<i>öш-оо-ны</i> ‘висеть-IPFV-INF’ (<i>öш-ал-э</i> ‘висеть-IPFV-PRS.3SG’)	<i>öш-эд-ны</i> ‘висеть-CAUS-INF’

3. Семантика (непереходные глаголы)

3.1 Одушевленные субъекты

Непереходные глаголы *сулооны* ‘стоять’, *пукооны* ‘сидеть’ и *куйлыны* ‘лежать’ описывают соответствующее положение человека или крупных животных, как в (1)–(3). Птицы и насекомые характеризуются глаголом *пукооны* ‘сидеть’ (4)–(5).

- (1) *Ме сулал-а öшын дор-ын*².
я стоять-NPST.1SG окно край-ESS
‘Я стою у окна’ (с. Самбург)
- (2) *Ме пукал-а табурет был-ын*.
я сидеть-NPST.1SG табуретка верх-ESS
‘Я сажу на табуретке’ (с. Самбург)

² Сведения об идиомной принадлежности каждого примера указываются нами в скобках после его перевода. Если при примере нет эксплицитной ссылки на источник, это означает, что он был записан нами в экспедиции.

- (3) *Ме куйл-а койка выл-ын.*
 я лежать-NPST.1SG кровать верх-ESS
 ‘Я лежу на кровати’ (с. Самбург)
- (4) *Дидь-ыс нукал-э рос выл-ын.*
 птичка.OBL-POSS3SG сидеть-PRS.3SG веточка верх-ESS
 ‘Птичка сидит на веточке’ (с. Самбург)
- (5) *Тэ выл-ад ном нукал-э.*
 ты верх-ESS.POSS2SG комар сидеть-PRS.3SG
 ‘На тебе комар сидит’ (с. Восяхово)

3.2 Расположение субъекта в пространстве

На употребление глаголов *сулооны* ‘стоять’ и *куйлыны* ‘лежать’ влияет также пространственное расположение субъекта. Позиция вытянутого вертикально субъекта описывается глаголом *сулооны* ‘стоять’: тем самым, такие субъекты уподобляются стоящему человеку (см. примеры (6)–(7), также глагол *сулооны* может быть применен к растущему дереву; стоящим шестам чума, бутылке, бочке; ложке, которая стоит в густой каше). Однако, если тот же самый субъект принимает горизонтальное положение, то будет использован уже глагол *куйлыны* ‘лежать’, как в (8)–(9).

- (6) *Көрзыр-ыс сулал-э өбес*
 лопата-POSS3SG стоять-PRS.3SG дверь
дор-ас.
 край-ESS.POSS3SG
 ‘Лопата стоит у двери’ (с. Самбург)
- (7) *Пу-ыс сулал-э, забор-сэ*
 палка-POSS3SG стоять-PRS.3SG забор-ACC.POSS3SG
кут-э.
 держать-PRS.3SG
 ‘Палка стоит, забор подпирает’ (с. Белоярск)

- (8) *Көрзыр-ыс куйл-э му был-ын*
 лопата-POSS3SG лежать-PRS.3SG земля верх-ESS
 ‘Лопата лежит на земле’ (с. Самбург)
- (9) *Уна кытшыль пу-яс куйл-эныс, ин*
 много кривой палка-PL лежать-PRS.3PL NEG.IMP
бось.
 брать
 ‘Много кривых палок лежит, не бери’ (с. Мужичи)

Класс вертикально вытянутых объектов лексически объединяется в ижемском коми и с классом строений, а также населенных пунктов: все они характеризуются глаголом *сулооны* ‘стоять’:

- (10) *Эстэн шор дор-ас сулал-э*
 там речка край-ESS.POSS3SG стоять-PRS.3SG
чом-нум.
 чум-POSS1PL
 ‘Там у речки стоит наш чум’ (с. Самбург)
- (11) *Тэ менум ликты кытэн сулал-э*
 ты я.DAT показать.IMP где стоять-PRS.3SG
клуб-ыс.
 клуб-POSS3SG
 ‘Ты мне покажи, где стоит клуб’ (с. Мужичи) [Бирюк и др. 2010: 96]
- (12) *Визы ю был-ын, алькес берег-ын вёлэсь,*
 бурный река верх-ESS пологий берег-ESS поселок
вёлэсь сулал-э.
 поселок стоять-PRS.3SG
 ‘На бурной реке, на пологом берегу поселок, поселок стоит’ (с. Белоярск, цитата из песни)

3.3 Функциональность

Глагол *сулооны* ‘стоять’ соотносится не только с вертикальным расположением субъекта, но и с идеей его функциональности, тогда как лексема *куйлыны* ‘лежать’ может передавать отсутствие функциональности. Так, в (13) тарелка, не вытянутая вертикально, характеризуется глаголом *сулооны* ‘стоять’, поскольку находится в позиции, естественной для своего нормального функционирования. В примере же (14) говорится о позиции тарелки, в которой она обычно не функционирует, и используется уже не глагол *сулооны* ‘стоять’, а глагол *куйлыны* ‘лежать’.

- (13) *Тарелка-ыс сулал-э пызан выл-ын.*
 тарелка-POSS3SG стоять-PRS.3SG стол верх-ESS
 ‘Тарелка стоит на столе’ (с. Самбург)

- (14) *Тарелка-ыс куйл-э чемодан-ын.*
 тарелка-POSS3SG лежать-PRS.3SG чемодан-ESS
 ‘Тарелка лежит в чемодане’ (с. Самбург)

Аналогичные примеры можно наблюдать и в парах (15)–(16) и (17)–(18). В (15)–(16) первый из примеров описывает функциональное положение продукта питания, а второй — нефункциональное, что проявляется и в употреблении глагола. В (17)–(18) первый пример указывает на положение лодки в воде, когда она может нормально функционировать, тогда как второй пример описывает такую ее позицию, в которой она не может передвигаться естественным образом. Важно при этом, что пример (18) допустим и в том случае, когда лодка лежит вверх дном, и в том случае, когда ее дно находится внизу.

- (15) *Пызан выл-ын сулал-э курыд-тор.*
 стол верх-ESS стоять-PRS.3SG горький-DIM
 ‘На столе стоит спиртное (букв.: горьковатое)’ (с. Белоярск)

- (16) *Пагрем-ас*   *куйл-э*   *сёян.*
 погреб-ESS.POSS3SG   лежать-PRS.3SG   еда
 ‘В погребе лежит еда’ (с. Самбург)
- (17) *Пыж-ыс*   *сулал-э*   *берег*   *дор-ас.*
 лодка-POSS3SG   стоять-PRS.3SG   берег   край-ESS.POSS3SG
 ‘Лодка стоит у берега’ (с. Самбург)
- (18) *Пыж-ыс*   *лыа*   *выл-ын*   *куйл-э.*
 лодка-POSS3SG   песок   верх-ESS   лежать-PRS.3SG
 ‘Лодка на песке лежит’ (с. Самбург)

Пример (19) встретился нам в архивном тексте: очевидно, что в нем говорится о сундуке, не функционирующем в конкретный момент, и позиция этого сундука описывается глаголом *куйлыны* ‘лежать’:

- (19) *Мый нэ менам кол-и,*   *менчум жэ,*
 что   PRTC   я.GEN   остаться-PST.3SG   я.GEN2   же
а öні кён-ке сундук-ыс тыр-тэг
 а   сейчас   где-INDEF   сундук-POSS3SG   полный-CAR
куйл-э,   *сундук-ас*   *мый вёл-і,*
 лежать-PRS.3SG   сундук-ESS.POSS3SG   что   быть-PST.3SG
став-сэ   *тэч-исныс*   *да ну-исныс.*
 всё-ACC.POSS3SG   сложить-PST.3PL   и   нести-PST.3PL
 ‘Что у меня осталось, моё же, а сейчас где-то сундук
 пустой лежит, в сундуке, что было, всё сложили и
 унесли’ [Архив ОГТРК, Терентьева Е.А. (г. Салехард),
 зап. М.И. Ёлтышевой]

Легко видеть, что распределение глаголов *сулооны* и *куйлыны* совпадает здесь с распределением русских лексем *стоять* и *лежать*, тоже связываемым в [Рахилина 2008: 292–298] с идеей функциональности. Учитывая сильное русское влияние на коми-зырянский язык, мы не можем исключать, что

такая система была калькирована с русской, но, с другой стороны, никаких четких доказательств калькирования в нашем распоряжении нет.

3.4 Говор с. Самбург: особенности глагола *пукооны* ‘сидеть’

В ходе полевого обследования говора с. Самбург нами были обнаружены примеры, в которых функциональное положение артефакта, не вытянутого вертикально, описывалось глаголом *пукооны* ‘сидеть’, как, например, в (20). Аналогичные употребления лексемы *пукооны* были зафиксированы по отношению к чашке, тарелке, блюдцу, миске, охотничьим силкам.

- (20) *Скамейка-ыс*   *пукал-э*   *эстэн, сэтче*
 скамейка-POSS3SG   сидеть-PRS.3SG   здесь   туда
пуксь-ыны   *верм-ан.*
 сесть-INF   мочь-NPST.2SG
 ‘Скамейка стоит (букв.: сидит) здесь, туда сесть можешь’ (с. Самбург)

Вместе с тем мы оцениваем такие примеры из самбургского говора как калькированные с ненецкого языка и потому не учитываем их при анализе собственно коми-зырянской системы глаголов позиции. Для такого решения имеются следующие основания.

Во-первых, описанный класс употреблений глагола *пукооны* копирует употребление ненецкого глагола *пандёсь* ‘сидеть’, что следует и из его описания в [Терещенко 1965: 378], и из данных нашей работы с ненецкими информантами из с. Самбург.

Во-вторых, все коми-зырянские информанты, в идиолектах которых отмечается такое употребление глагола *пукооны*, хорошо владеют ненецким языком благодаря тесным социолингвистическим контактам с его носителями (например, один из таких информантов женат на ненке и говорит с ней дома

по-ненецки, а другой работает в смешанной коми-ненецкой оленеводческой бригаде). При этом факты лексических заимствований из коми-зырянского в ненецкий язык и наоборот хорошо известны из литературы [Игушев 1976; Сахарова, Сельков 1976; Туркин 1985], а в самбургском говоре нами были отмечены и другие примеры калькирования полисемии [Кашкин и др. 2015; Кашкин, Муравьев 2015].

В-третьих, глагол *пукооны* не применяется к чашкам и другим упомянутым здесь объектам в других обследованных нами ижемских говорах, которые не имеют столь тесного контакта с ненецким языком (да и в самом Самбурге такие примеры допускаются не всеми нашими информантами). Судя по данным [Лыткин 1961; ССКЗД 1961; Безносикова и др. 2000; КСК 2014], для литературного коми языка и для других диалектов такие употребления тоже нетипичны.

3.5 Глагол ‘висеть’

Класс ситуаций, описываемых русским глаголом *висеть*, может категоризоваться в языках мира разными способами, в т. ч. и совмещаясь с другими группами позиционных фреймов, см. подробнее [Кожемякина и др. 2014]. В коми-зырянском языке эти ситуации, как и в русском, характеризуются особым глаголом — *ошооны*. Он может описывать субъекты, расположенные на подвесе (21), на вертикальной поверхности (22) или на каком-либо крючке, в отверстии или в иной подобной локализации, ср. (23).

(21) *Пёрт-ыс*   *ошал-э*   *пач*   *выл-ын.*
 котел-POSS3SG   висеть-PRS.3SG   печка   верх-ESS
 ‘Котел висит над печкой’ (с. Самбург)

(22) *Вольпась*   *выл-ын*   *ошал-э*   *визьлысян.*
 постель   верх-ESS   висеть-PRS.3SG   зеркало
 ‘Над постелью висит зеркало’ (с. Самбург)

- (23) *Нылэн*   *өбэс*   *выл-аныс*   *өшал-э*
они.GEN   дверь   верх-ESS.POSS3PL   висеть-PRS.3SG
замок.
замок
'У них на двери висит замок' (с. Самбург)

Субъектом глагола *өшооны* могут также становиться названия некоторых частей тела. В частности, информанты свободно допускают его употребление по отношению к хвосту животного (24), и речь в этом случае идет о естественном положении хвоста.

- (24) *Пон*   *бөж-ыс*   *өшал-э.*
собака   хвост-POSS3SG   висеть-PRS.3SG
'Собачий хвост висит' (с. Самбург)

Использовать глагол *өшооны* применительно к руке разрешают уже не все носители языка. Те же, кто допускает такое употребление, указывают, что оно возможно только по отношению к неестественному положению и нарушенной функциональности руки (например, если человек получил травму):

- (25) *Ки-ис*   *лөк-а*   *өшал-э.*
рука-POSS3SG   плохой-ADV   висеть-PRS.3SG
'Рука неестественно (букв.: плохо) висит' (с. Самбург)

4. Переходные глаголы

4.1 Точки симметрии

Как можно было ожидать изначально, во многих случаях глаголы позиции имеют прямые корреляты в переходной зоне. Так, глаголу *өшооны* 'висеть' тривиально соответствует глагол *өшэдны* 'вешать' (за исключением приведенных в (24)–(25) контекстов с частями тела, для которых каузативный коррелят был бы не вполне естественным прагматически):

(26) *Õшэд китыышкан-сэ өбэс дор-э.*
 вешать.IMP полотенце-ACC.POSS3SG дверь край-ILL
 ‘Повесь полотенце к двери’ (с. Самбург)

(27) *Вольнась выл-э õшэд визьлысян.*
 кровать верх-ILL вешать.IMP зеркало
 ‘Над кроватью повесь зеркало’ (с. Самбург)

Кроме того, помещение объекта в вертикальную позицию описывается глаголом *суутэдны* ‘ставить’, представляющим здесь параллель к глаголу *сулооны* ‘стоять’:

(28) *Көрзыр-сэ суутэд өбес дор-ас.*
 лопата-ACC.POSS3SG ставить.IMP дверь край-ILL.POSS3SG
 ‘Поставь лопату к двери’ (с. Самбург)

(29) *Ага, ния чурка, и поткед-л-ан вед.*
 ага лиственница чурка и колоть-IPFV-NPST.2SG ведь
Поткед-л-ан да сие сідь
 колоть-IPFV-NPST.2SG и он.ACC так
суутэд-л-ан ведра пытишк-ас.
 ставить-IPFV-NPST.2SG ведро внутренность-ILL.POSS3SG
 ‘Ага, чурка из лиственницы, расколешь ведь. Расколешь и так ее ставишь в ведро’ [Архив ОГТРК, Ф. Ф. Филиппова (с. Харсаим), зап. М.И. Ёлтышевой]

Наряду с этим, однако, нами установлен и ряд различий в устройстве зон местоположения и каузации местоположения. Рассмотрим их далее.

4.2 Точки асимметрии: отсутствие прямого каузатива от глагола ‘лежать’

Как можно было заметить в Таблице 1, у глагола *куйлыны* ‘лежать’ не существует формального переходного коррелята. Теоретически он мог бы выглядеть как **куйлэдны*, но носители

обследованных говоров отрицают наличие в их языке такого слова, не приводится оно и в [КСК 2012]. Семантическим каузативным коррелятом этого глагола выступает глагол *пуктыны*, имеющий тот же корень, что и глагол *пукооны* ‘сидеть’, ср. пары примеров (30)–(31) и (32)–(33). При этом значение ‘сажать кого-л. куда-л.’ выражается глаголом *пукседны*, но не глаголом *пуктыны* (34).

- (30) *Пурт-ыс куйл-э пызан выл-ын.*
 нож-POSS3SG лежать-PRS.3SG стол верх-ESS
 ‘Нож лежит на столе’ (с. Самбург)
- (31) *Пурт-сэ пукты пызан выл-ас.*
 нож-ACC.POSS3SG класть-IMP стол верх-ILL.POSS3SG
 ‘Нож положи на стол’ (с. Самбург)
- (32) *Челядь-ыс куйл-э потан-ас.*
 ребенок-POSS3SG лежать-PRS.3SG люлька-ESS.POSS3SG
 ‘Ребенок лежит в люльке’ (с. Самбург)
- (33) *Ме челядь-сэ пукт-і потан-ас.*
 я ребенок-ACC.POSS3SG класть-PST.1SG люлька-ILL.POSS3SG
 ‘Я ребенка положила в люльку’ (с. Самбург)
- (34) *Ме челядь-сэ пукс-ед-і*
 я ребенок-ACC.POSS3SG сесть-CAUS-PST.1SG
потан-ас.
 люлька-ILL.POSS3SG
 ‘Я ребенка посадила в люльку’ (с. Самбург)

4.3 Точки асимметрии: функциональность и вертикальная ориентация

Как уже было сказано в Разделе 3.3, для многих неодушевленных субъектов глагол *сулооны* ‘стоять’ описывает позицию, естественную для их функционирования, тогда как

глагол *куйлыны* ‘лежать’ не передает идеи функциональности. В каузативной зоне, однако, это различие снимается и помещение куда-либо объектов обоих указанных классов будет описано глаголом *пуктыны*: ср. пары примеров (35)–(36) и (37)–(38). При этом словообразовательно глагол *пуктыны* и вовсе связан с глаголом *пукооны* ‘сидеть’.

(35) *Быльыд-ыс сулал-э пызан был-ын.*
 блюдо-POSS3SG стоять-PRS.3SG стол верх-ESS
 ‘Блюдец стоит на столе’ (с. Самбург)

(36) *Пукты быльыд-сэ пызан был-э.*
 ставить.IMP блюдо-ACC.POSS3SG стол верх-ILL
 ‘Поставь блюдец на стол’ (с. Самбург)

(37) *Пурт-ыс куйл-э пызан был-ын.*
 нож-POSS3SG лежать-PRS.3SG стол верх-ESS
 ‘Нож лежит на столе’ (с. Самбург)

(38) *Пукты пурт-сэ пызан был-э.*
 класть.IMP нож-ACC.POSS3SG стол верх-ILL
 ‘Положи нож на стол’ (с. Самбург)

В то время как параметр функциональности стирается в переходных коррелятах глаголов позиции, более заметной становится значимость для коми-зырянской системы параметра вертикальной ориентации субъекта. Если непереходный глагол *сулооны* ‘стоять’ описывает вертикально вытянутые субъекты (Раздел 3.2), а также субъекты других топологических классов, находящиеся в функциональной позиции (Раздел 3.3), то его переходный коррелят *суутэдны* ‘ставить’ требует явной вертикальной ориентации объекта и не может характеризовать объектов типа тарелки, не вытянутых вертикально, даже если их позиция становится функциональной (в этих случаях используется глагол *пуктыны*, становящийся

здесь семантическим соответствием непереходному *сулооны*). Так, глагол *суутэдны* используется в примерах типа (39) и невозможен в примерах типа (40), где объект не вытянут вертикально. Относительно примера (39) заметим, что в нем возможно употребить и глагол *пуктыны*, но предложение тогда будет означать не то, что шести поставили вертикально, а то, что их положили горизонтально.

(39) *БЫ-яс-сэ* кол-э *суутэд-ны*.
 шест-PL-ACC.POSS3SG быть.нужным-PRS.3SG ставить-INF
 ‘Шести надо поставить’ (с. Самбург)

(40) *Пукты* / *суутэд *быльыд-сэ* *пызан*
 ставить.IMP ставить.IMP блюдце-ACC.POSS3SG стол
выл-э.
 верх-ILL
 ‘Поставь блюдце на стол’ (с. Самбург)

Интересно, что по отношению к строениям и населенным пунктам можно употребить и глагол *суутэдны*, и глагол *пуктыны* (41)–(42). Тем самым, эти классы объектов не категоризируются коми-зырянским языком жестко наравне с вертикально вытянутыми объектами, иначе бы они не допускали при себе глагол *пуктыны*.

(41) *Ныа пукт-існыс* / *суутэд-існыс*
 они ставить-PST.3PL ставить-PST.3PL
вӧлэсь-сэ ю *бӧк-ас*.
 поселок-ACC.POSS3SG река бок-ILL.POSS3SG
 ‘Они основали поселок у реки’ (с. Самбург)

(42) *Ме пукт-і* / *суутэд-і* *керка-эс*
 я ставить-PST.1SG ставить-PST.1SG дом-ACC.POSS1SG
гӧра сай-ас.
 гора зад-ILL.POSS3SG
 ‘Я поставил дом за горой’ (с. Самбург)

5. Некоторые итоги

Итак, мы рассмотрели семантику глаголов позиции и их переходных коррелятов в ижемском диалекте коми-зырянского языка. Было установлено, что в этом диалекте по-разному описываются различные типы позиции человека и крупных животных, существует отдельный доминантный глагол для субъектов, расположенных на подвесе, а также важен параметр вертикальной ориентации стоящего субъекта и параметр функциональности. В зоне переходных глаголов обнаружен ряд случаев несимметричности с системой непереходных глаголов позиции. Так, отсутствует непосредственный переходный коррелят для глагола *куйлыны* 'лежать': его место занимает глагол *пуктыны* с более общей семантикой, исходно связанный словообразовательно с глаголом 'сидеть'. Кроме того, для переходных глаголов, описывающих помещение объекта куда-либо, становится неважен параметр функциональности, но является крайне существенным параметр вертикальной ориентации объекта.

Наше исследование позволяет сделать и несколько более общих выводов. Прежде всего, описанный в статье материал кажется нам любопытным для дальнейших исследований по **диахронической семантике пермских языков**. Как было показано в статье, глагол *пуктыны* 'класть, ставить' имеет очень широкую сферу употребления, становясь базовым глаголом изменения положения артефактов (и не употребляясь только в тех случаях, когда важна вертикальная ориентация объекта). По-видимому, такова же ситуация и в литературном коми языке, насколько об этом можно судить по словарям [Лыткин 1961: 578–579; Безносикова и др. 2000: 537]. Интересно, однако, что, согласно [Лыткин, Гуляев 1970: 232], корень глагола *пуктыны* возводится к общепермскому **рик-* 'сидеть' — в то же время, в обследованных нами коми-зырянских говорах значение 'сажать кого-либо куда-либо' выражается вовсе не глаголом *пуктыны*, а глаголом *пукседны*. В близкородственном

удмуртском языке, по данным [Кириллова 2008: 555–556], также имеется глагол *пуктыны*, который выражает, помимо ряда вторичных значений, значение ‘сажать кого-л., куда-л.’, а также значение ‘ставить’ (например, о снопах или о шахматных фигурах), а опрошенный нами носитель удмуртского языка допустил употребление *пуктыны* и по отношению к чашке, стулу, ведру и бутылке. Кроме того, в удмуртском языке ситуация усложняется наличием глагола *поныны*, отвечающего за близкие контексты помещения объекта (как, например, ‘положить книгу на стол’) [Кириллова 2008: 538]. Тем самым видно, что глаголы смены позиции с корнем **rik-* демонстрируют существенную вариативность в близкородственных пермских языках, поэтому представляется перспективным их дальнейшее исследование на более детальной идиомной выборке и построение диахронических объяснений синхронной вариативности.

Еще одно важное следствие из проведенного исследования касается **методологии лексико-типологических исследований**. В типологических проектах по исследованию глагольной лексики часто обсуждаются только непереходные глаголы, ср. рассмотрение в [Круглякова 2010] глаголов типа ‘вертеться’ или ‘крутиться’, но не ‘вертеть’ или ‘крутить’, а также анализ в [Шапиро 2013, 2015] глаголов ‘качаться’ или ‘шататься’, но не ‘качать’ или ‘шатать’. С одной стороны, такой подход может быть оправдан при впервые выполняемом широком типологическом исследовании поля, поскольку он создает разумное сужение материала и тем самым позволяет исследователю более глубоко сфокусироваться на более узком классе примеров, уменьшая риск потерять важные типологические обобщения за необъятным объемом данных. С другой стороны, как мы увидели на рассмотренном в статье материале, исследование переходных глаголов по единому плану с группой их непереходных коррелятов позволяет более многогранно взглянуть на соответствующую семантическую область и точнее увидеть роль тех или иных семантических

оппозиций в системе, а также степень устойчивости этих оппозиций (ср., например, параметр функциональности, значимый в коми-зырянском языке для непереходных глаголов позиции, но нерелевантный для их переходных коррелятов). Нам представляется, что и для других групп предикатной лексики на каком-то этапе их типологического исследования должны быть вовлечены в рассмотрение и их переходные корреляты (либо соответствующие непереходные глаголы, если исходно анализируемые глаголы переходны).

Наконец, нельзя не сказать и о том, что рассмотренный в статье материал представляет определенную сложность и в свете современных **теоретических подходов к каузативным конструкциям**. Канонически (см. [Dixon, Aikhenvald 2000; Shibatani (ed.) 2001; Kulikov 2001] и др.) каузатив понимается как такая актантная деривация, при которой к исходной ситуации (например, 'Петя бежит') добавляется еще одна ситуация, каузирующая ее возникновение (например, 'Вася заставляет Петю бегать'), ср. определение, приводимое в [Kulikov 2001: 886]: «Causatives can be defined as verbs which refer to a causative situation, that is, to a causal relation between two events, one of which (P_2) is believed by the speaker to be caused by another (P_1)».

Важно заметить, однако, что такое определение каузатива не предполагает, чтобы между исходным глаголом и производным каузативным глаголом были возможны семантические расхождения, выходящие за рамки добавления каузирующей ситуации, — но именно такие расхождения мы наблюдаем на рассмотренном нами материале. Вероятное их объяснение в нашем случае может состоять в низкой продуктивности коми-ижемского каузатива (и в особенности каузатива с показателем *-т-*), в результате чего системы непереходных глаголов позиции и их переходных коррелятов «отрываются» друг от друга, претерпевая независимое семантическое развитие. Вместе с тем подобные случаи асимметрии пока остаются за рамками современных работ по типологии каузатива и,

с нашей точки зрения, требуют дальнейшего осмысления на более обширном материале.

Список сокращений

1, 2, 3	1, 2, 3 лицо
ACC	аккузатив
ADV	адвербиализатор
CAR	каритив
CAUS	каузатив
DAT	датель
DIM	диминутив
ESS	эссив
GEN	генитив
GEN2	генитив объекта
ILL	иллатив
IMP	императив
INDEF	показатель неопределенного местоимения
INF	инфинитив
IPFV	имперфектив
NEG	отрицание
NPST	непрошедшее время
OBL	косвенная основа
PL	множественное число
POSS	посессивное склонение
PRS	настоящее время
PRTC	частица
PST	прошедшее время
SG	единственное число

Литература

Архив ОГТРК – Архивные аудио- и видеозаписи Творческого объединения коми программ Дирекции программ народов Севера Окружной государственной телевизионной и радиовещательной компании «Ямал-Регион», г. Салехард (1990-е – 2000-е гг.).

Безносикова Л.М., Айбабина Е.А., Коснырева Р.И. Коми-роч кывчукöр (Коми-русский словарь). Сыктывкар, 2000.

Бирюк О.Л., Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Усачёва М.Н. Словарь мужевского говора ижемского диалекта коми-зырянского языка. Екатеринбург, 2010.

Брицын В.М., Рахилина Е.В., Резникова Т.И., Яворская Г.М. (ред.) Концепт боль в типологическом освещении. Киев, 2009.

Бубрих Д.В. Грамматика литературного коми языка. Ленинград, 1949.

Игушев Е.А. К вопросу о культурных связях коми и ненцев // Этнография и фольклор Коми. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО АН СССР. Вып. 17, 1976. С. 116–118.

Кашкин Е.В. Языковая категоризация фактуры поверхностей (типологическое исследование наименований качественных признаков в уральских языках). Дисс. .. к.ф.н. Москва, 2013.

Кашкин Е.В., Кузнецова А.И., Муравьев Н.А. Ижемские говоры ЯНАО: диалектные и ареальные особенности // Пермистика 15. Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языкам. Сборник статей. Ижевск, 2015. С. 148–155.

Кашкин Е.В., Муравьев Н.А. 'На столе сидит чашка': о контактно обусловленных изменениях в коми-ижемских говорах Ямало-Ненецкого АО // Уральские языки: синхрония и диахрония. Материалы международной научной конференции, посвященной 125-летию Д.В. Бубриха и 100-летию Б.А. Серебренникова. Санкт-Петербург, 2015. С. 56–58.

Кириллова Л.Е. (ред.) Удмуртско-русский словарь. Ижевск, 2008.

Кожемякина А.Д., Кюсева М.В., Рыжова Д.А. 'Сидеть', 'стоять', 'лежать': типология локативной предикации // Одиннадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей. Тезисы докладов (Санкт-Петербург, 27–29 ноября 2014 г.) / Отв. ред. *О.В. Кузнецова*. Санкт-Петербург, 2014. С. 83–85.

КСК 2012 — Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка, в 2 т. Под ред. *Л.М. Безносиковой*. Т. 1. Сыктывкар, 2012.

КСК 2014 — Коми сёрнисикас кывчукёр. Словарь диалектов коми языка, в 2 т. Под ред. *Л.М. Безносиковой*. Т. 2. Сыктывкар, 2014.

Круглякова В.А. Семантика глаголов вращения в типологической перспективе. Дисс... к.ф.н. Москва, 2010.

Лыткин В.И. (ред.) Коми-русский словарь. Москва, 1961.

Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

Майсак Т.А., Рахилина Е.В. (ред.) Глаголы движения в воде: лексическая типология. Москва, 2007.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва, 2008 (1-е изд. — 2000).

Рахилина Е.В., Резникова Т.И. Фреймовый подход к лексической типологии // Вопросы языкознания. 2013, № 2. С. 3–31.

Резникова Т.И., Выренкова А.С., Орехов Б.В., Рахилина Е.В. (ред.) Глаголы звуков животных — типология метафор. Москва, 2015.

Рыжова Д.А., Кюсева М.В. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: локативная предикация в кабардино-черкесском языке // Проблемы лексико-семантической типологии: сборник научных трудов. Под ред. *А.А. Кретова*. Вып. 2. Воронеж, 2013. С. 253–274.

Рыжова Д.А., Кюсева М.В., Кожемякина А.Д. ‘Сидеть’, ‘стоять’, ‘лежать’: типология локативной предикации // Матеріали Українсько-російської школи-конференції молодих учених «Сучасні дослідження мови та літератури» Донецьк, 2014. С. 235–237.

Сахарова М.А., Сельков Н.Н. Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар, 1976.

Серебрянников Б.А. Историческая морфология пермских языков. Москва, 1963.

[ССКЗД 1961] — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Под общ. ред. *В.А. Сорвачевой*. Сыктывкар, 1961.

- Терещенко Н.М.* Ненецко-русский словарь. Москва, 1965.
- Туркин А.* Коми-ненецкие языковые контакты // СФУ, 21–3, 1985. С. 190–203.
- Холкина Л.С.* Качественные признаки в китайской лексике: опыт типологического описания. Дисс ... к.ф.н. Москва, 2014.
- Цыпанов Е.А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Автореф. дисс ... д.ф.н. Йошкар-Ола, 2003.
- Цыпанов Е.А.* Грамматические категории глагола в коми языке. Сыктывкар, 2005.
- Шапиро М.М.* Глаголы колебательного движения в типологической перспективе. Дипломная работа. Москва, 2013.
- Шапиро М.М.* Глаголы колебательного движения в уральских языках (на материале финского, ненецкого и коми-зырянского языков): семантика и типология // Урало-алтайские исследования. 2015, №1. С. 29–52.
- Ameka F.K., Levinson S.C.* (eds.) The typology and semantics of locative predication: Posturals, positionals and other beasts. Special issue of *Linguistics* 45 (5). Berlin, 2007.
- Dixon R.M.W., Aikhenvald A.Y.* (eds.) Changing valency. Case studies in transitivity. Cambridge, 2000.
- Копеcka A., Narasimhan B.* (eds.) Events of ‘putting’ and ‘taking’: A cross-linguistic perspective. Amsterdam, Philadelphia, 2012.
- Kulikov L.* Causatives // *Language typology and language universals: An international handbook*. Berlin, New York, 2001. P. 886–898.
- Newman J.* (ed.) The linguistics of sitting, standing and lying. Amsterdam, Philadelphia, 2002.
- Shibatani M.* (ed.) The grammar of causation and interpersonal manipulation. Amsterdam, Philadelphia, 2001.

Кашкин Егор Владимирович
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН
egorkashkin@rambler.ru

О монгольских элементах в тувинском языке *Mongolic elements in Tuvan*

Хабтагаева Б.

В статье рассматриваются некоторые этимологические, фонетические, морфологические и лексические критерии выделения монгольских элементов в тувинском языке. Критерии позволяют чётко выделить ранний и поздний пласты заимствований¹.

Ключевые слова: этимология, заимствования, обратные заимствования, пласты заимствований, тюркские, монгольские, алтайские языки, тувинский

The present paper presents some phonetic, morphological and lexical features that characterize the Mongolic elements in Tuvan. Certain criteria are given which help to distinguish the early and later periods of borrowing.

Keywords: etymology, borrowing, re-borrowing, layers, Turkic, Mongolic, Altaic languages, Tuvan

1. Введение

1.1. Место тувинского языка среди тюркских языков

Согласно классификации современных тюркских языков [Johanson 1998: 83], тувинский язык входит в сибирскую группу, которая делится на северносибирскую и южносибирскую группы. Северносибирская группа включает в себя якутский и долганский языки, а южносибирская группа делится на следующие подгруппы: енисейско-тюркская (хакасский

¹ Данная статья является краткой версией некоторых глав опубликованной монографии автора [Khabtagaeva 2009: 28–149].

с сагайским, качинским и кызыльским диалектами, шорский), алтайско-тюркская (алтайский или ойротский с туба, куманды-кижи, куу, телеутским и теленгитским диалектами), чулымская (чулымский с кюзэриксским диалектом) и саяно-тюркская (тувинский с его диалектами, алтай-тувинский, джунгар-тувинский, тофаларский, сойотский, уйгуро-уряньхайский или туха, а также язык духа). Далее, саяно-тюркская подгруппа делится на степные и таёжные языки (см. подробно о классификации подгруппы [Schönig 1998: 403; Johanson 2001: 25; Рассадин 1983; Жуковская и др. 2002: 165–166; Ragagnin 2011: 23–28; Khabtagaeva 2009: 14–20]). Тувинский язык вместе с алтай-тувинским и джунгар-тувинским относится к степным языкам саяно-тюркской подгруппы.

1.2. Изучение монгольских заимствований в тувинском языке

Впервые монгольские заимствования были упомянуты в работе Катанова, которая является первой тувинской научной грамматикой [Катанов 1903]. Монгольское влияние на тувинскую лексику рассматривал Татаринцев [Татаринцев 1976], им же написано несколько томов «Этимологического словаря», где также рассматриваются монгольские элементы [Татаринцев 2000, 2002, 2004, 2008]. Важно отметить монографию Рассадина, где исследованы монгольские элементы в сибирских тюркских языках и отдельная глава посвящена тувинскому языку [Рассадин 1980: 58–65]. В 2007 г. турецкий исследователь Ölmez опубликовал «Сравнительный тувинский словарь со старотюркскими и монгольскими параллелями» [Ölmez 2007].

1.3. Источники работы

Источниками исследования стали тувинско-русский [Тенишев 1968] и русско-тувинский [Пальмбах 1953] словари. Таким образом, в работе использованы формы только стандартного тувинского языка (далее тув.), диалектные

формы не рассматривались. К каждому рассматриваемому тувинскому заимствованию даётся реконструкция монгольской формы с морфологическим разбором слова [Poppe 1991], ранние монгольские формы из среднемонгольских письменных источников², литературно-монгольская [Lessing 1995] и формы современных монгольских языков, с которыми у тувинского языка были исторические и лингвистические контакты. Это халхасский (далее халх.) [Лувсандэндэв 1957], бурятский (далее бурят.) [Черемисов 1973], ойратский (далее ойрат.) [Цолоо 1988]³. Если нет ойратской формы, тогда даётся калмыкская (далее калмык.) [Ramstedt 1935], так как

² Среднемонгольские источники указаны согласно письменным системам:

- Precl.Mo.: доклассические документы 13–15 вв., написанные уйгурско-монгольским письмом [Tumurtoого 2006];
- MNT: *Сокровенное сказание монголов. Mongqol-un ni'uşa tobčiyaan* — ранний среднемонгольский текст 13 в. (1228 или 1240), первоначально написанный уйгуро-монгольским письмом, но сохранённый только в китайской транскрипции [Haenisch 1939; Ligeti 1971];
НУ: *Hua-yi yi-yu* — среднемонгольский источник 1389 г., написанный в китайской транскрипции во времена династии Мин [Lewicki 1959];
ZY: *Zhiyuan Yiyu* — среднемонгольский источник 1699 г., написанный в китайской транскрипции [Kara 1990];
- 'Phags-pa: среднемонгольские надписи, написанные квадратным письмом (1269–1368) [Poppe 1957; Ligeti 1973];
- Leiden: монгольские рукописи (1343), написанные арабскими буквами [Poppe 1927];
Ibn-Muh. and Muq.: арабско-монгольские словари Ibn-Muhanna и Mukaddimat al-Adab, записанные мусульманскими учёными арабским письмом в 15 в. [Поппе 1938];
Ist.: средне-монгольский источник из Стамбула, написанный арабским письмом в конце 15 – начале 16 вв. [Ligeti 1962].

³ В тех случаях, когда отсутствует ойратская форма, даётся калмыцкая [Ramstedt 1935].

калмыкский язык относится, как и ойратский, к западно-монгольской группе. Монгольские суффиксы, образующие имена существительные (NN), имена прилагательные (NN/Adj), глаголы (NV) от имени, а также суффиксы, образующие имена существительные и прилагательные от глагола (VN) указаны из работы Поппе «Grammar of Written Mongolian» [Porpe 1991] (далее — GWM). Старотюркские⁴ формы даны из словаря Клаусона [Clauson 1972].

2. Фонетические критерии выделения раннего или позднего периода заимствования

2.1. Образование вторичной долгой гласной из структуры *гласная¹ – согласная G – гласная²* (V^1GV^2)

Ранний пласт

- Образование вторичной долгой гласной согласно первой гласной, как и в тувинских словах тюркского происхождения:

старотюрк. *aġir* ‘тяжёлый’ ~ тув. *ār*;

старотюрк. *baġir* ‘печень’ ~ тув. *bār*;

старотюрк. *oġul* ‘мальчик, сын’ ~ тув. *ōl*;

старотюрк. *soġiq* ‘холод, холодный’ ~ тув. *sōk*.

$\bar{A} \leftarrow AGU$:

тув. *čalgā* ‘ленивый’ ← монгол. *jalqagu < *jalqa-* ‘устать’ -*GU* {VN, см. GWM §152}: лит. монг. *jalqayu*; ср. совр. монгол.: халх. *dzalxū*; бурят. *zalxū*; ойрат. *dzalxū*;

⁴ В статье я употребляю термин «старотюркский язык» вместо принятого в российской школе «древнетюркский язык». «Древнетюркскому языку» соответствует Ancient Turkic в английском языке, а «старотюркскому» — соответственно Old Turkic.

тув. *kežē* ‘трудный, тяжёлый’ ← монгол. *kečegüi: среднемонгол. MNT *keče’ü(n)*; НУ *keče’ü ~ kečeu*; Ibn-Muh. *kečüi*; лит. монг. *kečegüi*; ср. совр. монгол.: халх. *xeciü*; бурят. *xesüi*; калмык. *ketsüi*.

$\bar{I} \leftarrow IGU$:

тув. *xar* ‘ответ’ ← монгол. *qarigu < *qari-* ‘возвращаться’ -*GU* {VN, см. GWM §152}: среднемонгол. MNT *qari’u*; Precl.Мо. *qariyu*; Ibn-Muh. *qariün*; Муq. *qari’ü*; лит. монг. *qariyu*; ср. совр. монгол.: халх. *xariu*; бурят. *xaryüi*; калмык. *xär’üi*;

тув. *serīn* ‘прохлада, прохладный’ ← монгол. *serigün* < *seri-* ‘просыпаться, пробуждаться; бодрствовать; подозревать’ -*GU* {VN, см. GWM §154}: среднемонгол.: Precl.Мо. *serigün*; ‘Phags-pa *seri’ün*; Муq. *seri’ün*; лит. монг. *serigün*; ср. совр. монгол.: халх.; калмык. *serün*; бурят. *heryün* ← тюрк.: ср. старотюрк. *sēz-* ‘воспринимать, чувствовать’⁵.

- Образование вторичной долгой гласной, в то время как в современных монгольских языках структура *VCV* сохранилась:

тув. *xūsā* ‘срок, время’ ← монгол. *qugučaga ‘срок’ < *quyuča-* ‘устанавливать срок’ -*GAn* {VN, см. GWM §149}: лит. монг. *quyačaya*; ср. совр. монгол.: халх. *xugacā*; бурят. *xugasā*; калмык. *xuyutšā*;

тув. *tālay* ‘нёбо’ ← монгол. *tajalai < **taŋ +lai* {NN, см. [Khabtagaeva 2009: 282]}: среднемонгол.: Precl.Мо. *tanglai*; Муq. *tanqlai*; лит. монг. *tanglai ~ tangnai*; ср. совр. монгол.:

⁵ Монгольский глагол *seri-* ‘просыпаться, пробуждаться; бодрствовать; подозревать’ явно был заимствован из тюркского, это подтверждает лексическое значение тюрк. ‘воспринимать, чувствовать’ → монгол. ‘подозревать’ [см. также Щербак 1997: 144].

халх. *tagnai*; бурят. *taṅalai*; ойрат. *taṅnā ~ tanlǎ* ← тюрк. **taṅ < *tam*: cf. старотюрк. *tamḡaq* (< **tam*+*ГAK* {тюрк. NN, см. Erdal 1991: 74}) ‘горло; мягкое небо’;

тув. *xī* ‘часть, доля, процент’ ← монгол. **qubi*: лит. монг. *qubi*; ср. совр. монгол.: халх. *xuw*’; бурят. *xubi*; ойрат. *xīb ~ xüw ~ xöb*.

- Сохранение структуры *VCV*, в то время как в современных монгольских языках образовалась вторичная долгая гласная:

тув. *dovurzak* ‘тюбетейка’ ← монгол. **togursag < *toγurčay* ‘*бom*. цветочная чашечка; ермолка’: среднемонгол.: Precl.Мо. *tourčay*; лит. монг. *toγurčay*; ср. совр. монгол.: халх. *tōrcog*; бурят. *tōrsog*; ойрат. *tōrtsük ~ tōrtsäk*;

тув. *ködege* ‘деревня’ ← монгол. **ködege*: среднемонгол.: Precl.Мо. *ködege*; MNT *köde’e*; НУ *ködö’e*; лит. монг. *ködege(n)*; ср. совр. монгол.: халх. *xödö*’; бурят. *xüdü*’; ойрат. *ködä*’;

тув. *togana* ‘круг верхнего отверстия юрты’ ← монгол. **togona*: лит. монг. *toγono ~ toγon-a*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят. *tōn*.

Поздний пласт

- Образование вторичной долгой гласной по второй гласной, как и в современных монгольских языках:

$\bar{U} \leftarrow AGU$:

тув. *būral* ‘крах, крушение, провал, банкротство’ ← монгол. **būral < baγural* ‘упадок, распад, ослабление, регресс’ < *baγura-* ‘снижаться, убавляться, уменьшаться; стихать, ослабевать; приходиться в упадок’ -*l* {VN, см. GWM §159}: совр. монгол.: халх. *būral*; калмык. *būrl*; бурят. *būralga*; ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *baγura-*; лит. монг. *baγural*;

тув. *ūrge* ‘груз, нагрузка; тяжесть’ ← монгол. *ūrge < *egürge* ‘ноша; долг, обязанность, нагрузка; роль, обязанность’ < *egür-* ‘носить (на плечах, спине); брать, положить, нагрузить на себя’ -*GAn* {VN, см. GWM §149}; совр. монгол.: халх. *ūreg*; калмык. *ūr²g* ~ *ūr¹g*; бурят. *ūrge*; ср. лит. монг. *egürge*.

Ū ← *IGU*:

тув. *božū* ‘побыстрее, поскорее’ ← монгол. *bušū < *bušiyu* ‘скоро, быстро, поспешно, живо; скорый, быстрый, поспешный’: совр. монгол.: халх.; ойрат.; бурят. *bušū*; ср. лит. монг. *busiyu* ~ *bisiyu*;

тув. *dūlgūr* ‘ключ’ ← монгол. *tūlkūr < *tūlkigür* ‘ключ, отмычка; род лопаты для сгребания снега’ < *tūlki-* ‘толкать’ -*GUr* {VN, см. GWM §155}; совр. монгол.: халх. *tūlxūr*; ойрат. *tūlkūr*; бурят. *tūlxuyūr*; ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *tūlki-*; НУ *tūri’ūr*; лит. монг. *tūlkigür*.

- Образование вторичной долгой гласной на месте монгольской исторической краткой гласной, как и в современных монгольских языках:

тув. *agār* ‘воздух, атмосфера; погода’ ← монгол. *agār < *aγar*: совр. монгол.: халх.; бурят. *agār*; ср. лит. монг. *aγar*;

тув. *surgāl* ‘наставление, поучение’ ← монгол. *surgāl < *surγal* ‘учение, поучение, наставление’ < *sur-* ‘учиться; привыкать; спрашивать’ -*GA-* {VV, см. GWM §224} ‘преподавать, учить’ -*l* {VN, см. GWM §159}; совр. монгол.: халх. *surgāl*; бурят. *hurgāl*; ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *surγal*; Муq. *surγa-*; НУ *surqa-*; лит. монг. *surγal*;

тув. *mōgü* ‘гриб’ ← монгол. *mōgö: совр. монгол.: халх. *mōg*; калмык. *mōgö*; бурят. *mōge*; ср. лит. монг. *mōgü* ← китайск.

2.2. Развитие монгольской исторической гласной **i-* в начальной позиции слова:

- Сохранение **i-*, как и в раннем монгольском языке:

тув. *ĩrgay* ‘бom. анемон (*Anemone pulsatilla*)’ ← монгол. **ĩrgai*; лит. монг. *iryai*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят. *yargai*; калмык. *yaryā*.

- Изменение **i-* > *yV-*, как и в современных монгольских языках:

тув. *yora* ‘дурное предзнаменование’ ← монгол. **yoro* < *iro* ‘предчувствие, плохая примета’: совр. монгол.: халх. *yor*; калмык. *yor^o*; бурят. *yoro*; ср. лит. монг. *irua* ~ *iro* ← тюрк.: ср. староуйгур. *irü* ‘предзнаменование, знак’;

тув. *yörēl* ‘благословение, напутствие, пожелание’ ← монгол. **yörēl* < *irügel* ‘пожелание, желание блага’ < *irüge-* ‘желать блага, молиться’ -*l* {VN, см. GWM §159}; совр. монгол.: халх. *yerōl*; ойрат. *yörāl*; бурят. *yürōl*; ср. среднемонгол.: Precl.Mo. *irügel* ~ *irüger*; MNT; ‘Phags-pa *hirü’er*; лит. монг. *irügel*.

2.3. Судьба монгольского исторического дифтонга **-ei* в конечной позиции слова

Ранний пласт

- Сохранение дифтонга **-ei*, тогда как в современных монгольских языках образовалась долгая гласная:

тув. *düley* ‘глухой’ ← монгол. **dülei*; среднемонгол.: Ibn-Muh. *düle(i)*; Muq. *dülei*; лит. монг. *dülei*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят. *dül̄i*; калмык. *dülā*;

тув. *negey* ‘овчинная шуба, тулуп’ ← монгол. **nekei* ‘войлок’: среднемонгол.: MNT; HҮ; Ibn-Muh.; Muq. *nekei*; лит. монг. *nekei*; ср. совр. монгол.: халх. *nex̄i*; бурят. *nex̄i*; калмык. *+nekā*;

тув. *ölčey* ‘счастье, благодать’ ← монгол. **öljei*: среднемонгол.: Precl.Мо.; MNT; НУ; ‘Phags-па *öljei*; лит. монг. *öljei*; ср. совр. монгол.: халх. *öldzī*; бурят. *ülzī*; калмык. *ölzā ~ ölzō*.

2.4. Развитие исторической монгольской переднеязычной согласной **t-* в начальной позиции слова

Ранний пласт

- Спорадическое изменение *t- > d-*, как и в тувинских словах тюркского происхождения:

старотюрк. *tāš* ‘камень’ ~ тув. *daš*;

старотюрк. *tīš* ‘зуб’ ~ тув. *diš*;

старотюрк. *töšek* ‘матрас, постельное бельё’ ~ тув. *döžek*;

тув. *das* ‘гриф’ ← монгол. **tas*: лит. монг. *tas*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *tas*;

тув. *dugay* ‘изгиб, лука реки; мера длины локоть’ ← монгол. **tokai* ‘локоть’: среднемонгол.: НУ *toqai ~ toqui*; Leiden; Muq.; Ist. *toqai*; лит. монг. *toqai*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят. *toxoi*; ойрат. *toxā ~ toxō*;

тув. *dürgen* ‘быстрый’ ← монгол. **türgen*: среднемонгол.: MNT *türgen ~ türgün*; НУ; Muq. *türgen*; лит. монг. *türgen*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят. *türgen*; калмык. *türgn*.

Поздний пласт

- Сохранение **t-*:

тув. *tala* ‘сторона, бок; приятель, друг, любимый человек’ ← монгол. **tala* ‘степь, сторона, направление; друг, приятель’: ср. лит. монг. *tala*; совр. монгол.: халх. *tal*; калмык. *tal*; бурят. *tala*;

тув. *taybin* ‘мир, покой, спокойствие’ ← монгол. **taybiŋ*: лит. монг. *tayibung* ~ *tayibing*; ср. совр. монгол.: халх. *taiwan*; бурят. *taiban*; калмык. *tāwŋ* ← китайск. *tàipíng*.

2.5. Развитие исторической монгольской среднеязычной согласной *у- в начальной позиции слова:

Ранний пласт

- Изменение *у- > č-, как и в тувинских словах тюркского происхождения:

старотюрк. *yil* ‘год’ ~ тув. *čil*;
старотюрк. *yüz* ‘сто’ ~ тув. *čüs*;
старотюрк. *yāz* ‘лето’ ~ тув. *čas* ‘весна’;

тув. *čada-* ‘не мочь, не быть в состоянии’ ← монгол. **yada-*: среднемонгол.: Precl.Мо.; MNT; НҮ; Муq. *yada-*; лит. монг. *yada-*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *yada-*.

Поздний пласт

- Сохранение монгольского *у-:

тув. *yagān* ‘розовый’ ← монгол. **yagān* < **ya* + *Gan* {NN, см. [Khabtagaeva 2001: 99]}; ср. лит. монг. *yagan*; совр. монгол.: халх. *yagān* ‘розовый’; бурят. *yagān*;

тув. *yari-* ‘сказать, говорить, повествовать’ ← монгол. **yari-*: ср. лит. монг. *yari-*; совр. монгол.: халх. *yari-* ‘сказать’; бурят. *yari-*;

тув. *yanzi* ‘тип, вид, род; вариант, разновидность; порядок’ ← монгол. **yanza*: ср. лит. монг. *yangju*; совр. монгол.: халх. *yandz*; калмык.; бурят. *yanza* ← китайск. *yàngzi*.

2.6. Развитие исторической монгольской согласной *č- в начальной позиции слова

Ранний пласт

- Изменение исторической монгольской согласной *č- > š- в начальной позиции слова, как и в тувинских словах тюркского происхождения

старотюрк. *čaq-* ~ тув. *šak-* ‘зажигать спичку’;

старотюрк. *čap-* ~ тув. *šap-* ‘скакать на коне; бить, ударять’;

старотюрк. *čolpan* ‘планета Венера’ ~ тув. *šolban*;

тув. *šaviđar* ‘игрневый (*масть лошади*)’ ← монгол. *čabidar < *ča ‘белый, светлый’ + *bidAr* {фонетический вариант NN суффикса +*biUr*, см. [Khabtagaeva 2001: 146]}; среднемонгол. Муq. *čabdar*; лит. монг. *čabidar*; ср. совр. монгол.: халх. *caw'dar*; бурят. *sabidar*; ойрат. *tsäwdir*;

тув. *šever* ‘искусный, умелый; чистый, опрятный’ ← монгол. *čeber ‘чистый, опрятный’: среднемонгол.: Муq. *čeber* ‘красноречивый’; лит. монг. *čeber*; ср. совр. монгол.: халх. *cewer*; бурят. *seber*; ойрат. *tsewer* ~ *tseür*;

тув. *šola* ‘прозвище, псевдоним’ ← монгол. *čola ‘звание; хвалебная песнь, ода; кличка, прозвище’: среднемонгол.: Precl. Mo.; Муq. *čola*; НУ *čolo*; лит. монг. *čola*; ср. совр. монгол.: халх. *col*; бурят. *solo*; калмык. *tsolo*.

Переходный пласт

- Сохранение начального *č-, тогда как в ранний период закономерен переход звука в š-, а в поздний период — изменение, как в современных монгольских языках:

тув. *čayir* ‘полуда, оцинковка, никелировка’ ← монгол. *čayir ‘цинк’ < *ča ‘белый’ + *yi-* {NV, см. [Khabtagaeva 2001: 127]} -*r* {VN, см. GWM §178}; лит. монг. *čayir*; ср. совр. монгол.: халх. *cair*; бурят. *sair*; калмык. *tsār*;

тув. *čečen* ‘красноречивый; меткий; художественный’ ← монгол. *čečen ‘мудрый, умный; меткий’: среднемонгол.: MNT; НУ; ‘Phags-pa *sečen*; Ibn-Muh. *čečen*; лит. монг. *čečen* ~ *sečen*; ср. совр. монгол.: халх. *cecen*; бурят. *sesen*; калмык. *tsetsn*;

тув. *čüm* ‘целый, нетронутый’ ← монгол. *čöm ‘все, всё, полностью’: среднемонгол.: Precl.Мо. *čöm*; лит. монг. *čöm*; ср. совр. монгол.: халх. *cöm*; бурят. *süm*; калмык. *tsöm*.

Поздний пласт

- Изменение звука *č*- > *s*-, как и в бурятском языке:

тув. *sagān* ‘белый’ ← монгол. *sagān < *čayan* < *ča + *GAn* {NN, см. [Khabtagaeva 2001: 99]}; бурят. *sagān*; ср. совр. монгол.: халх. *sagān*; ойрат. *tsagān*; среднемонгол.: Precl.Мо. *čayaγan* ~ *čayan*; MNT *čaqān*; НУ *čaqān* ~ *čayān*; ZY *čaqān* ~ *jaqan*; ‘Phags-pa; Leiden *čaqān*; Ibn-Muh. *čayān*; Muq. *čaqān* ~ *jaqan*; Ist. *čayān*; лит. монг. *čayan*;

тув. *sam* ‘религиозный танец-пантомима монахов’ ← монгол. *sam < *čam*; бурят. *sam*; ср. совр. монгол.: халх. *sam*; калмык. *tsam*; лит. монг. *čam* ← тибет. ‘*cham* ‘танцевать, танцор’;

тув. *seserlik* ‘парк, сквер; палисадник’ ← монгол. *seserlig < *čečerlig* ‘цветочный сад’ < *čečeg* ‘цветок’ + *IIG* {NN, см. GWM §127}; бурят. *seserlig*; ср. совр. монгол.: халх. *cecerleg*; среднемонгол.: Precl.Мо. *čečeglig*; Ibn-Muh.; Muq.; НУ *čeček*; ZY *čeče(k)*; лит. монг. *čečeglig* ← тюрк.: ср. старотюрк. *čečäklik* ‘цветочный сад’ < *čečäk* ‘цветок’.

Ранний пласт (?)

Несколько примеров с начальным тувинским согласным *s*- трудно отнести к бурятскому пласту заимствования. Предполагается развитие звука в более ранний период,

это подтверждают два тувинских примера-исключения с начальным *s-*, образованных от *y-* через изменение *č⁶:

старотюрк. *yultuz* ‘звезда’ ~ тув. *sildis* (< *čultus);
старотюрк. *yastuq* ‘подушка’ ~ тув. *sistik*.

В первом тувинском примере ранний период заимствования предполагает изменение интервокального *VsV > VzV*:

тув. *sāzin* ‘бумага’ ← монгол. *čāsun < čayalsun ‘бумага’ < *ča ‘белый’ + *GAn* {NN, см. [Khabtagaeva 2001: 99]} + *LA-* {NV, см. GWM §245} -*sUn* {VN, см. GWM §180}; среднемонгол.: Precl.Мо. čayasun; MNT; НУ ča’alsun; Муq. čālsun; лит. монг. čayasu(n) ~ čayalsu(n) ~ čayarsu(n); ср. совр. монгол.: халх. cās; бурят. sārha(n); калмык. tsāsn;

В данном тувинском примере ранний пласт подтверждает сохранение интервокального *VčV*:

тув. *sögüče* ‘личная чашка ламы’ ← монгол. *čögöče ‘чашка для масла, жертвенных зёрен’: среднемонгол.: Precl.Мо. čögeče; лит. монг. čögöče ~ čögeče ~ čöčige; ср. совр. монгол.: халх. cögc; бурят. sügse; калмык. tsögtä.

2.7. Развитие исторической монгольской согласной **l-* в начальной позиции слова

Ранний пласт

- Образование протетической начальной гласной *i-* или *u-* перед согласными *l-* из-за отсутствия данных согласных звуков в начальной позиции тувинских слов тюркского происхождения:

⁶ Здесь предполагается возможность якутского влияния, где произошло закономерное изменение старотюркского *y-* > *s-*, например: старотюрк. *yöl* ‘дорога’ > якут. *suol*, старотюрк. *yüz* ‘сто’ > якут. *sūs* и т. д.

тув. *ilap* ‘точно, верно, правильно, действительно’ ← монгол. *lab: среднемонгол.: Precl.Мо.; ‘Phags-*pa lab*; лит. монг. *lab*; ср. совр. монгол.: халх. *law*; бурят.; калмык. *lab*;

тув. *ulu* ‘дракон’ ← монгол. *lu: лит. монг. *luu*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *lū* ← тюрк. ← китайск.

Поздний пласт

- Сохранение начального *l*-:

тув. *langīi* ‘торговая лавка’ ← монгол. *langū: лит. монг. *languu*; ср. совр. монгол.: халх. *langū* ← китайск. *lángguì*;

тув. *lama* ‘лама, монах’ ← монгол. *lama: среднемонгол.: Precl.Мо.; ‘Phags-*pa lama*; лит. монг. *lam-a* ~ *blam-a*; ср. совр. монгол.: халх. *lam*; бурят. *lama*; калмык. *laba* ← тибет. *bla-ma*.

2.8. Развитие исторического монгольского звука *ši- на первом слого слова

Ранний пласт

- Сохранение *ši-, в то время как в современных монгольских языках произошла ассимиляция гласной *i:

тув. *šīgā* ‘целиться, метиться’ ← монгол. *šīgā < *siγaya*- ‘заглядывать, подсматривать; прицеливаться’: лит. монг. *siqaya*- ~ *siya*-; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *šagā*-;

тув. *šimda* ‘скорее, быстрее’ ← монгол. *šimda- < *simda*- ‘торопиться’: лит. монг. *simda*-; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *šamda*-;

тув. *šimil* ‘зоол. личинка’ ← монгол. *šimūl < *simayul* ‘комар, насекомое’ < **sim+A*- {NV, см. [Khabtagaeva 2009: 288]}

-*Gul* {VN, см. [Khabtagaeva 2009: 285]}; среднемонгол.: Precl.Мо. *šimuyul*; НУ *šimu'ul*; Муқ. *šimül*; лит. монг. *simayul*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; ойрат. *šimül* ← тюрк. *sim < **siŋ*⁷: ср. старотюрк. *siŋäk* ‘жужащее насекомое’ ~ тув. *sēk* ‘муха’.

Поздний пласт

- Ассимиляция исторического монгольского звука *ši- на первом слогe слова, как в современных монгольских языках:

тув. *šūrgan* ‘буран, ураган, буря’ ← монгол. *šūrgan < *siyuryan* ‘метель, пурга, буран, буря’ < *siyur-* ‘мести, бушевать (о метели); свирепствовать (о ветре)’ -*GAN* {VN, см. GWM §149}: совр. монгол.: халх.; калмык.; бурят. *šūrga(n)*; ср. лит. монг. *siyuryan*;

тув. *šudurgū* ‘настойчивый, упорный, напористый, старательный; деловой’ ← монгол. *šudryū < *sidurğu* ‘честный, бескорыстный; прямой; преданный; прогрессивный (о людях)’: совр. монгол.: халх. *šudraga*; калмык. *šudrya* ~ *šudryū*; бурят. *šudarga*; ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *šiduryu(i)*; MNT *šidurqu*; Муқ. *šiduryu*; лит. монг. *siduryu* ~ *sidury-a*;

тув. *šüdüleŋ* ‘трёхгодовалый (о домашних животных)’ ← монгол. *šüdüleŋ < *sidüleŋ* ‘трёхгодовалый (о лошади, быке); двухгодовалый (об овце)’ < *sidü(n)* ‘зуб’ +*Lang* {NN, см. [Khabtagaeva 2009: 282]}; совр. монгол.: халх. *šüdleŋ*; калмык. *šüdlŋ*; бурят. *šüdeleŋ*; ср. среднемонгол.: Leiden; Ibn-Muh.; Ist.; Муқ. *šidün* ‘зуб’; лит. монг. *sidüleng*.

⁷ О тюрко-монгольском соответствии *sim < *siŋ в слове *siŋäk* ‘жужащее насекомое’ подробнее см. [Róna-Tas, Ver-ta 2011: 822–824].

2.9. Развитие исторического монгольского увулярного согласного *q- в начальной позиции слова

Ранний пласт

- Сохранение согласного *q-, в то время как в современных монгольских языках произошла спирализация:

тув. *kavi* ‘окрестность’ ← монгол. *kabi: лит. монг. *qabi*; ср. совр. монгол.: халх. *xaw*’; бурят. *xabi*; ойрат. *xāw*;

тув. *kuluzun* ‘тростник, бамбук’ ← монгол. *kulusun < *kulu* +*sUn* {NN, см. GWM §137}; среднемонгол.: Precl. Мо.; Ibn-Muh.; Муq.; Ist.; НУ; ЗУ *qulusun*; ‘Phags-pa *qulu*; лит. монг. *kulusun*; ср. совр. монгол.: халх. *xuls(an)*; бурят. *xulha(n)*; калмык. *xulusn* ~ *xulsn*;

тув. *kur* ‘нетронутый; запасной’ ← монгол. *kur: лит. монг. *qur*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; калмык. *xur*.

Поздний пласт:

- Спирализация согласного *q-, как и в современных монгольских языках:

тув. *xalbaga* ‘поварёшка, черпак’ ← монгол. *xalbaga < *qalbayā* ‘ложка’ < *qalba-GAn {VN, см. GWM §149}; совр. монгол.: халх.; бурят. *xalbaga*; ойрат. *xalwāgā* ~ *xalbāg*; ср. среднемонгол.: Precl. Мо. *qalbuγ-a*; MNT; НУ; ЗУ *qalbuqa*; Муq. *qalbuγa*; лит. монг. *qalbay-a(n)* ~ *qalbuγ-a* ← тюрк. **qalbā-* ‘царапать’: ср. старотюрк. *qašiq* ‘ложка’ < *qaši-*;

тув. *xana* ‘стена; решётка юрты’ ← монгол. *xana < *qana* ‘решётчатая стенка юрты; стена; мишень’: совр. монгол.: халх.; бурят. *xana*; калмык. *xan^a*; ср. лит. монг. *qan-a*;

тув. *xūrtak* ‘лживый, шарлатанский, одурманивающий’ ← монгол. *xūrtak < *qayurtak* ‘ложный,

фальшивый, обманчивый, неискренний’ < *qaγur-* ‘обманывать, надувать, плутовать’ -*mAG* {VN, см. GWM §166}: совр. монгол.: халх.; калмык.; бурят. *xūrtag*; ср. лит. монг. *Qaγurtaγ*.

2.10. Развитие исторического монгольского переднеязычного согласного *VjV в интервокальной позиции слова

Ранний пласт

- Соответствие монгольского VjV как VžV в тувинском, в то время как в современных монгольских языках согласный изменился в халхасском в /dz/, а в бурятском и ойратском в /z/:

тув. *bužar* ‘скверный, позорный, гнусный’ ← монгол. *bujar ‘грязь, нечистоты; мерзость, гадость; бесчестный, позорный’: среднемонгол.: Муq. *bizar*; лит. монг. *bujar*; ср. совр. монгол.: халх. *budzar*; бурят. *buzar*; калмык. *buzr*;

тув. *kežege* ‘коса (заплетённые волосы)’ ← монгол. *gejige ‘затылок; коса; волосы’ < *gedige < *gede* ‘затылок или задняя часть шеи’ +*GAn* {NN, см. [Khabtagaeva 2009: 280]}: среднемонгол.: MNT; Ibn-Muh.; Муq. *gejige*; лит. монг. *gejige*; ср. совр. монгол.: халх. *gedzeg*; бурят. *gezege*; ойрат. *gidzig* ~ *gidžgě* ← Turkic *gedi < *kedi: ср. старотюрк. *kēdin* ‘сзади; потом’ < *kē ‘назад; взади’;

тув. *kižālaŋ* ‘четырёхгодовалый (о крупном рогатом скоте и лошадах)’ ← монгол. *kiǰālaŋ < *kiǰaγalaŋ* < *kidiγalaŋ < *kiduγalaŋ < *kidu-* ‘резать’ -*GAn* {VN, см. GWM §149} +*laŋ* {NN 32, см. [Khabtagaeva 2009: 282]}: среднемонгол.: Муq. *kidālan*; лит. монг. *kiǰaγalaŋ*; ср. совр. монгол.: халх. *xuadzālan*; бурят. *xizālaŋ* ← тюрк. **qidū-* ‘резать’: ср. старотюрк. *qid-*.

Поздний пласт

- Изменение монгольского $\check{y} > z$ в интервокальном положении и в кластере тувинских слов, как и в современных монгольских языках:

тув. *üzel* ‘взгляд, воззрение, убеждение, точка зрения, аспект’ ← монгол. **üzel < üjel* ‘взгляд, воззрение, мировоззрение’ < *üje-* ‘смотреть, рассматривать’ -*l* {VN, см. GWM §159}; совр. монгол.: халх. *üdzel*; калмык. *üzl*; бурят. *üzel*; ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *üjel*; НҮ; ‘Phags-pa; Leiden; Ibn-Muh.; Ist. *üje-*; Муq. *üje- ~ hüje-*; лит. монг. *üjel*;

тув. *sorunza* ‘магнит’ ← монгол. **soronzа < soronja*: совр. монгол.: халх. *sorondz*; бурят. *suranza*; ср. лит. монг. *soronja(n)*;

тув. *eremelze-* ‘желать, хотеть; надеяться’ ← монгол. **ermelze- < eremelje-* ‘стремиться, добивать; сильно мечтать, желать’: совр. монгол.: халх. *ermeldze-*; бурят. *eremelze-*; ср. лит. монг. *eremelje-*.

2.11. Развитие исторического монгольского переднеязычного согласного **ViV* в интервокальной позиции слова

Ранний пласт

- Озвончение монгольского глухого согласного **ViV*, как и в тувинских словах тюркского происхождения:

старотюрк. *ata* ‘отец’ ~ тув. *ada*;
 старотюрк. *ätäk* ‘юбка’ ~ тув. *edek*;
 старотюрк. *yota* ‘бедро’ ~ тув. *čoda* ‘нога’;

тув. *adān* ‘месть, вражда’ ← монгол. **atān < ataγan*: лит. монг. *ataγan*; ср. совр. монгол.: халх.; бурят.; ойрат. *atān*;

тув. *udazīn* ‘нитка’ ← монгол. **utasun < huta +sUn* {NN, см. GWM §137}; среднемонгол.: Precl.Мо.; Муq.

utasun; Ibn- Muh.; Ist. *hutasun*; НҮ; ЗҮ *hudasun*; лит. монг. *utasun* ‘нитка’; ср. совр. монгол.: халх. *utas* ~ *utsan*; бурят. *utaha(n)*; ойрат. *utsān* ~ *ūtsūn*.

Поздний пласт

- Сохранение монгольского глухого согласного **ViV*:

тув. *amiṭan* ‘живое существо, животное’ ← монгол. **amitan* ‘животное’ < *ami* ‘жизнь; дыхание’ + *tAn* {NN, см. GWM §139}: ср. среднемонгол.: Precl.Мо.; НҮ *amitan*; лит. монг. *amitan*; совр. монгол.: халх. *am'tan*; ойрат. *ämtän*; бурят. *amitan*;

тув. *ergeten* ‘привилегированный; имущий’ ← монгол. **erketen* ‘имеющие власть; владыки, господа’ < *erke* ‘право, полномочие, власть’ + *tAn* {NN, см. GWM §139}: ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *erketen*; MNT *erke*; Муq. *erketü* (< *erke*+*tU*) ‘сильный’; лит. монг. *erketen*; совр. монгол.: халх. *erxten*; ойрат. *erkētēn*; бурят. *erxeten* ← тюрк. **ärkÄ*: ср. старотюрк. *ärk* ‘власть, воля, независимость’;

тув. *nīti* ‘общий; общественный’ ← монгол. **nīte* < *neyite* ‘весь, всего; совокупность’: ср. среднемонгол.: Precl.Мо. *ne(y)ite*; лит. монг. *neyite*; совр. монгол.: халх. *nīti*; бурят. *nīte*.

2.12. Развитие исторического монгольского переднеязычного согласного **VčV* в интервокальной позиции слова

Ранний пласт

- Изменение монгольского согласного **VčV* > *VzV*, как и в тувинских словах тюркского происхождения:

старотюрк. *ačig* ‘горький’ ~ тув. *ažig*;
старотюрк. *bičak* ‘нож’ ~ тув. *bižek*;
старотюрк. *ičin* ‘внутри’ ~ тув. *ižin* ‘живот’;

тув. *kuža* ‘баран-производитель’ ← монгол. *kuča: среднемонгол.: НҮ; Ibn-Muh.; Муқ. *quča*; лит. монг. *quča*; ср. совр. монгол.: халх. *xuc*; бурят. *xusa*; калмык. *xutsa* ← тюрк. *qočā: ср. старотюрк. *qoč* ~ *qočŋār* ‘баран-производитель’ ~ тув. *koškar*;

тув. *tōža* ‘спор’ ← монгол. *bōčō < *boγoča* ‘заклад, спор, пари’ < *boγo-* ‘завязывать, обёртывать’ -*ča* {VN, см. GWM §142}: лит. монг. *boγoča*; ср. совр. монгол.: халх. *bōcō*; бурят. *bōsō(n)*; ойрат. *bōtsō*.

Переходной пласт

- Сохранение монгольского *VčV* как в ранних монгольских источниках:

тув. *ečis* ‘конечный, дальнейший’ ← монгол. *ečüs ‘конец’: среднемонгол.: Precl.Мо. *ečüs*; ‘Phags-pa; НҮ *hečüs*; лит. монг. *ečüs*; ср. совр. монгол.: халх. *eces*; бурят. *eses*; калмык. *öts^os*;

тув. *oŋgača* ‘колода для корма скота’ ← монгол. *oŋgača < *oŋγoča* ‘водопойная колода; кормушка, корыто; ванна; лодка, челнок; судно, корабль; самолёт’: среднемонгол.: Precl.Мо. *oŋγoča*; ‘Phags-pa *oŋqoča*; Муқ. *oŋqača*; Ist.; НҮ *oŋgqača*; ZY *oŋγoča*; лит. монг. *oŋγoča*; ср. совр. монгол.: халх. *oŋgoc*; бурят. *oŋgoso*; калмык. *oŋgats^a*;

тув. *xarāčigay* ‘ласточка’ ← монгол. *karāčagai < *qarayačai* ‘ласточка’ < *qara* ‘чёрный’ + *GAčAi* {NN, см. [Khabtagaeva 2001: 107]}: среднемонгол.: НҮ; ZY *qariyača*; лит. монг. *qariyačai* ~ *qarayačai*; ср. совр. монгол.: халх. *xarācai*; бурят. *xarāsgai*; ойрат. *xarādā* ~ *xarādaě*.

- Изменение монгольского согласного *VčV > *VsV* предполагает или переходный, или поздний период (бурятский) заимствования.

В данных тувинских примерах другие фонетические изменения указывают на переходный пласт, так как в первом случае начальный согласный **t-* озвончился, а во втором случае образовалась вторичная долгая гласная на первом слоге:

тув. *demisel* ‘борьба’ ← монгол. **temečel* ‘борьба’ < *temeče-* ‘бороться; состязаться, спорить; устремляться, стремиться вперёд’ -l {VN, см. GWM §159}; среднемонгол.: Precl.Мо. *temečel*; MNT *temeče-* ~ *demeče-*; ‘Phags-pa; Муq. *temeče-*; лит. монг. *temečel*; ср. совр. монгол.: халх. *temcel*; бурят. *temsel*; калмык. *temtsl*;

тув. *xūsā* ‘срок, время’ ← монгол. **qugičaga* ‘срок’ < *qugiča-* ‘устанавливать срок’ -GAn {VN, см. GWM §149}; лит. монг. *quγačaγa*; ср. совр. монгол.: халх. *xugacā*; бурят. *xugasā*; калмык. *xuyutšā*.

В одном тувинском случае исторический монгольский согласный *VčV* через **VšV* озвончился в *VzV*:

тув. *kazarča* ‘крыльцо, порог дома’ ← монгол. **kasabča* < *qačabčī* ‘косяк двери или окна; порог’ < **qača* + *bčī* {NN, см. GWM §108}; лит. монг. *qačabčī*; ср. совр. монгол.: халх. *xasawč*; бурят. *xasabša*; калмык. *xasaptši*.

3. Монгольские слова, заимствованные в тувинский язык дважды

В ходе этимологизации найдены монгольские заимствования, пришедшие в тувинский язык в разные периоды. Это доказывают фонетические изменения. Например:

- (1) общемонгол. *yada-* ‘не мочь, не уметь, не быть в состоянии, не иметь возможности *что-либо* делать’:

ср. среднемонгол.: Precl.Мо.; MNT; НУ; Муq. *yada-*; лит. монг. *yada-*; совр. монгол.: халх.; бурят. *yada-*; калмык. *yad^a-*;

- тув. čada- ‘не мочь, не быть в состоянии, не удаваться’.

Слово относится к раннему пласту заимствования, где характерно изменение *y-* > *č-*, как и в собственно тюркских словах.

- тув. yadara- {-*rA-* VV/Verba Media, см. GWM §237} ‘беднеть, нищать, становиться бедным, нищим; разоряться’.

Слово относится к позднему пласту заимствования, где монгольский начальный *y-* сохранился, как и в монгольских языках.

(2) общемонгол. **jol** ‘счастье, удача’:

ср. лит. монг. *jol*; совр. монгол.: халх. *dzol*; бурят.; калмык. *zol*;

- тув. čol ‘судьба, доля, счастье’.

Слово относится к раннему периоду заимствования, где монгольский исторический согласный *j-* закономерно изменился в *č-*;

- тув. sol ‘мир, покой, спокойствие’.

Слово заимствовано в поздний период, где монгольский начальный *j-* через **z-* оглушился в *s-*.

(3) общемонгол. **šili-** ‘отбирать, выбирать лучшее’:

ср. лит. монг. *sili-* ~ *sile-*; совр. монгол.: халх. *šile-*; бурят. *šele-*; калмык. *šil-*;

- тув. šili- ‘отделять мясо от костей; разрезать мясо’;
- тув. šili- ‘выбирать, отбирать, подбирать’.

Монгольское слово переднего (палатального) ряда. Тувинская форма *šili-* заднего (велярного) ряда скорее всего была заимствована в ранний период из письменной формы.

(4) общемонгол. *čaγan* ‘белый’ < *ča ‘белый’ + *GAn* {NN, см. [Khabtagaeva 2001: 99]}:

ср. среднемонгол.: MNT *čaqā'an*; Precl.Мо. *čaγaγan* ~ *čaγan*; ‘Phags-па *čaqān*; Leiden *čaqān*; Ibn-Muh. *čaγān*; Муq. *čaγān* ~ *čaqān*; НУ *čaqān* ~ *čaγān*; Ist. *čaγān*; ZY *čaqān* ~ *jaqan*; лит. монг. *čaγan*; совр. монгол.: халх. *sagān*; бурят. *sagān*; ойрат. *tsaγān*;

- тув. *šagā* ‘новогодний праздник, празднуемый по восточному лунному календарю’.

Тувинское слово относится к раннему пласту, где изменение *č-* > *š-* закономерно в тувинском и характерно для собственно-тюркских слов.

- тув. *sagān* ‘белый’.

Скорее всего, слово относится к позднему периоду и пришло в тувинский из бурятского языка, где типично изменение *č-* > *s-*.

4. Тувинские слова тюркского происхождения, употребляемые с монгольскими суффиксами

Многие тувинские слова тюркского происхождения употребляются с монгольскими суффиксами. В большинстве случаев это суффиксы, образующие имена существительные от глаголов, например:

4.13. {+*sUn*} — продуктивный монгольский суффикс, образующий имена существительные (NN), у которых значение часто совпадает с первичным (подробности см. GWM §137):

тув. *kögēzīn* (< *köker +*sUn*) ‘дикий голубь’ ~ старотюрк. *kögürčgün* (< *kökerč +*GXn* {тюрк. NN}) ‘голубь’;

тув. *sadižin* ‘вознаграждение, выкуп’ < *sadiğ* ‘торговля, продажа; выкуп’ < *sat-* ‘продавать, торговать’ (< **sā-t-*

{тюрк. каузатив, см. [Erdal 1991: 760], 763} -(X)G {тюрк. VN, см. [Erdal 1991: 172]} ~ старотюрк. *sat-* ‘продавать’ < *sā-* ‘покупать’.

- 4.14.** {-l} — продуктивный монгольский отглагольно-именной суффикс (VN), образующий имена существительные с абстрактным значением (подробности см. GWM §159):

тув. *ayitkal* ‘рапорт, доклад’ < *ayitka-* ‘докладывать’ (< *ayit-KA-* {монгол. VV, см. GWM §225}) < *ayit-* ‘указывать, показывать; наставлять, объяснять, разъяснять; обучать, учить’ (< **ay-* ‘говорить’ -*It-* {тюрк. каузатив, см. [Erdal 1991: 760, 763]} ~ старотюрк. *ayit-* ‘говорить речь, спрашивать’ < *ay-* ‘говорить, сказать, заявлять’.

- 4.15.** {-lGA} — продуктивный монгольский отглагольно-именной суффикс (VN), образующий имена существительные, обозначающие процесс (подробности см. GWM §161):

тув. *bastirilga* ‘молотьба’ < *bastir-* ‘топтать, давить, задавливать; молотить’ < *bas-* ‘давить, надавливать, нажимать’ ~ старотюрк. *bastur-* < *bas-* ‘давить’ -*Xr-* {тюрк. каузатив, см. [Erdal 1991: 799]};

тув. *ekižidilge* ‘улучшение, совершенствование’ < *ekižit-* ‘улучшать, делать лучше, совершенствовать’ < *ekiži-* ‘улучшаться, совершенствоваться’ < *eki* ‘хороший, лучший; добрый’ (< **ädgü+žI-* {тув. NV} -*t-* {тюрк. каузатив, см. [Erdal 1991: 760]}) ~ старотюрк. *ädgü* ‘хороший’.

- 4.16.** {-ltA} — продуктивный монгольский отглагольно-именной суффикс (VN), образующий имена существительные, обозначающие процесс (подробности см. GWM §163):

тув. *čūlda* ‘мытьё, стирка’ < *čug-* ‘мыть, смывать; стирать’ ~ старотюрк. *yū-* ‘мыть’;

тув. *körülde* ‘обзор, наблюдение, смотр; зрелище’ < *kör-* ‘смотреть’ ~ старотюрк. *kör-*;

тув. *özülde* ‘рост, развитие; прирост’ < *ös-* ‘расти, вырастать; *перен.* развиваться’ ~ старотюрк. *ös-* ‘расти’.

- 4.17.** {-*mal*} — продуктивный монгольский отглагольно-именной суффикс (VN), образующий имена существительные или прилагательные, указывающие на качество (подробности см. GWM §168):

тув. *čirimal* ‘*асмп.* светило’ < *čiri-* ‘светить, становиться светлым, освещаться’ ~ старотюрк. *yaru-* ‘быть или стать ярким, сиять’;

тув. *čorumal* ‘путник; находящийся в пути’ < *čor(u)-* ‘идти, ехать, уезжать’ ~ старотюрк. *yori-* ‘идти’;

тув. *kazimal* ‘ископаемый’ < *kas-* ‘копать, рыть, выкапывать, вырывать’ ~ старотюрк. *qaz-*.

- 4.18.** {-*mji*} — продуктивный монгольский отглагольно-именной суффикс (VN), образующий имена существительные с абстрактным значением (подробности см. GWM §171):

тув. *berimče* ‘благо; даяние’ < *ber-* ‘давать’ ~ старотюрк. *bēr-*;

тув. *čedimče* ‘успех, удача; достаток’ < *čet-* ‘достигать, добираться; доходить; доставать, дотягиваться’ ~ старотюрк. *yät-*;

тув. *kezemče* ‘наказание, кара’ < *kes-* ‘резать; рубить’ ~ старотюрк. *käs-* ‘резать, отрезать’.

- 4.19.** {+*rKA-*} – продуктивный монгольский суффикс, образующий глагольные формы от имени (NV) со значением владения чем-то в изобилии (подробности см. GWM §247):

тув. *ekīrge-* ‘проявлять щедрость, доброту, гостеприимство’ < *eki* ‘хороший, лучший, добрый’ ~ старотюрк. *äðgü* ‘хороший’;

тув. *ulūrğa-* ‘вести себя высокомерно, быть заносчивым, зазнаваться’ < *ulug* ‘большой, великий’ ~ старотюрк. *uluğ*.

5. Изменение в семантике

Встречается несколько монгольских заимствований в тувинском, где изменилось, «расширилось», первоначальное лексическое значение, например:

тув. *palīra-* ‘тараторить; говорить непонятно, неразборчиво’ ← монгол. **balara-* ‘стираться, ступёвываться; перен. уничтожаться, испепеляться’ < *balar* ‘тёмный, мрачный, густой, дремучий, непроницаемый; перен. мрачный, смутный’ +A- {NV, см. [Khabtagaeva 2009: 288]}; среднемонгол.: Precl.Мо. *balara-*; лит. монг. *balar-*; ср. совр. монгол.: халх. *balra-*; бурят. *balar-*;

тув. *olča* ‘пополнение в семье (о только что родившемся ребёнке)’ ← монгол. **olġa* ‘находка; добыча; доход, прибыль, барыш; выгода, польза; трофей’ < *ol-* ‘находить, обнаруживать; доставать, добывать, получать, приобретать; завоевывать’ -ġA {VN, см. GWM §158}; среднемонгол.: Precl.Мо.; MNT; Муq. *olġa*; ‘Phags-pa; Leiden; Ibn-Muh. *ol-*; лит. монг. *olġa*; ср. совр. монгол.: халх. *oldz*; бурят. *olzo*; калмык. *olz^o*;

тув. *salā* ‘палец’ ← монгол. **salā* < *salaya* ‘ветвь или ответвление дерева; зубцы вилки; пространство между пальцев рук или ног; приток, рукав реки; часть; отдел, филиал (научный, в магазине); отряд, взвод’ < *salu-* ‘отделяться, отрываться от чего-либо; разъединиться, расходиться, разлучаться’ -GAN {VN, см. GWM §149};

среднемонгол.; лит. монг.; ср. совр. монгол.: халх.; калмык. *salā*; бурят. *halā*.

Интересный случай, когда лексическое значение тувинского слова с «положительным» характером приобрело «отрицательное»:

тув. *avīyās* ‘двуличность, притворство, лукавство, лицемерие, фальшь’ ← монгол. **abiyas* ‘талант, способность, дар, склонность’: среднемонгол.: Precl.Мо. *abiyas*; лит. монг. *abiyas*; ср. совр. монгол.: халх. *aw’yās*; бурят. *ab’yās*; калмык. *awiās ~ äwās* ← тюрк.: ср. старотюрк. *abiyaz* ← санскрит.

6. Монгольские заимствования тюркского происхождения

Во время этимологизации тувинских слов я нашла монгольские слова тюркского происхождения. В литературе этот тип заимствований называется «перезаимствованиями» или «re-borrowings». Многие тувинские слова также имеют помимо этого сохранившуюся тюркскую форму. Явно выделяются фонетические, морфологические и семантические критерии выделения монгольских элементов тюркского происхождения:

6.1. Фонетические критерии

6.1.1. Наличие гласной на конце слова:

тув. *kuža* ‘баран-производитель’ ← монгол. **kuča*: ср. лит. монг. *qiča* ← тюрк. **qočā* : ср. старотюрк. *qoč / qočŋār* ~ тув. *koškar*;

тув. *küčü* ‘мощь, мощность’ ← монгол. **küčü*: ср. лит. монг. *küčü(n)* ← тюрк. **küčX*: ср. старотюрк. *küč* ‘сила’ ~ тув. *küš* ‘сила, энергия’;

тув. *berge* ‘трудный, тяжёлый, затруднительный’ ← монгол. **berke*: ср. лит. монг. *berke* ← тюрк. **bärkĀ*: ср. старотюрк.

bärk ‘устойчивый, твёрдый’ ~ тув. *bert* ‘труднопроходимый, труднопроходимое место’.

6.1.2. Тюрко-монгольский ротацизм и ламбдаизм:

тув. *aray* ‘слегка, чуть-чуть, немножко’ ← монгол. *arai < *ar +*Ai* {NN, см. [Khabtagaeva 2009: 279]}: ср. лит. монг. *arai* ‘едва, еле, кое-как; чуть, почти, немного’ ← тюрк. : ср. старотюрк. *āz* ‘мало’ ~ тув. *as* ‘немного, чуть-чуть’;

тув. *ximīrān* ‘жидкий чай из остатков гущи’ ← монгол. *kimurān < *qimīrā +*GAn* {NN, см. [Khabtagaeva 2009: 280]}: ср. лит. монг. *kimurayan* ‘кипячёная вода с молоком’ ← тюрк. *qimīrā: ср. старотюрк. *qimīz* ‘кобылье молоко, кумыс’ ~ тув. *ximīs*;

тув. *xūrene* ‘куница, колонок’ ← монгол. *kūrene: ср. лит. монг. *kūrene* ‘хорёк’ ← тюрк. *kūrān: ср. старотюрк. *küzān* ‘хорёк’ ~ тув. *kūzen* ‘куница, колонок’;

тув. *čalīū* ‘молодой, юный’ ← монгол. *jalū < *jalayu* < *jal +*A*- {NV, см. [Khabtagaeva 2009: 288]} -*GUn* {VN/Adj., см. GWM §154}: ср. лит. монг. *jalayu* ‘юный, молодой; юность, молодость’ ← тюрк. *jāl: ср. старотюрк. *yāš* ‘свежий’ ~ тув. *čaš* ‘младенческий, грудной; детский. молодой’;

тув. *xolu-* ‘смешивать, разводить; перемешивать; браковать, быть разборчивым’ ← монгол. **koli-*: ср. лит. монг. *qoli-* ‘смешивать, перемешивать, примешивать, подмешивать; путать, путаться’ ← тюрк. **qolī-*: ср. старотюрк. *qoš-* ‘соединять, объединять (две вещи)’ ~ тув. *koš-* ‘присоединять, прицеплять; надшивать, надставлять; спаривать’.

6.2. Морфологические критерии

Во многих тувинских словах тюркского происхождения заимствование из монгольского подтверждают монгольские суффиксы, например:

тув. *bayāt* ‘богач’ ← монгол. *bayan + *d* {монгольский суффикс множественного числа}: ср. лит. монг. *bayan* ← тюрк. *bāyā: ср. старотюрк. *bāy* ‘богатый; богатый человек’ ~ тув. *bay* ‘богатый, состоятельный, обеспеченный, зажиточный; богатый, обильный’;

тув. *solagay* ‘левый; левша’ ← монгол. *solo + *Gai* {NN/Adj., см. [Khabtagaeva 2009: 280]}: ср. лит. монг. *soloyai* ‘левый (о руке), левша; ошибочный, неисправный’ ← тюрк. *sōlō: ср. старотюрк. *sōl* ‘left’ ~ тув. *sol* ‘левый; левша’;

тув. *küzel* ‘желание, мечта’ ← монгол. *küsel* < *küse-* ‘to wish, desire’ -*l* {VN, см. GWM §159}: ср. лит. монг. *küsel* ← тюрк. **küsä-*: ср. старотюрк. *küsä-* ‘желать’ ~ тув. *küze-* ‘желать, хотеть; грезить, мечтать’;

тув. *tölevir* ‘плата, платёж, оплата’ ← монгол. *tölebüri < **tölö-* ‘платить, оплачивать, выплачивать’ -*bUri* {VN, см. GWM §141}: ср. лит. монг. *tölöbüri* ‘плата, оплата, платёж’ ← тюрк. **töle-*: ср. старотюрк. ‘платить долг, погасить кредит’ ~ тув. *töle-* ‘платить, уплачивать’.

6.3. Семантические критерии

Во многих тувинских словах, несмотря на общетюркскую фонетическую форму, лексическое значение слова доказывает заимствование из монгольского, например:

тув. *ertem* ‘наука, знание; учёный’ ← монгол. *erdem ‘образование, знания, учёность, наука’: ср. лит. монг. *erdem* ← тюрк. *ärdäm < *är* ‘мужчина’: ср. старотюрк. *ärdäm* ‘мужественные качества’;

тув. *derlik* ‘летний тувинский халат’ ← монгол.: ср. лит. монг. *terlig* ‘летний халат’ ← тюрк. *tärlik ‘потный, потник’ < *tär* ‘пот’: ср. старотюрк. *tärlik*;

тув. *karži* ‘жестокий, беспощадный, безжалостный; грубый, злой, свирепый’ ← монгол. *karši: ср. лит. монг. *qarsi* ← тюрк.

*qarši ‘против, напротив, наоборот’: ср. старотюрк. *qarši* < *qariš-* ‘не соглашаться; быть против друг друга’.

6.4. Гибридные слова

Найдены тувинские слова гибридного характера, когда фонетическая форма имеет и монгольские, и тюркские характерные черты. Например:

тув. *soguna* ‘лук, луковица’:

← монгол. *sō + *GXnV* < *sōŋ + *GXnA* {монгол. NN, см. GWM §119; [Khabtagaeva 2009: 280]}; ср. лит. монг. *songgina* ‘лук’;

< тюрк. *sō + *GXn* {тюрк. NN, см. Erdal 1991: 85–88}; ср. старотюрк. *sōġun* ‘onion’.

Тувинское слово относится к гибридной категории, где гласная *-a* на конце слова является монгольской чертой, а отсутствие согласного *-ŋ* в середине слова является аргументом в пользу тюркского влияния.

тув. *tavaygay* ‘ступня’:

← монгол. *taban + *KAi* {монгол. NN, см. GWM §123}; ср. лит. монг. *tabaqai* ‘ступня, лапа’;

< тюрк. *taban: ср. старотюрк. *tāban* ‘ступня’.

О гибридности тувинского слова говорит монгольский суффикс +*KAi* и наличие тюркского согласного звука *-ŋ* в середине слова.

6.5. Синонимы

Большое количество тувинских слов с одним и тем же лексическим значением этимологически имеют и тюркскую, и монгольскую форму. Это явление можно объяснить ранним тувинско-монгольским двуязычием. Например:

‘медведь’:

тув. *adig* ~ старотюрк. *adiğ* ‘медведь’;

тув. *xayirakan* ← монгол. **kayirakan* < *qayira* ‘любовь; сожаление, жалость; милость, дар’ + *KAn* {NN/Diminutive, см. GWM §124}: ср. лит. монг. *qayiraqan* ‘милостливый, священный’⁸;

тув. *mažālay* ← монгол.: ср. лит. монг. *majalai* ‘гобийский медведь, *Ursus pruinosus*’;

‘заяц’:

тув. *kodan* ~ старотюрк. *qodan*;

тув. *tōlay* ← монгол.: ср. лит. монг. *taulai* ← тюрк. **tawXl*: ср. старотюрк. *taβišgan* (< **taβiš*+*GAn* {тюрк. NN, см. Erdal 1991: 85–88});

‘песок’:

тув. *kum* ~ старотюрк. *qum*;

тув. *elezin* ← монгол.: ср. лит. монг. *elesün*;

‘вена, артерия’:

тув. *damir* ~ старотюрк. *tamar* ~ *tamir*;

тув. *sudal* ← монгол.: ср. лит. монг. *sudal*;

‘серебро’:

тув. *xümüš* ~ старотюрк. *kümüš*;

тув. *möngün* ← монгол.: ср. лит. монг. *möngün* ‘серебро; деньги’.

⁸ Монгольское слово также употребляется в некоторых табуированных названиях животных, например халх. *urt xairхан* (букв. длинный милостливый) ‘змея’.

7. Заключение

В монографии [Khabtagaeva 2009] рассматривается более 1600 тувинских слов монгольского происхождения. Такое огромное количество монгольских заимствований объясняется географическими, историческими и культурными факторами. Так как первый письменный источник относится к началу двадцатого столетия [Катанов 1903], информация о ранних тувинских лингвистических контактах отображается только через релятивную хронологию.

Главным итогом работы стало выделение критериев различия между ранним и поздним слоями заимствований. К раннему слою относятся такие монгольские заимствования, которые демонстрируют монгольскую архаичную форму или характерные фонетические изменения тувинских слов тюркского происхождения. Поздний слой включает заимствования, в которых не произошли фонетические изменения, характерные для тувинского языка. Поэтому, скорее всего, эти заимствования пришли в тувинский после формирования языка, т. е. когда фонетические изменения уже произошли. Поздние заимствования пришли из современных монгольских языков. Выделяются три группы заимствований: бурятская, халхаская и ойратская.

Один из вопросов работы касался роли монгольских заимствований в решении некоторых проблем тюркологии, таких как необъяснимые тувинские фонетические изменения $*a > i$ или $*u > i$, изменение начального $*t-$, необъяснимое спорадическое изменение $*y- > s-$. Данные тувинские особенности должны быть вторичными, так как они появляются и в монгольских заимствованиях. Важным результатом исследования было установление того факта, что некоторые монгольские суффиксы продуктивно используются не только в заимствованиях, но и в тувинских словах тюркского происхождения. Их не много, в основном это отглагольно-именные суффиксы (например: $-l$, $-lGA$, $-ltA$, $-mAl$, $-mAG$, $-mji$

и глаголообразующий суффикс от имени *+rKA-*). В области семантики значения монгольских заимствований, как правило, сохраняются, лишь в некоторых случаях они были изменены или расширены дополнительными значениями.

Специальная группа переаимствований состоит из тувинских слов, которые являются монгольскими заимствованиями, но первоначально имеющих тюркское происхождение.

Литература

Жуковская Н.Л., Орешкина М.В., Рассадин В.И. Сойотский язык // *В.П. Нерознак* (ред.) Языки народов России. Красная книга. Энциклопедический словарь-справочник. Москва, 2002. С. 164–170.

Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань, 1903.

Лувсандэндэв А. Монгольско-русский словарь. Москва, 1957.

Пальмбах А.А. Русско-тувинский словарь. Москва, 1953.

Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. 1–2. Москва-Ленинград, 1938.

Рассадин В.И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. Москва, 1980.

Рассадин В.И. О фонетических системах тувинского и тофаларского языков // *Д.А. Монгуш* (ред.) Вопросы тувинской филологии. Кызыл, 1983.

Татаринцев Б.И. Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. Кызыл, 1976.

Татаринцев Б.И. Этимологический словарь тувинского языка. Т. 1–4. Новосибирск, 2000, 2002, 2004, 2008.

Тенишев Э.Р. Тувинско-русский словарь. Москва, 1968.

Цолоо Ж. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. Ойрд аялгуу [Диалектологический словарь монгольского языка в МНР. Ойратское наречие]. Т. 2. Улаанбаатар, 1988.

Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь. Москва, 1973.

Щербак А.М. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (7–14 вв.). Санкт-Петербург, 1997.

Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford, 1972.

Erdal M. Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the Lexicon. V. 1–2. Wiesbaden, 1991.

Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuca Tobca'an. (Yüan-ch'ao pi-shi) Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig, 1939.

Johanson L. The History of Turkic // *L. Johanson, É.Á. Csató* (eds.) The Turkic Languages. London-New-York, 1998. P. 81–125.

Johanson L. Discoveries on the Turkic linguistic map. [Swedish Research Institute in Istanbul: Publications 5] Stockholm, 2005.

Kara Gy. Zhiyuan Yiyu. Index alphabétique des mots mongols // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1990 (44). P. 279–344.

Khabtagaeva B. Colour names and their suffixes. A study on the history of Mongolian word formation // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae* 2001 (54/1). P. 85–165.

Khabtagaeva B. Mongolic Elements in Tuvan. Wiesbaden, 2009.

Lessing F.D. Mongolian-English Dictionary. 4th ed. Bloomington, 1995.

Lewicki M. La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle: Le Houa-yi yi-yu de 1389. 2. Vocabulaire-index. Wrocław, 1959.

Ligeti L. Un vocabulaire mongol d'Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962, № 14. P. 3–99.

Ligeti L. Histoire secrète des mongols. [Monumenta Linguae Mongolicae Collecta 1]. Budapest, 1971.

Ligeti L. Monuments en écriture 'Phags-pa, Pieces de chancellerie en transcription chinoise. [Indices Verborum Linguae Mongolicae Monumentis Traditorum 3]. Budapest, 1973.

Ölmez M. Tuwinischer Wortschatz mit alttürkischen und mongolischen Parallelen. [Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 72]. Wiesbaden, 2007.

Poppe N. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Известия Академии наук СССР. 1927, № 12–14. 1009–1040; 1927/15–17: 1251–1274; 1928: 55–79.

Poppe N. The Mongolian Monuments in *ᠬᠢᠯᠠᠭᠰᠢᠰᠢ* Script. 2nd ed. Wiesbaden, 1957.

Poppe N. Grammar of Written Mongolian. 4th ed. Wiesbaden, 1991.

Ragagnin E. Dukhan, a Turkic variety of Northern Mongolia: Description and analysis. Wiesbaden, 2011.

Ramstedt G. Kalmückisches Wörterbuch. [Lexica Societatis Fenno-Ugricae 3]. Helsinki, 1935.

Róna-Tas A., Berta Á. West Old Turkic. Turkic loanwords in Hungarian. 1–2. Wiesbaden, 2011.

Schönig C. South Siberian Turkic languages // *L. Johanson, É.Á. Csató* (eds.) The Turkic Languages. London – New-York, 1998.

Tumurtooo D. Mongolian Monuments in Uighur-Mongolian Script (XIII–XVI Centuries): Introduction, Transcription and Bibliography. Taipei, 2006.

Хабтагаева Баярма
Сегедский Университет (Венгрия)
e-mail: baiarma@hotmail.com

**Заимствованная лексика
с семантикой 'углубление в земле'
в диалектах Европейского Севера России**

***Lexical borrowings in north European
dialects of Russia with the meaning
'depression in the ground'***

Теуш О.А.

В статье этимологизируются диалектные географические лексемы с общим значением 'углубление в земле'. На Европейском Севере России основным источником заимствования являются финно-угорские языки: прибалтийско-финские, саамский и коми.

Ключевые слова: диалекты русского языка, заимствование, лексика, этимология, семантика, финно-угорские языки, география

The present article offers etymologies of Russian dialectal geographical terms with the general meaning of 'a depression in the ground'. In the European part of North Russia the main sources of borrowings for these terms are Finno-Ugric: the Balto-Finnic languages, Saami and Komi.

Keywords: Russian dialects, borrowing, lexicon, etymology, semantics, Finno-Ugric languages, geography

Лексемы с семантикой 'углубление в земле' крайне многочисленны. Наряду с большим количеством исконных лексем, имеющих указанную семантику, в диалектах Европейского Севера России зафиксирован комплекс слов, заимствованных из финно-угорских языков. Далее предпринимается попытка этимологизации этих лексем.

Badán ‘яма, лужа с водой’ (Яр.: Некр.) [КСГРС; ЯОС 1: 27], *бадинá* ‘яма на дороге, ухаб’ (Яр.: Люб.), *боданá* ‘лужа’ (Яр.: Некр.), *батán* ‘яма с водой’ (Яр.: Некр.) [КСГРС].

А.Е. Аникин считает неясным [Аникин РЭС 2: 265]. Лексемы, на наш взгляд, могут иметь финно-угорское происхождение и рассматриваться как метафоры от карел. *pata*, *pada* ‘глиняная посуда, горшок’, вепс. *pada* ‘горшок’ [SKES: 502; SSA 2: 322].

Бóнба ‘большая лужа’ (Ленингр.: Подп.) [СРГК 1: 96].

Является модификацией от *бóнга* ‘глубокое место в реке или ручье, омут’ (Ленингр., Олон.), ‘глубокая лужа, образовавшаяся в низком месте ручья при его высыхании’ (Олон.), ‘провалы в болоте, наполненные водой’ (Ленингр.), ‘небольшое лесное озеро; озеро без истоков’ (Олон.) [СРНГ 3: 95; Мурзаев: 91–92], ‘глубокое место в реке, озере, омут’, *бóнда* ‘выкопанная яма с водой’, ‘заводь, залив у реки’ (Влг.) [СГРС 1: 147–148]. Из приб.-фин. языков, ср. фин. *vonka*, *vonkka* ‘излучина реки’, ‘широкое и глубокое место в реке, залив’, карел. *vonka* ‘излучина реки, заводь, плес’, люд. *vonŋ* ‘водоворот, глубокое и спокойное место в реке’ [SSA 3: 470]. Подробнее см.: [Аникин РЭС 4: 51–52].

Бóрога ‘углубление в земле, яма’ (Печор.) [СРГНП 1: 39].

Вероятно, того же происхождения, что и *вóрга* ‘дорожная колея’ (Арх.: Холм.), ‘след лодочного киля на песчаном берегу’ (Арх.: Прим.) [КСГРС]. Источником, по-видимому, являются прибалтийско-финские языки, ср. фин. *varho* ‘колея, борозда, паз’, ‘след на земле, проделанный колесом повозки, санным полозом или дождевой водой’ [SKES: 1653].

Бочáг ‘озерцо, яма, наполненная водой в лесу или на болоте’ (Арх.: Карг., Леш., Мез., Плес.; Влг.: Бабуш., Кир.; Костр.: Мант., Нейск.; Яр.: Некр.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Леш., Мез.) [АОС 2: 95]; (Влг.: Тарн.) [СВГ 1: 42]; (Яр.: Дан.; Костр.: Крас.) [ЯОС 2: 19], (Печор.) [СРГНП 1: 41], *бочáга* ‘яма с водой, глубокая лужа’ (Арх.: Карг., Кон., Плес., Шенк.; Влг.: Бел., Ваш., Выт., Кир., Устюж.) [КСГРС], (Олон.: Пд.) [Опыт: 14], (Влг.: Бел.,

Выт.; Карел.: Медв., Пуд.) [СРГК 1: 102–103], (Сев.) [Даль 1: 120], *бочаж* ‘то же’ (Новг.: Новг.) [НОС 1: 81], *бочажина* ‘то же’ (Влг.: Бел., Выт., Нюкс.), (Карел.: Пуд.) [СРГК 1: 102–103], *бочажка* ‘то же’ (Арх.: Мез.; Влг.: Выт.) [КСГРС], (Влг.: Выт.) [СРГК 1: 103], *бочажок* ‘то же’ (Влг.: Выт., Гряз., М.-Реч.; Яр.: Люб.) [КСГРС], *бачаг* ‘яма, заполненная водой на дороге, лугу и т. п.’ (Арх.: Шенк.; Влг.: Гряз., М.-Реч., Ник., Тот., У.-Куб.) [КСГРС], (Яр.: Бор., Дан., Курб., Рост.; Костр.) [ЯОС 2: 19], *бачага* ‘то же’ (Арх.: Карг., Кон.; Влг.: Бел., Ваш., Выт.) [КСГРС], (Олон.) [Опыт: 8], (Олон.: Выт., Пд., Карг.) [Куликовский, 3], *бачажина* ‘то же’ (Арх.: Карг.; Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *бачажок* ‘то же’ (Влг.: Тот.; Костр.: Чухл.) [КСГРС].

Саамского происхождения: <саам., ср. ин. *vuas̄si* ‘длинное узкое болото или залив’, норв. *vuos̄sjo* ‘болото, которое образуется водой текущего ручья’ [SKES: 1825], *vuos̄sjo* ‘болото, которое образуется при понижении уровня воды в ручье (при пересыхании ручья)’ [KKLS: 1072]. Этимологию см. подробнее в [Мищенко, Теуш 2002: 48–51].

Предложенные славянские интерпретации (см., например: [ЭССЯ 1: 120; Мокиенко 1972]) сопряжены со сложностями семантического, словообразовательного и фонетического порядка и должны быть отвергнуты.

Бужать ‘яма, из которой добывают камень, песок и пр.’ (Арх.) [Даль 1: 137], *бужина* ‘ухаб’ (Арх.: Плес.) [КСГРС].

Связаны с глаголом *бужать* ‘рыть песок или глину’, ‘ломать из земли камень’ (Арх.) [Даль 1: 137]. Все лексемы заимствованы из коми, ср. коми вым., луз., нв., ср.-сысол. *бужод*, вв. *буджед* ‘обрыв, обвал, осыпь’, вым., ижем., луз.-лет., н.-вычег., печор., присыктив., ср.-сысол. *буджодны*, в.-вычег. *буджэдні* ‘обвалить, произвести обвал’ [ССКЗД 1961: 29].

Вайма ‘рытвина, промоина, яма’ (Арх.: Лен.) [КСГРС], ‘провал в земле’ (Помор.) [КСПЯ: 44].

<Приб.-фин., ср. фин. *vajota* ‘топкое место; окно на болоте’, *vajotikko* ‘болото, топь, трясина’ [SSA 3: 395], фин. *vajotata* ‘впадина, яма, провал, осадка, оседание почвы’ [ФРС: 693].

Ё́ма ‘яма, обрыв в дне реки, озера’ (Арх.: Карг.) [АОС 13: 111].

< Приб.-фин. *juota* ‘полоса; русло, фарватер’, ижор. *jõta* ‘фарватер’, карел. *juoti*, *juoto* ‘щель, паз, колея, линия, полоса, русло’, вод. *jõta* ‘пролив’, эст. *joot* ‘течение, поток, русло; глубокое место в море’, лив. *jūom* ‘глубокое место в море’ [SSA 1: 249–250]. См. подробнее: [МСФУЗ 1: 114].

Кáйла ‘лу́жа’ (Карел.: Кондоп.) [СРГК 2: 315].

При учете перехода *v > *u > *l может быть сопоставлено с карел. ливв. *kaivo* ‘родник; яма’, ср. карел. *kaivo*, вепс. *kaiv*, фин. *kaivo* ‘колодец’, саам. *kaĩṽ^a*, *kaĩṽ^a* ‘источник, родник’, *kaĩṽ^a* ‘колодец’ [ПФГЛ: 35].

Семантически приемлемо: переход ‘родник’ > ‘лу́жа’ возможен.

Кáмбалина ‘место разлива воды весной’ (Арх.: Карг.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *kampela* ‘кривой, покатый, изогнутый’, производное от *kampi* ‘кривой’ [SKES 1: 154].

Кáра ‘овраг’ (Олон.) [Куликовский: 34], ‘яма, ухаб’ (Лен.: Подп.) [СРГК 2: 328], *ка́ровина* ‘яма, ухаб’ (Лен.: Тихв.) [СРГК 2: 329], *ка́рочка* ‘заболоченная ложбинка’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

< Вепс. *kar*, *kara* ‘небольшой залив, бухта’, ‘щель’, ‘отверстие’, ‘дыра’ [СВЯ: 179] ~ фин. *kaara* ‘миска’, ‘корыто’, саам. норв. *garre* ‘блюдо’, ‘миска’, ‘лохань’ (< сканд. *kar* ‘лохань’, ‘чан’) [SKES: 135]. Этимологию см. в [Фасмер 2: 189].

Ка́ржина ‘яма, наполненная водой в русле пересохшей реки’ (Яр.) [Мельниченко: 85].

Поскольку названия речных ям, омутов, нередко производны от наименований отмелей, можно соотнести с саам. *kaĩ ḡ^A* ‘каменистый или песчаный речной пережат, отмель’, которое родственно фин. *kari* ‘подводная мель или выступающая над поверхностью воды скала, или каменная отмель, луда’, *karikko* ‘риф, каменная банка’, карел. *kari* ‘каменистый порог, отмель, риф’, ливв. *kari* ‘то же’, ‘порог, высохшее русло порога’, люд. *kari*, *kare*, *karičče* ‘отмель,

порог', 'наиболее глубокое место под порогом, куда падает вода' [ПФГЛ: 36].

В отношении семантики наиболее показательны людди-ковские данные.

Карьга́ 'выбоина на дороге' (Арх.: Кон.) [КСГРС].

Возможно, того же происхождения, что и предыдущее (*ка́ржина*). Формально, наиболее близка саамская форма.

Кивес 'яма с водой' (Влг.: Вож.) [КСГРС].

В других значениях: *ки́вес (ки́вис)* 'глубокое место, воронка в реке' (Влг.: Бел.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср.: фин. *kivi, kives*, карел. ливв. *kivi, kiveš, kives*, люд. *kivi, kivez, kives*, вепс. *k'iv'i, kiv'i, k'iv'es* 'камень' [SKES: 203]. «Терминологическое значение у слова могло развиваться в русском языке: камень > каменистое место в реке > глубокое каменистое место в реке (за камнем или под камнем) > глубь» [Субботина 1984: 60–61].

Коблюх 'глубокое место в водоеме, омут' (Влг.: Череп.) [КСГРС], (Яр.) [Мельниченко: 88], (Яр.: Перв.) [ЯОС 5: 42], 'яма с водой на месте вырванного с корнем дерева' (Арх.: Уст.; Влг.: Бабуш., Ньюкс.) [КСГРС], *ко́брюх* 'яма с водой' (Влг.: Череп.), *ко́ндрюх* 'яма с водой' (Арх.: Плес., Холм.), 'топкое место на болоте' (Арх.: Плес., Холм., Шенк.), 'яма от вывороченного дерева' (Арх.: Плес., Холм.), 'яма, вымываемая на берегу реки' (Арх.: Плес.), *ко́ндрух, ко́ндрюха, кондрю́ха* 'топкое место на болоте' (Арх.: Холм.), *ко́нрюх* 'топкое место на болоте' (Арх.: Плес.) *конрюшо́к, кондрюшо́к* 'яма с водой' (Арх.: Плес.), *конду́ра* 'топкое место на болоте' (Арх.: Шенк.), *комбу́рина* 'неглубокая яма с водой' (Арх.: Шенк.) [КСГРС].

Соответствия обнаруживаются в карел. *kupluš, kubluš*, ливв. *kupli, kubli* 'топкое место на болоте, трясина', фин. *kuplus* 'трясина; кочка, плавающая в воде' [ПФГЛ: 47]. Открытый вокализм первого слога и разница в семантике свидетельствуют об ином источнике заимствования. С другой стороны, интервокальные *-бл-, -бр-, -нр-, -ндр-, -мб-* позволяют думать о возможности иных источников, ср. саам. *kuabre, kuobre*

‘крутой слив в пороге; крученный кривой вал’ (> фин. литер. *kopra*) [KKLS: 159].

Кóрба ‘яма с водой на месте вывороченного с корнем дерева’ (Арх.: Он.) [КСГРС].

< Саам. *kuabre, kuobre* ‘крутой слив в пороге; крученный кривой вал («бочка»)» (> фин. литер. *kopra* ‘то же’ [KKLS: 159]. В русском слове произошла метатеза *-бр-* > *-рб-*. «Сухопутное значение» вторично.

Корда́й ‘яма с водой’, *корда́н* ‘яма в реке’, *корда́нистый* ‘изобилующий ямами с водой (о местности)’ (Арх.: Уст.) [КСГРС].

Связано с саам. норв. *guorggo* ‘песчаная или каменная отмель’ [KKLS: 175], ср. также саам. *горса, кориша, гурао* ‘глубокий овраг, глубокая котловина’ [Мурзаев 1: 298]. Переход **-рг-* > **-рд-* — результат диссимиляции начальному *к-*. Очевидно, с тем же источником связано *кортоло́вка* ‘большая яма с водой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

Кúгра ‘яма под корнями дерева’ (Арх.: Плес.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Плес.; Карел.: Пуд.), *кугрови́на* ‘то же’ [СРГК 3: 49], *ку́ври́на* ‘яма в лесу под корнями свалившихся от ветра дерев; она служит часто берлогой медведя’ (Олон.: Выт., Пуд.) [Куликовский: 44].

< Вепс. *kuhr* ‘небольшая яма в лесу, на болоте’ [СВЯ: 239]. Переход *г > у > ø > в* отражен в *ку́ври́на*.

Кукуръя́жник ‘яма с водой на месте вывороченного с корнем дерева’ (Арх.: Карг.) [КСГРС].

Лексема производна от незафиксированного **кукура*, **кукуръяга* ‘вывороченное с корнем дерево’, которое связано с приб.-фин., ср. фин. *koukku* ‘крюк, крючок’, *koukkari* ‘изогнутое, кривое дерево’, карел.-ливв. *koukku* ‘крюк, крючок’, *koukkari* ‘изогнутое, кривое дерево’, карел.-ливв. *koukku* ‘крюк, крючок’, *koukkari* ‘изогнутое, кривое дерево’, карел.-ливв. *koukku* ‘крюк, крючок’ [SKES: 225–226].

Кóлва, кóлвица ‘лужа воды на льду’ (Помор.) [КСПЯ: 70].

Саамского происхождения, ср. саам. колт. *колр⁴tteD*, кильд. *кол^брхе^δ*, тер. *кол^брте^d* ‘пойти трещинами’ [SKES: 235],

патс. *kòlptõs*, нот. *kòlptõs*, кильд. *kol^bpe'm* ‘щель’, ‘скважина’ [KKLS: 145]. В русском надо предполагать *кòлба > *кòлва. Мена *б/в* в севернорусских диалектах встречается.

Кульпáга ‘яма с водой’ (Влг.: Ньюкс.) [КСГРС].

Прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *kulppa* ‘лу́жа; капающей водой проделанное круглое углубление во льду’, *kulpanne* ‘водой выдолбленная яма; яма в ручье’, эст. *kulbas* (род. п. *kulppa*) ‘расточенный береговой откос, яма в крутом берегу, круче’ [SKES: 235].

Ку́новина ‘яма на дороге, в лесу’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

Связано с фин. *kumri* (род. п. *kummin*) ‘холм, бугор, пригорок’, *kumtikas* ‘холмистый, пересеченный, неровный’ [ФРС: 275], фин. *kumri*, произв. *kumpare*, *kumtar*, карел. *kumri* ‘высокий спуск’, эст. *komb* ‘маленький бугорок, кочка’ [SKES: 238].

Ожидалось бы русск. *ку́мовина*, однако мена сонорных *м/н* возможна, особенно в условиях дистактной ассимиляции. С точки зрения семантики переход ‘кочка’ > ‘яма’ обычен.

Курба́н ‘яма на покосе, заполненная водою’ (Влг.: Ник.) [Дилакторский: 224], *курпáга* ‘яма с водой, оставшаяся после пересыхания реки’ (Влг.: К.-Г., Ньюкс.), ‘яма с водой’ (Влг.: Бабуш., В.-Уст., Кад., К.-Г., Ник., Ньюкс.) [КСГРС], (Влг.: Ник.) [СВГ 4: 23], ‘впадина с водой в поле, на лугу’ (Яр.: Мышк., Нек.) [ЯОС 5: 11], *курпáж* ‘яма с водой’ (Влг.: Ник.), *курпáжина* ‘яма с водой’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], (Влг.: Ник.) [СВГ 4: 23], *курпáжинка* ‘яма с водой’ (Влг.: Ник.), *курпáты* ‘изрытый ямами берег реки’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

Саамского происхождения, ср. саам. сонг. *kuř'pp^E* ‘морщина, складка’ [KKLS: 189], швед. *k^Hrup'p'a* ‘яма, ключ в ручье’ [Lagercrantz: 390], ср. вепс. *kurp*, *kurpišk* ‘морщина’ [СВЯ: 248].

Курга́ ‘яма, заполненная водой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС], *курга́н* ‘яма на берегу реки, образовавшаяся после разлива’ (Влг.: Ваш., Кир., Ник., Сямж.) [КСГРС], ‘яма, наполненная водою’ (Арх.: Нянд., Холм.; Влг.: Бел., В.-Важ., Ник., Сок., Тарн., У.-Куб.) [КСГРС], (Влг.: Кадн.) [Дилакторский: 224],

(Арх.: Двин.) [Даль 2: 221], ‘глубокая яма, углубление в земле’ (Влг.: М.-Реч., Тарн.) [СВГ 4: 20–21], (Влг.: Кир.; Мурм.: Тер.) [СРГК 3: 63], *кургáнчик* ‘яма, наполненная водою’ (Арх.) [Даль 2: 221], (Влг.: Кадн.) [Дилакторский: 224], (Влг.: В.-Важ.) [КСГРС], *кургáшек* ‘то же’ (Влг.: Сок.) [КСГРС], ‘глубокая яма, углубление в земле’ (Влг.: Сок.) [СВГ 4: 21], *гургáн* ‘глубокая с обрывистыми краями яма, заполненная водой’ (Печор.) [СРГНП 1: 162].

Лексемы *кургá/кургáн/гургáн* возводятся к ф.-у., ср. фин. *kuru* ‘длинное узкое углубление; залив или ложбина, ущелье или русло с крутыми берегами, борозда, складка; угол’, эст. *kuru* ‘угол, уголок; узкий проход’, саам. норв. *gurrá* ‘отверстие, ущелье, углубление, дырка’, лул. *kurra*, йок. *kurr* ‘отверстие; узкое углубление (проход) в горной тундре’ [SKES: 247]. Этимологию см. в [Матвеев 2001: 195–196].

Куртáг ‘яма с водой в русле пересохшей реки’ (Арх.: Карг.; Влг.: М.-Реч., Сок.), *куртáга* ‘яма с водой в русле пересохшей реки’ (Арх.: Карг.; Влг.: М.-Реч., Сок.), ‘яма с водой’ (Арх.: Нянд.; Влг.: М.-Реч., Сок.), *куртáжина* ‘яма с водой’ (Влг.: Кир.), *куртáжка* ‘яма с водой в русле пересохшей реки’ (Арх.: Карг.; Влг.: М.-Реч., Сок.), *куртáвка* ‘глубокая яма со стоячей водой (в лесу, на покосе)’ (Влг.: Сок.), *куртáина* ‘яма с водой’ (Влг.: М.-Реч.; Костр.: Галич.), *куртáга* ‘яма с водой’ (Влг.: Ньюкс.), *курчáва* ‘яма с водой в русле пересохшей реки’ (Влг.: Ньюкс.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *kurttu*, *kurtti* ‘морщина, складка’, эст. *kurd*, *kurts* ‘то же’, карел. *kurttsa*, *kurttsu* ‘то же’ [SKES 1: 247; SSA 1: 451]. Географическое значение — одна из конкретизаций более общей семантики.

Курья ‘яма с водой’ (Арх.: Вель., Уст.; Влг.: Бабуш., М.-Реч., У.-Куб.), ‘небольшое озерцо, оставшееся после разлива реки’ (Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Шенк.; Влг.: М.-Реч.), *курья* ‘яма с водой’ (Арх.: Вин., Плес.; Влг.: Бабуш., Влгд., В.-Уст., Сок., Тот.; Костр.: Кологр.), ‘небольшое озерцо, оставшееся после разлива реки’ (Арх.: Вель., Карг., Кон., Мез., Пин.; Влг.:

Бабуш., Вож., В.-Уст., М.-Реч., Сямж., Тот., Хар.; Киров.: Кот., Халт.) [КСГРС].

Наиболее убедительные соответствия обнаруживаются в прибалтийско-финских и саамском языках, ср. фин. *kuru* ‘длинное узкое углубление’, ‘залив или ложбина’, ‘ущелье или русло с крутыми берегами, борозда, складка’, ‘угол’, эст. *kuru* ‘угол, уголок’, ‘узкий проход’, саам. норв. *gurrâ* ‘отверстие, ущелье, углубление, дырка’, лул. *kurra* ‘отверстие’, ‘узкое углубление (проход) в горной тундре’ [SKES: 247]. Этимологию см. в [Матвеев 2001: 195–196]. Рассматриваемое здесь значение — одно из комплекса сходных, зафиксированных в русских диалектах.

Кяржа ‘яма с водой, вымытая на дне ручья’ (Арх.: Вин.) [КСГРС].

Имеет саамское происхождение, ср.: прасаам. *kārčē, саам. сев. *garže*, ин. *kärži*, колт. *käržž* ‘тесный, узкий’ [YS: 46–47].

Лáдомость ‘глубокая яма, провал, рытвина’ (Арх.: Лен.), как в *лáдомость провалиться*, как в *лáдомость упасть* ‘пропасть, исчезнуть’ (Арх.: Лен.) [КСГРС].

<? Коми лет. лядз, вв. *лядзмес* ‘пологий, отлогий, покатый, некрутой (берег, склон)’ [ССКЗД: 11], *ладзмес* ‘то же’ [ССКЗД: 191], нв. *лажмӧс* ‘низкий, низменный; отлогий, пологий, покатый’ [ССКЗД: 192]. В русском произошла адаптация сложной консонантной группы *дзм* за счет утраты фрикативного компонента аффрикаты *дз*. Этот процесс свойственен и некоторым коми диалектам [ССКЗД, 457].

Лáкса, лаксовина ‘лу́жа, яма с водой’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *laakso* ‘долина, низина’, диал. *lakso* ‘лу́жа после дождя’, вепс. *laks* ‘ложбина, овраг, низина’ [ПФГЛ: 52].

Лáма ‘небольшое озерко в лесу с чистой водой’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *lami* ‘равнина’, ‘лощина, ложбина’, карел. *lami* ‘низменная ровная земля между горами’ [SSA 2:

43]. Значение, зафиксированное в русском — модификация исходного.

Лáмба ‘небольшое лесное, часто заболоченное озеро’ (Олон.) [Опыт: 100; Даль 2: 252], (Олон.: Заон., Оп., Пв., Пт.) [Куликовский: 48], (Карел.: Кондоп., Медв., Прион., Пуд., Сег.) [СРГК 3: 93], ‘небольшое озерко’ (Арх.: Он.) [КСГРС], ‘яма, углубление, заполненное водой’ (Карел.: Пуд.) [СРГК 3: 93], ‘лужа’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3: 93], *лáмбаз* ‘низина с ямами с водой’ (Влг.: Влгд.), *лáмбина* ‘небольшое лесное, часто заболоченное озеро’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Олон.: Выгоз.) [Куликовский: 48], (Карел.: Белом., Кем., Кондоп., Медв., Сег.; Мурман.: Канд., Тер.) [СРГК 3: 93], *глухáя лáмбина* ‘лесное озеро со стоячей водой’ (Карел.: Белом., Кем.; Мурман.: Канд.) [СРГК 3: 93], ‘озерко, образовавшееся на прежнем русле реки’ (Арх.) [Опыт: 100; Даль 2: 235], (Арх.: Кол.) [Подвысоцкий: 81], ‘лужа’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3: 93], *лáмбинка* ‘небольшое лесное, часто заболоченное озеро’ (Арх.: Прим.) [КСГРС], (Карел.: Медв.; Мурман.: Канд.) [СРГК 3: 93], ‘яма, углубление, заполненное водой’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3: 93], ‘лужа’ (Карел.: Медв.) [СРГК 3: 93], *лáмбушка* ‘небольшое лесное, часто заболоченное озеро’ (Карел.: Кондоп., Прион., Сег.), ‘яма, углубление, заполненное водой’ [СРГК 3: 93], *лáмбица* ‘небольшое лесное, часто заболоченное озеро’ (Карел.: Кондоп., Прион., Пуд.) [СРГК 3: 93], *ламбовiнка* ‘то же’ (Арх.: Прим.) [КСГРС], *лáмбочка* ‘то же’ (Карел.: Прион.) [СРГК 3: 93].

< Приб.-фин., ср. карел. *lampi*, *lambi*, ливв. *lambi*, люд. *lamp*, *lambi* ‘небольшое лесное, обычно непроточное озеро’, фин. *lampi* ‘пруд, искусственный водоем, лесное озеро’, саам. *lamp* ‘бессточное озеро’ [ПФГЛ: 52]. Этимологию см. [Фасмер 2: 455].

Лáпа ‘рытвина, образуемая на дороге колесами’ (Олон.) [Куликовский: 48].

< Приб.-фин., ср. фин. *lappea* ‘приплюснутый, плоский’ [ФРС: 312], *lappea*, *lappio*, *lappi*, *lare* ‘плоская сторона, бок’, ‘широкий’, эст. *lare* ‘местность, находящаяся на краю’, мар. *lap* ‘низкий’ [SKES: 277].

Латъгора ‘впадина на поверхности земли’ (Яр.: Брейт.) [ЯОС 5: 122].

< Приб.-фин., ср. фин. *lattea, latu*, карел. *latakkaini* ‘плоский’, эст. *latakas, latak* ‘широкий плоский предмет’ [SKES 2: 279]. Элемент *-or-* суффиксального происхождения.

Лáхта ‘лу́жа на берегу или в старице реки’ (Арх.: Леш., Мез., Он., Плес., Холм.) [КСГРС].

Вторичное значение по отношению к сев.-русс. *лáхта* ‘залив’ (< приб.-фин., ср. фин. *lahti*, карел. ливв. *lahti*, люд. *laht, lahíi*, вепс. *laht*, эст. *laht* ‘залив, бухта’ [SKES 2: 269]). Этимологию см. [Kalima: 151; Фасмер 2: 467].

Лачúга, лачúжка ‘яма с водой, лужа’ (Влг.: Выт.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *latsakka* ‘плоский’, карел. *lačču* ‘плоский, ровный’, ливв. *lačču* ‘плоский, ровный’, ‘отлогий, пологий, покатый’, ‘низкий’, *lačšakko* ‘широкий и низкий (сосуд)’, люд. *lačš, lačššu* ‘ровный’, *lačšu* ‘плоское место’, вепс. *lačšak* ‘то же’ [SKES 2: 279].

Лéтега, летéга ‘лу́жа’ (Влг.: Бел.; Карел.: Кондоп., Медв.) [СРГК 3: 119], *летя́га* ‘то же’ (Влг.: Бел.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. карел. *lätäkkö, lät'äkkö*, ливв. *lätäkkö*, люд. *lätäkk(ö), lät'äkkö*, вепс. *lat'ak, lätäk, lät'ik, let'ak, l'ät'ik* ‘лу́жа, (небольшой) водоем’ [ПФГЛ: 58].

Лíва ‘лу́жа’ (Арх.: Он.) [КСГРС], (Новг.) [Даль 2: 256], *ли́вушка* ‘озерко’ (Арх.: Он.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *liiva* ‘ил, тина’ [Kalima: 157], фин. *liiva* ‘ил, грязь, разбавленная кашеобразная или мокрая масса’, *liva* ‘слизь’, карел. *liiva* ‘то же’, ливв. *liivu* ‘ил’, люд. *liv, live* ‘то же’ [SKES 2: 294].

Лíга ‘лу́жа, яма с водой’ (Влг.: Баб.) [КСГРС; СРГК 3: 123].

< Приб.-фин., ср. фин. *lika*, карел., ливв. *liga*, люд. *l'iga, liga*, эст. диал. *lige* ‘ил, тина, грязь’ [SKES: 294; SSA 2: 76]. Этимологию см.: [Субботина 1984: 58].

Лозовíна ‘углубление на местности, ложбина’ (Мурм.: Тер.) [СРГК 3: 141].

< Карел. *lozo* 'низкое сырое место, лужа' [ПФГЛ: 56].
Значение 'ложбина' появилось благодаря увеличительному
суффиксу *-овина*.

Лóква 'глубокая лужа' (Помор.) [КСПЯ: 47].

< Приб.-фин., ср. карел. люд. *logo, l'ogo* 'ложбина между
скалами или сухими боровыми местами', 'низина', 'большая
яма', *logueñe* 'яма', ливв. *logo* 'лощина, ложбина', фин. *loka*
'грязь, слякоть', ливв. *loga* 'грязь, слякоть, мокрота', люд. *loga*
'слизь, сопля' [SKES 2: 301]. Слово оформлено суффиксом
-в- < приб.-фин. *-и-*, ср. выше *logueñe*.

Лóктыш 'лог' (Арх.: Лен.) [КСГРС].

< Коми скр. *локтышны*, сс. *локтышны*, вс. *локышны*, вв.
локишитни 'немного приблизиться, придвинуться' [ССКЗД:
201]. Отглагольный характер слова семантически закономерен,
ср. русск. *лог* 'широкий и длинный овраг' < праслав. **legt'i*
'лечь' [ТСРЯ: 413].

Лу́фта 'яма с водой, заросшая травой' (Влг.: Бел.), *лу́хта*
'яма с водой, лужа' (Арх.: К.-Б.; Влг.: Бел., Выт.) [КСГРС],
(Ленингр.: Лод.) [СРГК 3: 102], *лу́хтина* 'то же' (Арх.: К.-Б.),
лу́хтовина 'яма на берегу, выбитая льдинами во время поло-
водья' (Арх.: К.-Б.) [КСГРС].

Основное значение термина — 'речной залив' (Арх., Влг.)
[КСГРС]. Лексема имеет прибалтийско-финско-саамское
происхождение, ср. фин. *luhta* 'заливной луг', карел. *luhta*
'прибрежный луг', ливв. *luhtu* 'озерко, лужа', люд. *luht, luhtę*
'лужа, грязь; заливной луг', эст. *luht* 'прибрежный луг', саам.
(< приб.-фин.) ин. *luhta* 'заливной луг', норв. *luk'te, luk'ta, lut'ta*
'осока' [SKES: 306]. Этимологию см.: [Фасмер 2: 537].

Ль́ва 'большая лужа, яма с водой' (Арх.: Вель., Вил., Вин.,
В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Пин., Прим.,
Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Гряз., К.-Г.,
Кир., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сок., Сямж., Тот., У.-Куб., Хар., Чаг.,
Череп.; Киров.: Халт.) [КСГРС], (Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.:
Бел., Ваш., Выт., Кир.; Ленингр.: Бокс.; Мурман.: Тер.) [СРГК 3,
161], (Арх.) [Подвысоцкий: 84], (Арх., Вят.) [Опыт: 106], (Влг.:

Влгд., В.-Уст., Кадн., Тот., Ярен.) [Дилакторский: 242], (Влг.: В.-Важ., Влгд., В.-Уст., К.-Г., М.-Реч., Ник., Ньюкс., Сок., Сямж., Тот., У.-Куб., Хар.) [СВГ 4: 56–57], (Олон.) [Куликовский: 51], (Новг., Сев.) [Даль 2: 275], (Яр.: Ареф.; Костр.: Нейск., Парф., Сол.) [ЯОС 6: 20], ‘лужа, оставшаяся после прилива’ (Помор.) [КСПЯ: 78], ‘широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’ (Влг.: Баб., В.-Важ., Вож., В.-Уст., Гряз., К.-Г., Ник., Ньюкс., Тарн., Тот., Хар.) [СВГ 4: 57], ‘ложбина с водой’ (Яр.) [ЯОС 6: 20], ‘яма с водой, озерко’ (Киров.: Халт.; Костр.: Антр., Галич., Мант., Меж., Нейск., Парф., Пыщуг., Чухл., Шар.), ‘яма с водой на месте пересохшего русла реки’ (Арх.: Мез.; Влг.: Хар.), ‘яма с водой на берегу реки’ (Арх.: Вель., В.-Т., Кон., Лен., Мез., Уст., Шенк.; Влг.: Бел., Вож., В.-Уст., К.-Г., Хар.), ‘разлив воды весной; вода от весеннего разлива’ (Олон.) [Опыт: 106]; (Костр.: Кологр.) [КСГРС], ‘канавка для стока воды’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС], *льва́тина* ‘большая лужа, яма с водой’ (Костр.: Пыщуг.) [КСГРС], *львачи́на* ‘то же’ (Костр.: Пыщуг., Шар.) [К-ГРС], *львина* ‘большая лужа, яма с водой’ (Арх.: Вель., В.-Т., Карг., Котл., Шенк.; Влг.: Баб., Бабуш., Бел., В.-Важ., Вож., Выт., Гряз., Кир., Ник., У.-Куб.; Костр.: Антр., Меж., Остр., Сол., Шар.) [КСГРС], (Влг.: В.-Уст., К.-Г., Ник., Ньюкс., Сямж.) [СВГ 4, 57], (Влг.: Выт., Кад.) [СРГК 3: 162], (Кол.) [Меркурьев, 83], (Сев.) [Даль 2: 275], (Калин.) [ОСГКО: 122], (Костр.: Антр.) [ЯОС 6: 20], ‘ложбина с водой’ (Яр.) [Мельниченко: 106], (Яр.: Люб.) [ЯОС 6: 20], ‘яма с водой, озерко’ (Киров.: Халт.; Костр.: Галич., Чухл.) [КСГРС], *львинка* ‘большая лужа, яма с водой’ (Арх.: Карг.) [СРГК 3: 162], ‘ямка, углубление’ (Влг.: Гряз.) [СВГ 4: 57], *львяк* ‘большая лужа, яма с водой’ (Влг.: М.-Реч.) [КСГРС], (Влг.: Сок.) [СВГ 4: 57], *зальва* ‘яма с водой в пойме реки’ (Влг.: Гряз.), ‘длинная лужа, яма с водой’ (Влг.: Гряз.), *зальвина* ‘то же’ (Влг.: Баб.), *зальвок* ‘то же’ (Влг.: Сок., Хар.) [КСГРС], *львистый* ‘имеющий лужу, лужи’ (Кол.) [Меркурьев: 83].

Прибалтийско-финского происхождения, ср. карел. *liiva*, фин. *liiva* ‘грязь, грязная масса, ил’ [Kalima: 157–158]. Этимологию см. подробнее в [Фасмер 2: 539].

Лы́га ‘лужа’ (Влг.: Баб.), *лы́жа* ‘лужа’ (Влг.: Ник.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин., карел. *lika*, люд. *l'iga* ‘грязь, слякоть, ил, торф’ [SSA 2: 76; SKES: 294]. Рассматриваемое значение вторично.

Лы́твина ‘лужа, яма с водой’ (Влг.: Гряз., Кад.) [КСГРС], ‘канавка’ (Яр.: Яросл.) [ЯОС 6: 21], *лы́твинка* ‘лужа, яма с водой’ (Влг.: Гряз., Кад.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *lyttyyn painaa lyttyyn* ‘смять, сплющить’, *olla lyttyyn* ‘быть смятым (сжатым или сплюсненным)’, *olla lytyssä* ‘то же’ [ФРС: 346], фин. *lytistää*, карел. *lüt'š'istüö* ‘начинать горбиться’, эст. диал. *luidistä* ‘то же’, *luidus* ‘туго держаться’, *laidu* ‘низкий’, ‘мелкий, неглубокий’ [SKES 2: 318]. С точки зрения семантики, наиболее показательны эстонские данные.

Ля́па ‘лужа’ (Влг.: Сок.) [КСГРС].

Корень *ляп-* находит соответствие в коми, ср.: коми *ляпас* ‘ил (на берегу после спада воды)’, *ляпкыд*, *ляпкид* ‘низкий, невысокий’, ‘мелкий, неглубокий’ [ССКЗД: 214]. География в пользу коми происхождения.

Ля́ча ‘широкая впадина с отлогими краями, обычно заполненная водой’ (Влг.: Бабуш.), ‘низкое сырое место’ (Влг.: Бабуш.) [СВГ 4: 6].

Ближайшие соответствия находим в фин. *lätäkkö* ‘лужа’ [ФРС: 351], карел.-ливв. *lätäkkö*, люд. *lätäk`öd*, вепс. *lät'ik*, *le'ak*, вод. *lätikkö* ‘лужа’ [SKES 2: 322].

Малы́к ‘глубокая яма с водой’ (Арх.: Уст.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *malo*, *malu* ‘щель, трещина, расщелина, промежуток’, *rantamalo* ‘маленький морской залив’, *haavan malo* ‘след от раны’, *malous*, *malavus* ‘прорубь для вытаскивания невода’, саам. ин. *móalus*, кольск., кильд. *tuallas*, тер. *miëll*^ε ‘заберега (полоса воды)’ [SKES 2: 331]. Суффикс *-ик-* появился на русской почве или восходит к приб.-фин. собират. *-ikko*. Того же происхождения *малы́к* ‘лыжня на снегу’, которое М. Фасмер считает производным от *мал*, *малый* [Фасмер 2: 563].

Марáкша ‘небольшая яма, которая летом не обсыхает’ (Арх.: Холм.) [КСГРС].

< Саам., ср. ин. *mòraqšt* ‘старый выжженный пал, который порос лишайником’, колт. *moaras* ‘тундренный березняк’, норв. *moarast, moarašt, mârâs*, ин. *marâs-tievvâ* ‘длинный низкий хребет, который порос хилым березняком’ [SKES 2: 334]. Значение, зафиксированное на Русском Севере вторично: производно от семантического компонента ‘тундренный’.

Му́ра ‘яма’ (Арх.: Пин.) [КСГРС].

Связано по происхождению с приоб.-фин., ср. фин. *murea, murakka* ‘рыхлый, рассыпчатый’, карел. ливв. *murei, murakko*, люд. *mured, murak̄*, вепс. *muřed*, вод. *murea*, эст. *mure* ‘рыхлый, рассыпчатый, хрупкий’, саам. ин. (< фин. *muurrad* ‘рыхлый’) [SKES 2: 352].

Му́рга ‘карстовая воронка, яма’ (Арх.: Мез., Пин.) [Подвысоцкий: 94], (Арх.) [Даль 2: 360], ‘большая яма (часто заполненная водой)’ (Арх.: Леш., Мез., Пин., Плес., Холм.), ‘яма на берегу после разлива реки’ (Арх.: Пин.), *му́рожный* ‘неровный, с ямами’ (Арх.: Пин.), *му́рья* ‘сырая ложбина, яма’ (Влг.: Ник.) [КСГРС].

< Саам., ср. нот. *murd^(E)led*, кильд. *muř^dtle^δ* ‘сломаться’, бабин. *murtlottoj* ‘землю рвать’, кильд. *murdtje^δ*, тер. *mur^dta^d* ‘ломаться, сломаться, переламываться, обрываться’ [KKLS 1: 267]. Переходы *-pð-* > *-pɣ-*, *-pɣ-* > *-pj-* в севернорусских говорах обычны. Неверна версия М. Фасмера о производности рассматриваемых лексем от *му́рья* ‘лачуга’, ‘печная труба’ праславянского происхождения, см.: [Фасмер 3: 12, 15].

Му́гра ‘яма под корнями вывороченного дерева’ (Арх.: Леш.) [КСГРС].

Ближайшее с точки зрения формы и семантики соответствие обнаруживается в эст. диал. *mügarik* ‘неровный, ухабистый, с ямами’, которое родственно фин. *mykky, mykkurä, mykerä*, ливв. *mükkülä* ‘выпуклый, холмистый’ [SKES 2: 355–356].

Нáлье 'низменное место, наполненное водой, лужа' (Влад., Твер., Яр.) [Даль 2: 434], (Яр.) [ЯОС 6: 101], *на́рья* 'озерко в старице реки' (Арх.: В.-Т.) [КСГРС].

Может быть сопоставлено с приб.-фин., ср. фин. *noro* 'ложбина', 'лощина', 'низина', 'колея', 'выбоина', 'промоина', 'русло', 'сырая впадина', 'мокрое место', 'небольшой ручей', карел. *noro* 'водяное место', ливв. *noro* 'узкое ущелье между горными кряжами' [SKES: 393]. При семантическом соответствии русского и приведенных финно-угорских слов сомнения вызывает фонетическая сторона: приб.-фин. *o* передается русскими *o* и *y*, но не *a*. Учитывая *на́рья* 'заболоченный сенокос в низине или пойме реки' (Арх.: Прим., Холм.) можно соотнести с мар. *nõrõ* 'сырой', 'влажный' [МРС: 360] и особенно эрз. *нар* 'трава', 'луг' [ЭРС: 400], мокш. *нар* 'мелкая стелящаяся трава' [МокшРС: 175], учитывая, что мордовские формы сравниваются с приведенными ранее прибалтийско-финскими данными [Цыганкин-Мосин ЭКНЭС: 62]. Обе лексемы нужно считать заимствованиями из вымершего финно-угорского языка.

Нíла 'колея' (Арх.: Он.) [СРГК 4: 27].

< Приб.-фин., ср. вепс. **nil'eg*, *nileg 'скользящий', фин. *nila* 'слизь', *nilja* 'слизь' [SKES: 381]. Если это сопоставление верно, то значение 'колея' следует считать вторичным. В связи с корнем *nil-* развитие семантики реконструируется следующим образом: 'слизь' > 'слизистый' > 'скользящий' > 'скользящий (омываемый водой или покрытый илом, тиной)' [ПФГЛ: 64].

Ора́ина 'промоина возле реки' (К.-Перм.) [СКП: 171].

В русских диалектах, как правило, фиксируется с начальным *a-*: *арáй*, *арáина* 'сырое низменное место', 'болото, на котором ничего не растет', 'болото, поросшее осокой', 'сырая ложбина, заливаемое в половодье место, на котором растут травы', 'сырой заливной луг', 'невысыхающая часть заливного луга', 'заросшее озеро на лугах' (Перм.) [СРНГ 1: 266–267].

О́рга 'лужа' (Влг.: Выт.) [КСГРС], (Карел.: Кондоп.) [СРГК 4: 234].

< Приб.-фин., ср. фин. *orko* ‘глубокая с сырым дном ложбина, низина, узкая долина между гор’, ‘весенней водой прорытая береговая промоина’, *orkko* ‘ямка, вмятина, промоина’, *oro* ‘лощина, водоотводная канава’, ‘сырая низина’, *oru* ‘углубление, промоина’, *orkonen* ‘углубление, вмятина, ямка, впадина’, ‘выбоина’, карел. *orko* ‘промежуток между двумя холмами’, *orgo* ‘между горами или холмами находящееся низменное место, на котором весной есть вода’, вепс. *org* ‘лощина, заросшая лесом’ [SKES 2: 438]. Этимологию см.: [Kalima: 170; Фасмер 3: 149].

Пáвна ‘лужа вокруг родника’ (Помор.) [КСПЯ: 92].

Прибалтийско-финского происхождения, ср.: фин. *rauna* ‘лужа, яма с водой’, *rauni* ‘пруд, лужа; реки или ручья широкое место’, *raunio* ‘маленькая лужа’, карел. люд. *raui* ‘место, заросшее травой’, эст. *raun* ‘яма с водой (в которой мочат лен)’, диал. ‘яма с водой, мягкое место’ [SKES: 507–508]. Этимологию см.: [Kalima: 177; Фасмер 3: 182].

Пáлма ‘большая яма, заросшая травой’ (Влг.: Бел.) [КСГРС].

Того же происхождения, что и *пáвна* (см. выше). Переход *в > у > л* в севернорусских говорах обычен.

Пёнтус ‘низина, по которой течет вода’ (Влг.: В.-Уст.) [СВГ 7: 24], *пёнус* ‘небольшое озерко, заросшее осокой’ (Арх.: Плес.) [КСГРС].

Наиболее частотное значение *пёнтус*, *пёнус* ‘болотистое место (может быть моховое или поросшее осокой, как правило, с подземными верховыми водами, родниками или стоячей атмосферной водой)’ (Арх., Влг.) [КСГРС]. Рассматриваемые лексемы стоит сопоставить с фин. *pinta* ‘поверхность, плоскость, гладь’, карел. *pinta*, *pinda*, ливв. *pindu* (род. п. *pinnan*), люд. *pind*, *pinde* ‘поверхность (дерева, воды)’, ‘кожа (животных); подкожный слой жира, сало’, вепс. *pind* ‘заболонь’, ‘поверхность воды’ [SKES: 570; SSA 2: 370]. Рассматриваемая здесь семантика вторична.

Пóтча ‘яма с водой’ (Арх.: Нянд., Плес.), *пóча* ‘небольшое заросшее озеро’ (Арх.: Вин., В.-Т., Нянд.) [КСГРС], ‘овраг,

глубокая канава' (Арх.: Он., Плес.) [СРГК 5: 125], 'лужа' (Олон.) [Куликовский: 91], *почіна* 'лужа' (Влг.: Ваш.), *пóчча* 'маленькое озеро' (Арх.: Плес.) [КСГРС], *почя́* 'лужа' (Олон.) [Куликовский: 91].

М. Фасмер считает неясным [Фасмер 3: 374]. Н.Н. Мамонтова и И.И. Муллонен с осторожностью сопоставляют с вепс. *pože, poža* 'топкое место', 'лужа', 'яма на лугу, заполненная водой', 'омут в реке', *poža* 'грязь' [ПФГЛ: 74]. М. Фасмер считает неясным [Фасмер 3: 374]. Н.Н. Мамонтова и И.И. Муллонен с осторожностью сопоставляют с вепс. *pože, poža* 'топкое место', 'лужа', 'яма на лугу, заполненная водой', 'омут в реке', *poža* 'грязь' [ПФГЛ: 74]. По мнению А.К. Матвеева [Матвеев 2001: 222–223], для этимологизации этих слов возможно привлечение саам. норв. *bocce*, патс. *potss*, сонг. *poatts* 'труба' [KKLS: 400]. Последнее сопоставление в контексте семантики рассматриваемых слов предпочтительнее.

Райлók 'низина между возвышенностями' (Карел.: Медв.) [СРГК 5: 439].

< Приб.-фин., ср.: фин. *railo* 'полынья, разводье' [ФРС: 513], фин. *railo* 'полынья, прореха во льду', 'трещина в сосуде', *raila* 'полынья', 'трещина в стекле, металле и т. д.', 'борозда, рожденная лишней полосой', 'ветром рожденная полоса на поверхности озера' [SKES 3: 716].

Рóяка 'овраг' (Олон.: Выт., Карг.) [Куликовский: 102].

М. Фасмер вслед за Я. Калимой [Kalima: 194] сопоставляет с ливв. *rajakko* 'раскорчеванный участок' [Фасмер 3: 432]. Связь семантики основана на единой семе 'нарушение покрова земли'.

Тóрос 'лужа на чистом моховом болоте' (Арх.) [Даль 4: 421].

< Приб.-фин., ср. фин. *tori, toro* 'углубление', 'водосточная труба', 'высыпная труба', 'мельничная воронка', эст. *tori* 'труба', 'желобок, канавка', *toru* 'труба' [SKES 5: 1351]. Семантика записанной В.И. Далем лексемы — частная реализация более общего значения. Слово не имеет связи с саамским

по происхождению *tóros* 'нагромождение льда на реке или на берегу моря' [Фасмер 4: 86].

Turán 'яма на болоте' (Арх.: Карг.) [КСГРС].

< Приб.-фин., ср. фин. *tuore, tuores, tuoret, tuorea* 'зеленый, зеленеющий', 'еще не высохший, сырой, влажный (о недосохшей траве, поверхности земли, земле)', *tuorun* 'становиться свежим, высыхать', карел.-ливв. *tuoreh* 'свежий или недопеченный (например, хлеб)', 'зеленый, гибкий (например, прут)', 'сырой, влажный (трава, земля, воздух)', люд. *tuorez* 'свежий, незрелый, неспелый, недожаренный (хлеб, рыба, суп)' [SKES 5: 1409–1410; SSA 3: 330]. Распространение в пользу карельского источника.

Úrvina 'провал в земле, промоина' (Костр.: Мант.) [КСГРС].

Для этого слова предложена славянская этимология: < **urъva, *urъvina* 'крутой склон горы', 'долина между крутыми высокими горами' [Смолицкая 1991: 106]. Однако ограниченная (точечная) география слова позволяет предложить другое решение: < ф.-у., ср. приб.-фин. (фин. *uuro* 'узкая и глубокая ложбина', 'овраг между сопками', 'русло ручья', *uura* 'ложбина, низина', карел. *uuro* 'глубокий и узкий овраг, по которому течет ручей; низина, глухой лес', которые по происхождению связаны с собственно карел. *uurtoa, uurdoa*, люд. *uurta*, вепс. *urta, urdada*, фин. *uurtaa* 'прорывать, прокладывать борозду, размывать' [SKES: 1565]). Распространение слова (Костр.) позволяет думать и о возможности заимствования из неизвестного языка, близкого к волжско-финским, ср. мар. *урмаш* 'прорыв, промоина, обрыв, яр', *ураш* 'прорваться (о воде)' [КЭСК: 207].

Uprák 'подводная яма' (Олон.) [Куликовский: 125].

Может быть сопоставлено с ливв. *uurdo, uurdain* 'промоина', люд. *uurdam* 'топкая ложбина', вепс. *urdam* 'промоина', фин. *urtti* 'узкое глубокое русло в пороге', 'плохая дорога' [ПФГЛ: 98]. В этом случае надо предполагать метатезу *-rt- > -mp-*.

Чёлпán 'овраг' (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

Вторичное значение слова относительно *челпán* 'горка' (Влг.: К.-Г., Ник.), которое восходит к саам. нот. *t'sa'l'pp^E*,

сонг. *t̥s̥ōlp*, кильд. *t̥s̥aī̄p^E* ‘высокий копнообразный предмет (гора, возвышенность, камень)’ [Матвеев 1975]. Этимология М. Фасмера, связывающего слово с исконным *челó* [Фасмер 4: 329] неверна.

Чумбур, *чунбур* ‘известковый провал в лесу’ (Арх.: Плес.), *чумбурник* ‘место с ямами’ (Арх.: Плес.), *чумбуристый* ‘ямистый, с ямами’ (Арх.: Плес.), *чунбар* ‘овраг’ (Влг.: К.-Г.) [КСГРС].

< Коми иж. *чумбурья* ‘бугристый, холмистый (о месте)’, скр., сс. *чумбыр-чамбыркеры* ‘смять, скомкать’ [ССКЗД: 420] < **č’uŋk* < доперм. **č’uŋka* ‘выступ, бугор, возвышение’ [КЭСК: 314].

Чупарина ‘яма с водой’ (Влг.: Баб.) [КСГРС].

Наряду с *чупа* ‘топкое место на болоте’, ‘залив, мыс, заводь в озере, реке’, ‘глубокое место в реке’, ‘яма с водой, лужа’, ‘узкое место в реке’, ‘сенокосная или пахотная полоса’, ‘участок суши, мыс, выступающий далеко вперед’ (Влг.) [КСГРС], < приб.-фин. или саам., ср. карел.-ливв. *t̥s̥’urpi* ‘внутренний угол, уголок’, люд. *t̥s̥’urpi*, *t̥s̥’up*, *t̥s̥’ur* ‘задняя часть невода, сети; уголок’ [SKES: 1125], саам. патс. *t̥s̥’urp^A*, нот. *t̥s̥’urp^(A)*, йок. *t̥s̥’urp^(A)* ‘внутренняя часть лодки’, ‘заплечный мешок’, ‘угол комнаты’ [KKLS: 696]. Географическая семантика вторична. Этимологию см. в [Фасмер 4: 384].

Шалон ‘глубокая яма с отвесными краями’ (Арх.: Холм.), *шелон* ‘яма, провал’ (Арх.: Пин., Холм.), *шелун* ‘каменистая яма’ (Арх.: Пин.), *шерлон* ‘большой овраг, расселина в горе, яма’ (Арх.: Мез.), *шерлопина* ‘то же’ (Арх.: Мез.) [КСГРС], *шолон* ‘карстовая трещина в земле’ (Помор.) [КСПЯ: 126], *шолонь* ‘то же’ (Арх.: Пин.), *щелонь* ‘провал в известковой породе’ (Арх.: Пин.), *щерлон*, *щерлопина* ‘крутой овраг, расселина в горе’ (Арх.: Мез.) [КСГРС].

Может быть сопоставлено с мар. *шелаиш* ‘разделять, разделить что-либо’, ‘колоться, раскалываться, расколоться, расщепляться, расщепиться’, ‘трескаться, потрескаться’ [МРС: 698–699].

Ягра, ягрина ‘ухаб, яма на дороге’ (Арх.: Кон.), *ягриня* ‘то же’ (Влг.: Вож.), *ягровица* ‘яма на берегу озера’ (Влг.: Бел.), *ярвина* ‘яма на дороге’ (Влг.: Вож.) [КСГРС].

Термин традиционно возводится (см. [Фасмер 4: 546]) к ф.-у., ср. фин. *järvi*, саам. *jaw're*, мар. *jär, jer*, морд. *eŕke* ‘озеро’ [SSA 1: 259]. На основе современных данных реконструируется волжско-финская форма **jagr-*, **jajr-*. Соотносимые с этой формой русские слова нужно рассматривать как заимствования из вымерших финно-угорских языков.

Яморина ‘неглубокая яма’ (Кол.) [Меркурьев: 183], ‘яма с водой в лесу, на дороге’ (Арх.: Вин., В.-Т., К.-Б., Лен., Леш., Он., Плес., Холм.; Влг.: Баб., Бабуш., В.-Уст., Тарн.), *яморинка* ‘яма с водой в лесу, на дороге’ (Арх.: В.-Т.) [КСГРС], *ямурина* ‘неглубокая яма’ (Влг.: Ник., Сольв.) [Дилакторский: 584], *ёморина* ‘яма на дороге’ (Арх.: К.-Б.), *ёрма* ‘яма в лесу, как правило, под корнями вывороченного дерева’ (Арх.: Вин.) [КСГРС], *еромина* ‘заполненное водой место, яма’ (Арх.: Кон.) [АОС 13: 137].

< Саам., ср. колт. *jēr^em* ‘омут, яма в воде’, норв. *jârem* ‘небольшое расширение в реке’ [SKES: 132], лул. *jârre* ‘небольшая долина; глубокая яма в озере или реке’, *jârem* ‘небольшая замкнутая котловина’, ‘небольшой круглый залив в реке или ручье’, ‘маленькое лесное озеро’, норв. *jârem* ‘небольшое расширение в реке’, колт. *jēr^em* ‘омут, яма (в реке)’ [SKES: 128]. Ср. также саам. лул. *jâr^eme* ‘небольшой водоем’, ‘омут, плес ниже порога’, норв. *jor^ebme*, ин. *jormo*, колт. *jorm^a* ‘яма, глубокое место ниже порога’ [SKES: 126; SSA 1: 252]. Колебание вокализма первого слога может объясняться заимствованием из разных диалектов саамского языка или является переходом *'a > e* на русской почве. Этимологию см. в [Матвеев 1975].

Таким образом, лексика заимствованного происхождения, называющая углубления в земле, крайне многочисленна. Источником заимствования выступили как вымершие финно-угорские языки, так и существующие до сих пор. Основной массив лексем — прибалтийско-финско-саамского

происхождения, однако достаточно частотны и коми заимствования. Нередка энантиосемия: углубления в земле и возвышенности, холмы обозначаются одной и той же лексемой. Встречаются метафоры, возникшие уже в языках-источниках.

Литература

1. Словари (с используемыми сокращениями).

Аникин РЭС — *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Вып. 1—. Москва, 2007—.

АОС — Архангельский областной словарь. Вып. 1—. Москва, 1980—.

Даль — *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. Москва, 1863–1866.

Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи *П.А. Дилакторского* 1902 г. Санкт-Петербург, 2006.

Д.-Опыт — Дополнения к «Опыту областного великорусского словаря». Санкт-Петербург, 1858.

КСГРС — Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

КСПЯ — *Мосеев И.И.* Поморська говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Куликовский — *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1898.

КЭСК — *Лыткин В.И., Гуляев Е.И.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, 1970.

Мельниченко — *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961.

Меркурьев — *Меркурьев И.С.* Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Мокиенко — *Мокиенко В.М.* Образы русской речи: Историко-этимологические очерки по фразеологии. Санкт-Петербург, 1999.

МРС — Марийско-русский словарь. Москва, 1956.

МСФУЗ — Материалы для словаря финно-угро-самодийских заимствований в говорах Русского Севера. Под ред. А.К. Матвеева. Вып. 1. А-И. Екатеринбург, 2004.

Мурзаев — *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. Москва, 1984.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Санкт-Петербург, 1852.

Подвысоцкий — *Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. Санкт-Петербург, 1885.

ПФГЛ — *Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И.* Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

СВГ — Словарь вологодских говоров. Т. 1—. Вологда, 1983—.

СВЯ — *Зайцева М.И., Муллонен М.И.* Словарь вепского языка. Ленинград, 1972.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. Т. 1—. Екатеринбург, 2001—.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1–6. Санкт-Петербург, 1994–2005.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры. Т. 1–2. Санкт-Петербург, 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Москва, Ленинград, 1965—. Вып. 1—.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. Москва, 2008.

Фасмер — *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. Москва, 1996.

ФРС — *Вахрос И., Щербаков А.* Большой финско-русский словарь. Москва, 2001.

Цыганкин – Мосин — *Цыганкин Д.В., Мосин М.В.* Этимологический словарь. Саранск, 1988.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праославянский лексический фонд. Под ред. *О.Н. Трубачева*. Москва, 1974—. Вып. 1—.

ЯОС — Ярославский областной словарь. Вып. 1—10. Ярославль, 1981—1991.

KKLS — *Itkonen T. I. Koltan ja Kuolan lapin sanakirja*. I—II. LSFU, XV. Helsinki, 1958.

Lagercrantz — *Lagercrantz E. Lappischer Wortschatz*. I—II. LSFU, VI. Helsinki, 1939.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. I—VII. LSFU. XII. Helsinki, 1958—1961.

SSA — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1—3. Helsinki, 1992—2000.

YS — *Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto*. MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

2. Исследования

Матвеев А.К. К этимологии русск. диал. *челтан* // *Etudes Finno-Ougriennes*. Budapest, 1975. Т. 10. Р. 21—31.

Матвеев А.К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч.1. Екатеринбург, 2001.

Матвеев А.К. Топонимические этимологии. VII (Субстратные топонимы с формантом *-V-рма* на русском Севере) // Советское финно-угроведение. 1975, № 1. С. 21—24.

Мищенко О.В., Теуш О.А. К этимологии рус. диал. *бочаг* // Русская диалектная этимология: Материалы IV Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 22—24 октября 2002 г. Екатеринбург, 2002. С. 46—51.

Молицкая Г.П. Об особенностях одной тематической группы лексики русского языка до XVIII в. // Лексические группы в русском языке XI—XVII вв. Москва, 1991. С. 95—109.

Субботина Л.А. Заимствования в географической терминологии Белозерья. Дисс. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1984.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. MSFOu. XLIV. Helsinki, 1919.

Список сокращений

1. В названиях административных районов и областей
- Ареф. — Арефинский район Ярославской области
- Антр. — Антроповский район Костромской области
- Арх. — Архангельская область (губерния)
- Баб. — Бабаевский район Вологодской области
- Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
- Бат. — Батецкий район Новгородской области
- Бел. — Белозерский район Вологодской области
- Белом. — Беломорский район Карелии
- Бокс. — Бокситогорский район Ленинградской области
- Бор. — Бородинский район Ярославской области
- Брейт. — Брейтовский район Ярославской области
- Ваш. — Вашкинский район Вологодской области
- В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области
- Вель. — Вельский район Архангельской области
- Вил. — Вилегодский район Архангельской области
- Вин. — Виноградовский район Архангельской области
- Влад. — Владимирская область
- Влг. — Вологодская область (губерния)
- Влгд. — Вологодский район Вологодской области
- Вож. — Вожегодский район Вологодской области
- В.-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области
- В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области
- Выгоз. — оз. Выгозеро (Олонецкая губерния)
- Выт. — Вытегорский район Вологодской области, Вытегорский уезд Олонецкой губернии
- Вят. — Вятская губерния
- Галич. — Галичский район Костромской области
- Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
- Дан. — Даниловский район Ярославской области
- Двин. — бассейн р. Сев. Двина

- Заон. — Заонежский уезд Олонецкой губернии
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
Калин. — Килининская область
Канд. — Кандалакшский район Мурманской области
Карг. — Каргопольский район Архангельской области,
Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел. — республика Карелия
К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской
области
Кем. — Кемский район Карелии
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Киров. — Кировская область
Кол. — Кольский уезд Архангельской губернии, Кольский
полуостров
Кологр. — Кологривский район Костромской области
Кон. — Коношский район Архангельской области
Кондоп. — Кондопожский район Карелии
Костр. — Костромская область
Кот. — Котельнический район Кировской области
Котл. — Котласский район Архангельской области
К.-Перм. — Коми-Пермяцкий автономный округ
Крас. — Красносельский район Костромской области
Курб. — Курбатовский район Ярославской области
Лен. — Ленский район Архангельской области
Ленингр. — Ленинградская область
Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Лод. — Лодейнопольский район Ленинградской области
Люб. — Любутинский район Ярославской области
Мант. — Мантуровский район Костромской области
Медв. — Медвежьегорский район Карелии
Меж. — Межевской район Костромской области
Мез. — Мезенский район Архангельской области
М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области

- Мурм. — Мурманская область
Мышк. — Мышкинский район Ярославской области
Нейск. — Нейский район Костромской области
Нек. — Некоузский район Ярославской области
Некр. — Некрасовский район Ярославской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область, район г. Новгорода
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Ол. — г. Олонец Олонецкой губернии
Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области
Парф. — Парфеньевский район Костромской области
Пв. — Повенецкий уезд Олонецкой губернии
Пд. — Пудожский уезд Олонецкой губернии
Перв. — Первушинский район Ярославской области
Перм. — Пермская область
Печор. — бассейн р. Печора
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Помор. — Поморье (побережье Белого моря)
Прим. — Приморский район Архангельской области
Прион. — Прионежский район Карелии
Пт. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Пуд. — Пудожский район Карелии, Пудожский уезд
Олонецкой губернии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Сев. — Север
Сег. — Сегежский район Карелии
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Сол. — Солигаличский район Костромской области
Сольв. — Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Сямж. — Сямженский уезд Вологодской губернии

Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Твер. — Тверская область
Тер. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
У.-Куб. — Усть-Кубинский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Устюж. — Устюженский район Вологодской области
Халт. — Халтуринский район Кировской области
Хар. — Харовский район Вологодской области
Холм. — Холмогорский район Архангельской области
Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области
Череп. — Череповецкий район Вологодской области
Чухл. — Чухломской район Костромской области
Шар. — Шарьинский район Костромской области
Шенк. — Шенкурский район Архангельской области
Яр. — Ярославская область
Ярен. — Яренский уезд Вологодской губернии
Яроsl. — Ярославский район Ярославской области

2. В наименованиях языков и диалектов

бабин. — бабинский диалект саамского языка
вв. — верхневычегодский диалект коми языка
в.-вычег. — верхневычегодский диалект коми языка
вепс. — вепсский язык
вод. — водский язык
вс. — верхнесысольский диалект коми языка
вым. — вымский диалект коми языка
доперм. — допермское
иж. — ижемский диалект коми языка
ижор. — ижорский язык
ин. — диалект Инари саамского языка
йок. — диалект Йоканьга саамского языка
карел. — карельский язык
кильд. — кильдинский диалект саамского языка
кольск. — кольский диалект саамского языка

колт. — колтовский диалект саамского языка
лет. — летский диалект коми языка
лив. — ливский язык
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка
луз. — лузский диалект коми языка
лул. — диалект Луле саамского языка
люд. — людиковский диалект карельского языка
мар. — марийский язык
мокш. — мокша-мордовский язык
нв. — нижевычегодский диалект коми языка
норв. — саамский норвежский язык
нот. — нотозерский диалект саамского языка
патс. — диалект Патсойоки саамского языка
печор. — печорский диалект коми языка
прасаам. — прасаамский язык
приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
присыктив. — присыктивкарский диалект коми языка
русск. — русский язык
саам. — саамский язык
сев. — северный диалект саамского языка
сканд. — скандинавские языки
скр. — сыктивкарский диалект коми языка
сонг. — сонгельский диалект саамского языка
сс. — среднесыольский диалект коми языка
тер. — терский диалект саамского языка
удор. — удорский диалект коми языка
фин. — финский язык
ф.-у. — финно-угорские языки
эрз. — эрзя-мордовский язык
эст. — эстонский язык

Теуш Ольга Анатольевна
Уральский федеральный университет им. Б. Ельцина
olga.teush@yandex.ru

***Перевод Библии на тувинский язык:
обогащение лексического состава тувинского
литературного языка***

***The Tuvan Bible translation and the lexical enrichment
of the Tuvan literary language***

Мижит Л.С

В статье предпринята попытка лингвистического анализа основных терминов и выражений в переводе Библии на тувинский язык. Показано, как создавалась тувинская богословская терминология с опорой на религиозно-мифологическое мировоззрение народа, с учетом национального менталитета. Исследуется влияние перевода на развитие тувинской лексики: появление неологизмов, заимствований, сохранение архаизмов и т. д.

Ключевые слова: Библия, перевод, тувинский язык, лексика, христианская культура, мировоззрение тувинцев, неологизмы, заимствования, архаизмы, образные выражения

This article examines some linguistic issues that arose in the process of translating the Bible into the Tuvan language for the first time. The investigation focuses on how key terms and expressions of the Holy Scriptures were rendered into Tuvan, taking into account the Tuvan worldview with its traditional religious and mythological components. Examples are given of how this translation promoted the growth of the Tuvan lexicon, including neologisms, borrowings, retained archaisms, and so forth.

Keywords: Bible translation, Tuvan language, lexicon, Christianity, culture, worldview, neologisms, borrowings, archaisms, phraseology

1. Введение

В 2011 г. тувинский народ получил на своем родном языке Священную Книгу — *Ыдыктыг Библия* (букв. ‘Священная Библия’)¹, являющуюся одной из глубинных основ мировой культуры. Библия на тувинском языке — это уникальное явление в истории и духовной культуре Тувы, демонстрирующее стремление к пониманию культуры и духовности других народов мира. Ведь только понимание друг друга ведет к взаимоуважению, к толерантности и духовному сближению, на основе которых возможно мирное сосуществование народов, искоренение ксенофобии во всех ее видах.

И мы, представители тувинского народа, гордимся тем, что из всего огромного количества народов мира мы входим в число тех народов, которые имеют Библию на своем родном языке. На сегодняшний день только 7 автохтонных народов Российской Федерации, не считая русского, имеют полный текст Библии на родном языке: крымскотатарский, осетинский, татарский, тувинский, удмуртский, чеченский и чувашский.

2. Обогащение тувинской лексики через перевод Библии

Перевод Библии на тувинский язык расширил границы языка путем включения в лексический состав новых

---

¹ Библия переведена на тувинский язык и издана благодаря четкому организованному труду сотрудников Института перевода Библии под руководством доктора Марианны Беерле-Моор и тувинской переводческой группы: Н. Куулара, Э. Мижита, М. Кужугет, Т. Кандауровой, Е. Самба, Л. Мижит. Переводческая группа благодарна оказавшим неоценимую помощь в этом деле высококвалифицированным специалистам — докторам наук Д. Кларку, А. Десницкому, проектному координатору В. Войнову, которые скрупулезно сверяли тувинский перевод Библии с древнееврейским, древнеарамейским и древнегреческим текстами-источниками; координатору в Москве Н. Манзиенко и всему редакционно-издательскому отделу ИПБ.

слов и выражений, обозначающих реалии, отсутствующие в тувинской национальной культуре. Например, *Ыдыктыг Сүлде* — Святой Дух, *сугга суктурары* — крещение (букв. ‘погружение в воду’), *Дээрги-Чаяакчының төлээзи* — ангел (букв. ‘представитель Господа-Творца’), *Бурганның бара-алгакчызы* — священник (букв. ‘служитель Бога’), *Бурганның өргээзи* — храм (букв. ‘дворец Бога’), *бачыдын миннири* — покаяние (букв. ‘признать свой грех’), *кыртыжап демдек-тээри* — обрезание (букв. ‘поставить метку при обработке кожи’) и т. д.

В процессе работы, естественно, возникали сложности с переводом богословских терминов и выражений, однако многие культурно-исторические реалии ветхозаветного времени имеют адекватные соответствия в тувинской культурной традиции. Например,

1) *Кадарчы чок хойлар* (Числа 27:17) ‘овцы без пастуха’. Эта метафора без каких-либо затруднений воспринимается тувинскими читателями, поскольку они являются кочевым скотоводческим народом.

2) *Мен силерни кокайлар аразынче хураганнарны дег чорудуп тур мен* (Матфей 10:16) ‘Я вас отправляю как ягнят в среду волков’. Это, на наш взгляд, одна из самых понятных для тувинского читателя метафор (понимание опасности). Так же понятен и метафорический образ Иисуса Христа — Агнец Божий (*хураган* ‘ягненок’). По мнению С. Криспа, «образ Агнца Божьего является неотъемлемой частью библейского мира и культуры, и замена такого характерного образа, несомненно, в какой-то степени лишает читателя доступа к этому миру и культуре» [Крисп 1996: 71]. Положительным моментом является то, что в тувинском переводе этот образ остался неизменным.

Поскольку функции пастуха хорошо известны тувинцам, иносказания в примерах 3) и 4) не представляют никаких трудностей для понимания:

3) *Кадарчызын сон каарымга, кодан хой тарай маңнажы бээр* (Матфей 26:31, 'Когда Я ударю пастуха, овцы разбегутся').

4) *Мээң израиль чонумну кадарар Чагырыкчы сенден үнер-дир* (Матфей 2:6, 'Правитель, пасущий Мой израильский народ, выйдет из тебя').

Так некоторое сходство культурных и бытовых реалий помогает переводу библейской древности.

Это касается и словосочетания Отец Небесный. На тувинский язык оно переведено как *Дээрде Адавыс* 'наш отец, находящийся на небе', что, в принципе, близко передает смысл. В тувинской лексике есть древнее выражение *Дээр-Ада* 'небо-отец', которое более точно передает смысл «Отец Небесный». Но в результате полувекового атеистического воспитания и неправильного понимания древнего тувинского единобожия как язычества, современные тувинцы христиане-неофиты не приняли это обозначение Бога. В религии древних тувинцев — тэнгрианстве [Бичелдей 2015] — выражения *Дээр, Денгер* (общетюркское *Тэнгри*) 'небо', *Дээр-Ада* 'небо-отец' одновременно означают и место, где обитает Бог, и Бога-Творца.²

Известный библеист А.С. Десницкий пишет, что в некоторых случаях существуют трудности в переводе родово-клановых терминов древнееврейского народа из Ветхого Завета, а «в языках народов, сохранивших память о родовой структуре общества, как правило, с этим серьезных проблем не возникает, если с самого начала переводить эти термины системно, а не по отдельности» [Десницкий 2012]. В тувинском переводе удалось найти соответствующие эквивалентные термины: *үре-салгал* 'колено'; *ук-сөөк* 'род, племя'; *аймак* 'род, родовое деление'; *төрөл бөлүк* 'родственная группа' и т. д.

---

² По своим религиозным верованиям тувинцы являются также носителями древнейшей шаманистской религии, а с XVIII в. — тибетского буддизма.

3. Перевод библейских терминов с учетом тувинского национального менталитета и религиозно-мифологического мировоззрения

Немаловажным фактором является то, что перевод Библии на тувинский язык осуществлялся писателями, которые хорошо ориентируются в духовно-религиозном опыте своего этноса, мифологии, фольклоре, литературе, этнографии тувинцев, что необходимо для качественного перевода.

Рассмотрим примеры лингвистических поисков по переводу основных терминов и понятий Священного Писания на тувинский язык с учетом тувинского национального менталитета и религиозно-мифологического мировоззрения.

1. В Библии на тувинском языке «Господь Бог» и «Творец» переведены как *Дээрги-Бурган-Чаяакчы* и *Дээрги-Чаяакчы*. Архаичное слово *дээрги* буквально означает 'господин'. Это традиционное тувинское обращение к людям, облеченным властью, — князьям и чиновникам. По отношению к Богу данное слово применяется впервые. Слово *Бурган* буквально означает 'Бог', слово *Чаяакчы* означает 'Творец'. Таким образом, *Дээрги-Бурган-Чаяакчы* буквально означает 'Господин-Бог-Творец', *Дээрги-Чаяакчы* — 'Господин-Творец'. Такой перевод был принят переводчиком и верующими для того, чтобы отделить Бога иудео-христианской традиции от Бога древней тувинской традиции. Особенно это касалось слова *Бурган*, которое было неправильно понято некоторыми современными тувинцами, как слово, имеющее отношение к буддизму. На самом деле это древнетюркское слово, которое буквально переводится как 'Бог'. Оно и вошло с этим смыслом в тувинский перевод Библии.

Относительно перевода слова «Господь» А.С. Десницкий приводит пример экзегетического диалога в алтайском проекте. В старых, миссионерских, изданиях оно переведено как *Каан-Кудай* 'Царь-Бог'. Переводческая группа сначала

выбирает слово *Бий* ‘князь, господин’, которое в современном алтайском языке употребляется в значении «важный господин», «начальник». И вдруг переводчик предлагает слово *Кайракан* — на Алтае так обращаются к высшей силе все: и язычники, и христиане. И это слово после долгих переговоров с разными группами было принято [Десницкий 2007: 115–116]. Интересно отметить, что на эвенкийский язык «Господь» переведено как *Бэгин* ‘начальник, хозяин, господин’ [Булатова 2008: 34].

2. Один из основных терминов Библии — Завет — переведен как *Чагыг-керээ*. Перевод состоит из двух слов — *чагыг* ‘наказ’ и *керээ* ‘договор’ (архаичное слово). Этот термин встречается, например, в Матфей 26:28 — *Чагыг-керээ чарар Мээң ханым-дыр* (‘Моя кровь, которая заключает завет’). Первоначальный вариант — *Дугуржулга-чагыг* (‘договор-наказ’) имеет место в пробном издании ИПБ «Евангелие от Луки и Деяния Апостолов» (1997 г.) и также в издании Нового Завета 2001 г. Но слово *дугуржулга* в современном тувинском языке употребляется как договор между людьми, организациями и т. д., поэтому переводческая группа в конце концов решила, что нужен более торжественный, возвышенный эквивалент.

3. Евангелие (греч. εὐαγγέλιον ‘благая весть’ от греч. εὔ — ‘добро, благо’ и греч. ἀγγεῖα — ‘весть, известие’) на тувинский язык переведено как *Буанныг Медээ*: *буанныг* ‘благородный, добродетельный, милостивый, добрый, сердечный’ (от *буян* ‘милость, доброта, сердечность; добро, благо’), а *медээ* ‘весть, известие; сообщение, информация’. Слово *буян* является также одним из ключевых понятий в тувинской буддийской лексике. И, соответственно, в восприятии тувинским читателем великой вести Бога человеку это слово имеет важное значение.

4. При переводе словосочетания «ученики Христа» в начале работы переводческая группа предлагала устаревшее слово *сурукчу* ‘ученик, сподвижник’, которое очень правильно передавало бы статус и деятельность учеников Христа. Это

слово фигурирует в пробном издании «Евангелие от Луки и Деяния Апостолов» (1997). Но, к сожалению, в результате тестирования с читателями выяснилось, что большинство респондентов не понимало значения этого слова и предлагало использовать современное слово *өөреникчи* ‘ученик, учащийся’.

5. Очень удачным оказалось создание нового термина в тувинском языке *Ыдыктыг Сүлде* для перевода понятия «Святой Дух» (*Ыдыктыг* ‘священный, святой’; *сүлде* ‘дух’, *сүлде бо!* ‘боже мой!’). В тувинском традиционном мировоззрении слово *сүлде* употребляется для обозначения возвышенных явлений, например *сүлдези бедик* ‘дух высок’, ‘поднять дух’ и т. д., потому что считается, что дух дается человеку свыше. В переводе Библии на тувинский язык слово *сүлде* связано со словом «священный» — Святой Дух. (В современном литературном языке *сүлде* имеет значение ‘герб’.) Следует заметить, что при тестировании данного термина некоторыми христианами-тувинцами предлагалось слово *сеткил* ‘душа’. Дело в том, что в тувинском мировоззрении субстанции «души» выражаются понятиями: *тын*, *кут*, *сүлде*, *сүнезин*, *сеткил*, *сус*, *сүр*, которые объединены в единое целое [Мижит 2013: 27]. (Ср. в библейских книгах на шорском языке Святой Дух переведен как *Ак-Арыг Тын* ‘белое-чистое дыхание’) [Костоцаков 2008: 58].

6. Понятие «пророк» переведено как *медээчи* и *Бурганның медээчизи* ‘вестник, вестник Бога’. Следует отметить, что в тувинском языке есть слова *ош* и *ошчу*, означающие соответственно ‘пророчество’ и ‘пророк’. Но во времена воинствующего атеизма этим словам было придано несоответствующее смыслу истолкование, и они закрепились в словарях советского времени в значениях лжепророчество и лжепророк. Интересно отметить, что в раннем, пробном, тувинском переводе Книги пророка Ионы (1990) слово «пророк» переведено как *толгечи* ‘гадальщик, предсказатель’. Этот вариант не был поддержан переводческой группой ИПБ в связи с тем, что роль пророка, как «человека, провозглашающего людям волю Божию,

заклучалась, прежде всего, в том, чтобы наставлять и обличать избранный народ, Израиль, но многое из сказанного и сделанного им имеет прямое отношение и к судьбам всего человечества» [Десницкий, Лазаренко 2005: 66].

7. Как известно, одним из требований перевода является отказ от прямых заимствований с языка-оригинала. Но такой подход чреват другой крайностью — чрезмерное увлечение толкованием понятий в переводе не всегда приводит к лучшему результату. Например, концепт «ангел» переведен как *дээрниц төлээзи*, *Бурганның төлээзи* (букв. ‘представитель неба’, ‘представитель Бога’). В принципе, слово ангел можно было перевести как *медээчи*, *Бурганның медээчизи* ‘вестник’, ‘вестник Бога’, но этот тувинский термин был зарезервирован для перевода понятия «пророк» (см. выше). «Ангела» можно было даже оставить без перевода, т. к. данное слово уже давно вошло в тувинскую лексику через русскую культуру и широко используется в современной речи. (Ср.: в чувашский язык при переводе Библии слово «ангел» проник как заимствование. В статье И.В. Мукиной и В.А. Мукина представлен опыт многолетних попыток дословного перевода культурного концепта «ангел» на чувашский язык с точки зрения историко-этимологического подхода. Как пишут авторы, в первых переводах И.Я. Яковлева использовано чувашское слово, обозначающее добрый дух, — *пирешти*, со словом «ангел» в скобках. Но священники того времени были категорически против использования *пирешти*, считая, что это слово связано с языческими понятиями. С тех пор во всех переводах библейских книг закрепилось слово «ангел» [Мукина, Мукин 2014: 128]). А, например, в эвенкийском переводе «ангел», как и в тувинском, переведено средствами родного языка: *Сэвэки тэдэвумнин* (букв. ‘Бога сообщатель’) [Булатова 2008: 34].

8. Слово «крест» переведено как *белдир-ыяш* (первоначальный вариант: *белдир-крес*), что в буквальном переводе

на русский язык означает 'перекресток-дерево' или 'деревянный перекресток'. Слово *белдир* 'перекресток' имеет и другое значение: место пересечения дорог или слияния рек. Следует отметить, что в тувинском языке есть слово *хас*, которое и означает крест (в виде солярного знака). Такой знак можно видеть в орнаментах тюрко-монгольских народов. От *хас*, в частности, происходит слово *хачы* 'ножницы', которые в раскрытом виде имеют форму креста. Но слово *хас* во время Второй мировой войны стало прочно ассоциироваться со свастикой — символом немецких нацистов, хотя свастика имеет форму креста с загнутыми в одну сторону кончиками. Так идеология стала причиной негативного понимания простого тувинского слова, обозначающего крест. И соответственно, было принято решение использовать слово *белдир-ыяш*. В некоторых случаях крест переведен как *шаажылал ыяжы* (букв. 'дерево для казни').

Некоторые вышеуказанные термины не были приняты христианами-тувинцами во время тестирования перевода, несмотря на обоснованные доводы в пользу того, что они точнее передают смысл библейских слов и выражений.

В тувинском переводе библейские антропонимы, имена собственные, переданы по аналогии с русским переводом в тех случаях, когда можно было предположить, что эти имена уже знакомы большей части тувинского народа. В таких случаях русские заимствования остались без изменений (без фонетических преобразований) по сравнению с другими переводами Библии, например на дагестанские языки, где используются коранические формы имен: Муса (Моисей), Ибрагим (Авраам), Марьям (Мария) и т. д. А в случаях, где библейское имя было малознакомо тувинцам, оно было приближено к первоначальному произношению на древне-еврейском языке. Например, имя ассирийского царя, которое в русском Синодальном переводе Библии передается как Феглафелласар, в тувинском переводе дано как *Тиглат-Пилесер*.

4. Архаизмы и неологизмы

Благодаря переводу Библии в современный тувинский язык вернулось немало архаизмов. Например:

— *суртаал* — проповедь (уст. пропаганда; агитация; проповедь; учение, доктрина)

— Одно из основных слов терминологического аппарата христианской лексики «апостол», ввиду того что в тувинской культуре такое понятие отсутствует, переведено *элчин* ‘посол’, которое стало в наше время архаизмом.

— *дүгден каан* — помолвлена (от *дүгдээр* ‘идти на смотрины’, *дүгдээшкин* ‘смотрины’)

— *букшуураан* — бесноватый (от шаманского слова *букшуураар* ‘заселяться злыми духами’)

— *чес чоос* — медная монета (*чоос* ‘монета’)

— *мөргүл* — молитва (от *мөргүүр* ‘молиться’). Термин принят без затруднений, т. к. используется в буддийской практике.

— *авырал* — благодать. Слово приобрело дополнительное значение «благодать» от буддийского термина *авырал* ‘спасение, покровительство, милость, помощь’

— *чурагачылар* — волхвы (уст. ‘астролог, звездочёт’)

— *медээчи* — пророк, вестник.

Велико также значение перевода в появлении неологизмов в тувинской лексике. Например:

— *Угаадыглыг чугаалар* — притчи, букв. ‘вразумительные рассказы’. Это новое словообразование, исходящее от глагола *угаадыр* ‘толковать, втолковывать, разъяснять’. Вторая часть этого словосочетания означает ‘речь, рассказы’.

— *Бурганның бараалгакчызы* — священник, букв. ‘служитель Бога’ (от глагола *бараалгаар* ‘служить кому-л.’)

— *Медеглекчи* — возвеститель, об Иоанне Предтече (от глагола *медеглээр* ‘сообщить, возвестить’)

— Словосочетание *сугга суктурар* (букв. ‘погружать в воду’) было выбрано переводческой группой для пере-

дачи отсутствующего в тувинском мировоззрении одного из ключевых христианских понятий «крестить» исходя из семантического принципа.

— *Шээрленишикин* — пост (от *шээрлээр* ‘воздерживаться (в еде); поститься’). Это тоже новое слово в тувинской лексике, появившееся, по-видимому, под влиянием русского языка. В тувинской культуре это слово применялось в качестве обозначения воздержания от еды при болезнях или перед каким-либо соревнованием, например во время празднования Шагаа (Новый год по лунному календарю). Постепенно оно приобрело значение «поститься» (воздерживаться от еды в определенный срок по церковному календарю). Изначальный вариант *шээрлик* (фонетическое преобразование), не был принят при тестировании перевода с носителями языка.

— *күткүлге* — искушение (от слова *күткүл[ге]* ‘подстрекательство, провоцирование, искушение’. *Бисти күткүлге алыспас кылып көр* ‘не дай нам быть охваченными искушением’ (Матфей 6:13).

— *Чылан сыскындылары* (Лука 3:7) — порождение ехиднины, букв. ‘змеиные отпрыски’ (от *сыскынды* ‘то, что выжато; сок’).

5. Использование собственных средств тувинского языка для передачи инокультурных понятий

Следует отметить примеры влияния русской культуры и языка на развитие тувинского литературного языка при переводе многих библейских слов и выражений:

— *Бачыт* или *хай-бачыт* — грех. Хотя в тувинском мировоззрении данное понятие не играет такой роли, как в православной культуре, это слово имеется в тувинском литературном языке. В традиционных тувинских верованиях — шаманизме и буддизме — нет понятия «грех», поэтому нелегко было неподготовленному человеку без комментариев понять смысл этого термина.

— *бузут* — зло (от *бузуруушкун* ‘отпирательство; присвоение обманым путем’). Здесь слово, имеющее другой смысл, получает второе значение — ‘лукавый’. *Бузут* как «зло», используется, в основном, в тувинской художественной литературе. Такие изыскания приводят к обогащению лексического состава тувинского языка. Очень образно звучит, например, выражение: *Бузуттуг болгаиш бачыттыг салгал* ‘Злое и развратное поколение’ (Матфей 12:39).

— Имя собственное владыки подземного царства (Нижнего мира) в мифологии и фольклоре тюркских народов Южной Сибири *Эрлик* (точнее: *Эрлик-Ловуң-Хаан*) использовано в тувинском переводе как обозначение Сатаны, дьявола. Для тувинского читателя это слово не представляет затруднения в понимании. (Интересно, что в алтайском переводческом проекте слово *эрлик* не принято в связи с алтайским мифом об Ульгене — добром начале и Эрлике — злом [Десницкий 2007: 116]). В тувинских мифах и легендах много слов, определяющих разные виды существностей потустороннего мира: *аза, четкер, шулбус, дишрең* (букв. ‘злой дух, бес, дьявол, нечистая сила’).

Тувинские переводчики старались передавать семантику слов на языке перевода. Например:

— *Бурганның дээди бараалгакчызы* — первосвященник (букв. ‘высший служитель Бога’). Первоначальный перевод в пробном издании — *эптештирилгениң дээди бараалгакчызы* (‘высший служитель примирения’)

— *ном-хоойлу тайылбырлакчылары* — книжники, законники (букв. ‘толкователи книг-законов’)

— *чоннуң баштыңнары* — старейшины (букв. ‘руководители народа’)

— *Бурганның медээчизи* — пророк (букв. ‘вестник Бога’)

— *акталаткан кижии* — евнух (букв. ‘оскопленный человек’)

— *өргүл салыр бедигээш* — жертвенник (букв. ‘возвышение для приношения жертвы’)

— *Хосталыышкын байырлалы* — Пасха (букв. ‘праздник освобождения’)

— *Хаарган далганнар байырлалы* — Праздник опресноков (букв. ‘праздник жареных лепешек’)

— *амыр-дыш хуну* — суббота (букв. ‘день отдыха-покоя’)

— *ыдыктыг ыр* — псалом (букв. ‘священная песня’)

— *ыдыктыг хойлу* — евр. Тора (букв. ‘священный закон’).

Таким образом, с целью наиболее полного использования и активизации собственных резервов национального тувинского языка переводчики старались избегать прямых заимствований. При передаче слов, обозначающих незнакомые для тувинца реалии, переводчики при содействии богословских редакторов переосмысливали и находили более или менее близкие по значению понятия. Если не было возможности найти соответствующий эквивалент на языке перевода, использовались заимствования из русского: синагога, фарисеи, саддукеи, херувим и т. д.

Перевод образных выражений (метафор, сравнений, олицетворений, гипербол и т. п.) имеет свои особенности. Часто ищется эквивалент в своей культуре. А в нашем переводе было решено сделать кальки, с целью передачи тувинскому читателю высокохудожественных образов и метафор библейского времени. Например, в переводе поэтической книги Песнь песней Соломона встречаются следующие образы:

— *Баш шывар пөзүң адаанда карактарың көге-бугаларла* (4:1) ‘твои глаза, (выглядывающие из) под твоего головного покрытия, словно голуби’. — Здесь красивые глаза сравниваются с голубями. А в тувинской культуре и искусстве используется сравнение с лунным сиянием или ягодами черемухи.

— *Бажың дүгү* — *Галаад дагларындан халчын баткан кодан өшкү-ле* (4:1) ‘твои волосы словно стадо коз, стремительно спускающихся с гор Галаада’. — Это очень интересное сравнение для тувинского читателя, который привык сравнивать волосы женщины с течением реки, водопадом.

— *Сээң диштериң — чугган соонда чанып бар чыдар кыргып каан хойлар-ла* (4:2) ‘твои зубы словно стриженные овцы, возвращающиеся домой после купания’. — В тувинском искусстве и литературе красивые зубы сравниваются с жемчугами.

— *Сесерликте суг бажы сен, агым суглар сен, кудук сен, Ливандан агып баткан суглар сен* (4:15) ‘ты источник в саду, ты потоки воды, ты текущие вниз с Ливана воды’. — А в тувинской традиции красивая женщина сравнивается с солнцем и луной. Например, *Ай, Хүн херелдиг алдын даңгына* ‘С лунным и солнечным сиянием золотая принцесса’.

Так осуществлялся не только смысловой (адекватный), но местами и буквальный, перевод Священного Писания на тувинский язык.

6. Заключение

В целом, в результате огромного труда ИПБ по переводу Священной Книги на тувинский язык можем констатировать:

- 1) Произошло обогащение лексического состава тувинского языка путем смыслового перевода и заимствований.
- 2) Созданы новые термины и понятия на тувинском языке.
- 3) Тувинский язык является гибким языком в плане словообразовательных возможностей, что позволило в процессе перевода обогатиться его лексико-семантической структуре.

Литература

Бичелдей У.П. О тэнгрианстве как высшей форме духовного развития народов Центральной Азии // История науки и техники. 2015, №8.

Булатова Н.Л. Некоторые проблемы перевода Библии на эвенкийский язык // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ. Материалы конференции. 24–26 сентября 2008 г. / Москва, 2008.

Десницкий А., Лазаренко О. Толковый Новый Завет. Послание к Ефесеянам. Послание к Евреям / Общедоступный

православный университет, основанный протоиереем А. Менем. Москва, 2005.

Десницкий А.С. Писание — Предание — современность. — Киев, 2007.

Десницкий А.С. Библейский перевод: реалии и концепты. 2012 / <http://www.bogoslov.ru/text/2560301.html>.

Косточаков Г.В. Перевод как возвращение уходящего языка // Перевод Библии как фактор сохранения и развития языков народов РФ и СНГ. Материалы конференции. 24–26 сентября 2008 г. Москва, 2010.

Крисп С. Современные теории перевода и современные переводы Библии // Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты. Материалы конференции 28–29 ноября 1994 г. Москва, 1996.

Мижит Л.С. Тувинское трехстишие. Новосибирск, 2013.

Мукина И.В., Мукин В.А. Лингвокультурологическое структурирование языковых особенностей, связанных с переводом Библии на чувашский язык // Вестник Чувашского университета. 2014, №1.

Ыдыктыг Библия / Библия на тувинском языке. Москва, 2011.

Мижит Людмила Салчаковна

Тувинский институт гуманитарных исследований

lmizhit@mail.ru

***Development of a finite-state model
for morphological processing of Tuvan***

Washington J. N., Bayyr-ool A., Salchak A., Tyers F. M.

This paper describes the development of a free/open-source finite-state morphological transducer for Tuvan, a Turkic language spoken in and around the Tuvan Republic in Russia. The finite-state toolkit used for the work is the Helsinki Finite-State Toolkit (HFST); we use the lexс formalism for modelling the morphotactics and two1 formalism for modelling morphophonological alternations. We describe how the development of a transducer can provide new insight into grammatical generalisations, as the transducer functions as a testable model of the language's morphology. Based on this, we add to the existing literature on Tuvan morphology a novel description of the morphological combinatorics of quasi-derivational morphemes in Tuvan, as well as some previously undescribed morphophonological phenomena. An evaluation is presented which shows that the transducer has a reasonable coverage—around 93%—on freely-available corpora of the language, and high precision—over 99%—on a manually verified test set.

Keywords: Tuvan, morphological analysis, finite-state transducers

Статья посвящена разработке конечного морфологического анализатора тувинского языка, одного из тюркских языков, носители которого проживают в Республике Тыва в России и за ее пределами. Анализатор находится в открытом доступе. Конечный морфологический анализатор используется в программном обеспечении Helsinki Finite-State Toolkit (HFST); для моделирования морфотактики применяется формальный язык lexс, а для моделирования морфонологических чередований - формальный язык two1. Показано, как разработка анализатора может способствовать новому пониманию грамматических обобщений, как в опциях самого анализатора, так и в модели языковой морфологии,

подвергаемой проверке. Анализатор позволяет добавить к существующим моделям тувинской морфологии описание морфологической комбинаторики квазидеривационных морфем тувинского языка, а также впервые описать некоторые морфонологические явления. Представленный результат показывает, что анализатор справляется со своими задачами на 93% объема тестовой выборки, находящейся в открытом доступе, и высокая точность проявляется на более чем 99% тестовой выборки, проверенной вручную.

Ключевые слова: тувинский язык, морфологические анализаторы, конечные автоматы

1. Introduction

This paper describes the development of a morphological transducer for Tuvan.¹ The paper is laid out as follows: section 2 gives a short introduction to Tuvan and section 3 describes some prior work on computational linguistics for Tuvan. Then section 4 documents how a number of issues related to morphotactics (section 4.4) and morphophonology (section 4.5) were implemented. An evaluation of the transducer is provided in section 5, and section 6 outlines future work related to the transducer.

2. Language

Tuvan (demonym [tuβɑ]) is the largest member of the Sayan branch of Turkic languages. It is an official language of the Tuva Republic (in Southern Siberia, within the Russian Federation, see figure 1), and is also spoken in the surrounding areas. Russia's 2010 census [Росстат 2011] recorded over 250,000 Tuvan speakers, and Lewis et al. [2015] report about 27,000 speakers in Mongolia and about 2,400 in China. Many Tuvan speakers also know Russian, Mongolian, or Chinese, depending on which country they are from.

Like other Turkic languages, Tuvan exhibits a rich system of agglutinating morphology, replete with productive and idiosyncratic morphotactics and morphophonology. There have been a number of grammars written for Tuvan, including a large academy grammar

---

¹ This paper is a significantly revised and expanded version of Tyers et al. [2016].

in Russian [Исхаков, Пальмбах 1961], and a grammar sketch in English [Anderson, Harrison 1999].

Figure 1: Location of the Tuva Republic

3. Prior work

Very little work has been done on computational linguistics for Tuvan; even basic resources are lacking. Of the two publications on computational linguistics, we find one paper on proposing a tagset for the Tuvan National Corpus [Bayyr-ool, Voinov 2012], and one Bachelor's thesis on Tuvan–English statistical machine translation [Killackey 2013]. The analyser presented in this paper does not follow the tagset designed by Bayyr-ool, Voinov [2012], and instead uses a pan-Turkic tagset being adopted by the Apertium project.² It is worth noting however that our tagset is a superset of the tagset of Bayyr-ool, Voinov [2012]—that is, it makes more distinctions rather than fewer distinctions, and as such, conversion from our tagset to theirs would be feasible.

4. Development

The development of the transducer is documented in this section; specifically, we provide background on the tools used (section 4.1), information on how the transducer is implemented

² <http://www.apertium.org>

through a combination of morphotactics and morphophonology (section 4.2), an overview of how tokenisation is performed (section 4.3), various morphotactic issues and how they were dealt with (section 4.4), various morphophonological issues and how they were dealt with (section 4.5), the structure of the lexicon (section 4.6), and an overview of the development cycle and how its structure can yield previously undocumented grammatical generalisations about Tuvan (section 4.7).

4.1 Background

The transducer described in this paper is designed based on the Helsinki Finite State Toolkit [Linden et al. 2011], which is popular in the field of morphological analysis. It implements both the `lexc` formalism for defining lexicons, and the `twol` and `xfst` formalisms for modelling morphophonological rules. This toolkit has been chosen because it has been widely used for other Turkic languages, such as Turkish [Çöltekin 2010], Kyrgyz [Washington et al. 2012], Kazakh, Tatar, and Kumyk [Washington et al. 2014], and is available under a free/open-source licence.

4.2 Finite-state transducers using HFST

A finite-state transducer is a formal way to map forms and analyses to one another. For example, *номнарымга* ‘to my books’ would receive the analysis `ном<n><pl><px1sg><dat>`.³ The transducer accepts the form as input and outputs the analysis, and vice-versa.

When used for modelling natural-language morphology, a finite-state transducer is a directed graph where the arcs encode relations between input symbols and output symbols. These symbols may be letters, linguistic tags or archiphonemes. Analysing or generating a form involves traversing the graph from left to right, while reading a symbol and outputting its corresponding symbol.

The graph in figure 2 represents a finite-state transducer that maps grammatical combinations of the plural, possessive, and case forms of the nouns *өз* ‘yurt’, *аьт* ‘horse’, and *ном* ‘book’ to their

³ The tags used here mean noun, plural, first person singular possessive, and dative, respectively. See appendix A for the complete tagset used in this transducer.

analyses. The morphotactics of this are represented in figure 3 in the λexc formalism.

In λexc , lexica are defined and may be directed to other lexica. For example, the Noun lexicon in figure 3 contains a list of noun stems, each of which is followed by the N1 lexicon. The N1 lexicon in turn adds the tag $\langle n \rangle$, and is followed by the SUBST lexicon. The SUBST lexicon adds two paths, one directly to N-INFL-COMMON, and one which adds the $\langle p \lambda \rangle$ tag and suffix first.

The transducer generated from λexc code, depicted in figure 3, leaves “archiphonemes” and other symbols in the output. For example, following the graph in figure 2 maps the analysis $ном\langle n \rangle\langle p \lambda \rangle\langle px1sg \rangle\langle dat \rangle$ to the form $ном\{L\}\{A\}p\{i\}M\{G\}\{A\}$, not to *ном-нарымга*. To process these archiphonemes and symbols, another transducer, consisting of morphophonological rules coded in $two\lambda$, is compose-intersected with the transducer generated from λexc code.

In this way, the morphotactics and morphophonology are coded separately, in λexc and $two\lambda$, respectively. Issues dealt with in the implementation of each will be discussed in sections 4.4 and 4.5.

4.3 Tokenisation

This analyser performs tokenisation on the basis of a left-to-right longest match algorithm as described in Garrido-Alenda et al. [2002]. Simple tokens such as *хувискаал* ‘revolution’ are maintained as a single token, and their lemma and morphological analysis is returned. Multiword units such as *соңгу чүк* ‘north’ and *ачы-дузанынга* ‘for their help’ are combined into a single token. Abbreviations and numerals which bear case, such as *АКШ-че* ‘to the USA’ and *90%-зунга* ‘to 90%’ are analysed as a single token, as are verb forms written with space like *өөренир мен*, the first-person singular aorist of *өөрен-* ‘to study’.

In some cases a single token is split into two tokens, as with the third person evidential aorist copula suffix; e.g., *өгде-дир* ‘it seems he/she/they is/are at home’ is tokenised as $\Theta r\langle n \rangle\langle loc \rangle + \text{э}\langle cop \rangle - \langle aor \rangle\langle evid \rangle\langle p3 \rangle\langle sg \rangle$.

Furthermore, two input tokens may result in three output tokens, e.g. *өгдел* in e.g., *кайы өгдел* ‘which house is/are he/she/they in?’ is tokenised as $\Theta r\langle n \rangle\langle loc \rangle + \text{э}\langle cop \rangle\langle aor \rangle\langle p3 \rangle\langle sg \rangle + \text{ыл}\langle qst \rangle$.

```

LEXICON CASES
%<nom%>: CLIT-COP ;
%<gen%>:%>%{N%}{I%}н # ;
%<acc%>:%>%{N%}{I%} # ;
%<dat%>:%>%{G%}{A%} # ;
%<loc%>:%>%{D%}{A%} CLIT-COP ;
%<abl%>:%>%{D%}{A%}н # ;
%<all%>:%>%{J%}е # ;
%<all%>:%>%{D%}{I%}в%{A%} # ; ! Dir/LR

LEXICON POSSESSION
%<px1sg%>:%>%{i%}м CASES ;
%<px2sg%>:%>%{i%}н CASES ;
%<px3sp%>:%>%{z%}{I%}{n%} CASES ;
%<px1pl%>:%>%{i%}в%{I%}с CASES ;
%<px2pl%>:%>%{i%}н%{A%}р CASES ;

LEXICON N-INFL-COMMON
CASES ;
POSSESSION ;

LEXICON SUBST
N-INFL-COMMON ;
%<pl%>:%>%{L%}{A%}р N-INFL-COMMON ;

LEXICON N1
%<n%>%<attr%>: # ;
%<n%>: SUBST ;

LEXICON Nouns
өг:өг N1 ; ! "юрта"
аът:аът N1 ; ! "лошадь"
ном:ном N1 ; ! "книга"

```

Figure 3: A noun lexicon in lexc format containing three stems, and some of the morphology the follows it (lexica are arranged in the order in which they are called). The escape character % is needed for certain symbols to be read by the compiler and can be ignored by human readers, any text on a line following ! is a comment (used for glosses and meta-code), : separates the two sides of the transducer (analysis and form), and # indicates the end of a path. Tags are enclosed in <...>, archiphonemes are enclosed in {...}, and > is used to indicate a morpheme boundary.

4.4 Morphotactics

Tuvan morphotactics, like that of other Turkic languages, is characterised by a concatenative suffixing morphology, with a large number of inflectional and derivational morphemes.

4.4.1 Nominal

The nominal morphotactics, used for modelling the inflection of nouns and substantivised adjectives, is essentially identical to that in use in previous transducers for Turkic languages [Washington et al. 2014, 2012]. One difference in Tuvan compared to Kypchak Turkic is the presence of two allative morphemes, *-Je* and *-DIɬA*. These were added in the case lexicon alongside the other case morphemes.

4.4.2 Verbal

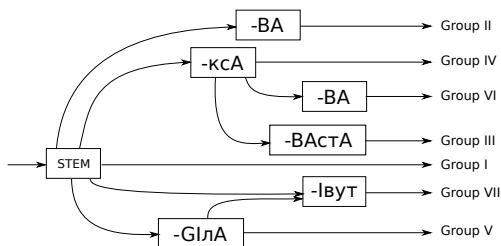
While a substantial amount of the nominal morphotactics used in the Tuvan transducer were able to be copied from Kypchak transducers, Tuvan verbal morphology is quite different from that of Kypchak, so the verbal morphotactics for the Tuvan transducer had to be written entirely from scratch. We based the verbal morphotactics on the system described in Anderson, Harrison [1999]. This grammar describes the use of many morphemes, including a set of quasi-derivational morphemes, but does not include a description of their combinatorics; to our knowledge there is no existing description of the combinatorics of Tuvan verbal quasi-derivational and inflectional morphemes. So, we developed a model using field-work techniques.

We learned that a series of quasi-derivational affixes can immediately follow the verb stem, in turn followed by inflectional suffixes. Figure 4 describes a preliminary model of how the quasi-derivational morphemes can be combined. (The inflectional suffixes which follow each “group” of quasi-derivational affixes are summarised later in Table 1.)

The quasi-derivational affixes identified in Tuvan are not true derivational morphemes.⁴ They appear to be almost entirely

---

⁴ Another level of quasi-derivational morphemes exists, which for the purposes of this paper simply form new stems: passive, causative, and cooperative. These affixes are not nearly as productive as the ones described here, but they still

Figure 4: Preliminary verb morphotactics for inflectional and quasi-derivational affixes. The inflectional affix groups are described in Table 1.

productive, and do not form new parts of speech. However, the types of verbal morphology that may follow are not the same for each group. The affixes presented in Figure 4 are outlined below:

- кСА*: Desiderative, expressing a desire to do something. *Мен чагаа бижиксен тур мен.* ‘I **want** to write a letter.’⁵
- ВастА*: Cessative, expressing “to stop doing something”. *Мен ол номну номчувастай бердим.* ‘I **stopped** reading that book.’
- ГЛА*: Iterative, expressing “to do something a little bit.” *Канданга номнардан номчуткула!* “Make Kandan read **a little bit** from the books.”
- ВА*: Negative, expressing one way to negate verbs. *Мен ол номну номчувадым.* ‘I **did not** read that book.’
- Ивут*: Perfective, having a number of different uses, for example “to do something for a short while” and “to do something to completion”. *Мен ырлаптар мен.* ‘I’m going to sing **for a bit.**’

There are two basic types of inflectional affix used with verbs in Tuvan: ones that create finite verb forms and ones that create non-finite verb forms. Traditional grammars of Tuvan concede that there is some overlap between these classes (i.e., some

probably do not constitute true derivation.

⁵ We draw a number of examples from Anderson, Harrison [1999].

morphemes can create both finite and non-finite forms). The traditional classification of non-finite forms centres around two Russian terms: “причастие” (often translated as *participle*) and “деепричастие” (often translated as *adverbial participle, converb, or gerund*). Translations for these terms vary, but they refer to verb forms that are attributive, and subordinate, respectively.

Non-finite forms may be further divided based on a more nuanced understanding of their syntactic function. The non-finite verbal morphemes create verb forms that can function substantivally, attributively, adverbially, and as dependent on an auxiliary. We refer to these forms, respectively, as verbal nouns, verbal adjectives, verbal adverbs, and participles.⁶ The various inflectional affixes presented in Table 1 can belong to one or more of these categories. The morphology which may follow an inflectional affix is determined in part by the category or categories to which it belongs. The following list explains each functional category in detail, and Table 1 presents the various inflectional affixes and the functional categories each one can belong to.

Finite: Finite verb forms function as independent clauses, and are hence the only form of verbs that can form their own predicate without depending on a copula or another verb form. All finite forms in Tuvan take person and number agreement (to agree with the subject), but are not the only verb forms that may.

Non-finite: Non-finite forms form dependent clauses; that is, they rely on another word form to be integrated into an independent clause.

Participle: These are verb forms that act as a single predicate when combined with an auxiliary verb. Participles form the root of a verb phrase, and are used in the creation of

---

⁶ While we understand that these terms may be unconventional, they represent a convenient, principled way to sub-divide non-finite forms. Note that while the terms are structured like “*verbal noun*”, we do not consider the forms to be (in this example) nouns, but instead (here) substantivised verbs. We also recognise that this tentatively used term “participle” is standardly used to refer to verbal forms that are dependents of nouns, and may lead to confusion.

“serial verb constructions”.⁷ Since participles in Tuvan form part of the same predicate as the auxiliaries upon which they depend, the auxiliary, and not the participle, takes person/number agreement. The general tag used for participle forms is <prc>. *Сүт ижиң тур мен.* ‘I am **drinking** milk.’

Substantive (verbal noun): Verbal nouns are forms of verbs that allow one to use a verb phrase as a noun phrase (i.e., substantively), for example, as a complement clause or subject of another verb. They may take person/number agreement in the form of nominal possession suffixes, and may further serve in adverbial roles with the addition of certain case morphology. The general tag used for verbal noun forms is <ger> (since verbal nouns are sometimes referred to as gerunds). *Ооң ындыг дүрген чоруй барганы бисти элдепсиндирген.* ‘That he left so quickly surprised us.’ (lit., ‘His so quickly away **going** us surprised’).

Attributive (verbal adjective): Verbal adjectives are forms of verbs that allow one to use a verb phrase as an adjectival phrase (i.e., attributively). They sometimes may further be substantivised, in which case they take a limited set of nominal morphology, but otherwise they do not normally have further morphology. The general tag used for verbal adjective forms is <gpr> (for Russian *глагольное прилагательное*). *Бир дугаар келген кижини көрдүм.* ‘I saw the person **who came** first.’

Adverbial (verbal adverb): Verbal adverbs are forms of verbs that allow one to use a verb phrase as an adjunct to another verb phrase. The conditional verbal adverb agrees in person and number with its subject, but otherwise the verbal adverb clause does not agree with its subject, which it may or may not share with the main verb. The general tag used for verbal adverbs forms is <gna> (for Russian *глагольное наречие*). *Кызыл чоруп*

⁷ These are also referred to as “auxiliary verb constructions” [Bayyr-ool, Voinov 2012].

опраш, *орукка хой көрдүм*. ‘While going to Kyzyl, I saw a sheep in the road.’

For an example of how to read Figure 4 and Table 1, consider the following word: *чурттаксаваас мен* ‘I would not like to live’. The stem is *чуртта-* ‘live’, and this is followed by the quasi-derivational desiderative morpheme *-кка-*, which is in turn followed by the negative morpheme *-ба-*. After the negative morpheme we look up the inflectional group following the combination *-кка-ба-* in figure 4, which is group VI, and find that the next suffix is *-с* which is the negative allomorph of the aorist in Table 1. This is then followed by *мен*, which is the first person singular finite agreement. The final analysis of this form is then *чуртта<v><iv><des><neg><aor><pl><sg>*.

4.5 Morphophonology

Using HFST, morphophonology is mostly dealt with by assigning special segments in the morphotactics (lexc) which are used as the source, target, and/or part of the conditioning environment for morphophonological (twoL) rules. We refer to the special segments as “archiphonemes” due to the fact that their use largely corresponds to traditionally defined archiphonemes; we use uppercase archiphonemes for symbols that are output as a range of symbols, and lowercase archiphonemes for symbols that are never or only sometimes output. Currently there are 61 twoL rules in the transducer, totaling nearly 400 lines of code (not counting commented or empty lines).

The morphophonology of Tuvan is in many ways quite similar to that of other Turkic languages, with phenomena such as voicing assimilation across morpheme boundaries, front/back vowel harmony, phonologically conditioned alternations between certain allomorphs that cannot be explained purely by the phonology of the language, phonologically conditioned epenthesis, and consonant desonorisation. There are a number of alternations that are purely

⁸ As one anonymous reviewer pointed out, conditionals can also be used as the main verb in sentences such as *Дурген-не келирлер болза!* ‘If only they would come quickly!’. It remains to be determined whether this qualifies as a finite use of the form or not.

Affix		Trad. class	Group							Type				
form	meaning		I	II	III	IV	V	VI	VII	FIN	SUBS	ATTR	ADVL	PRC
-DI	PAST ₁	фин.	+	+	+	+	+	+	+	+				
-JIK	RES	фин.	+	+				+	+	+				
-GAY	OPT	фин.	+	+				+	+	+				
-ZA	COND ⁸	—	+	+				+	+				+	+
-GLAЖE	LIM	—	+	+						+			+	
-Ap/-(I)р/-с	AOR	при., фин.	+	(+)				+	+	+				
-GAN	PAST ₂	при., фин.	+	+	+			+	+	+				
-GAYAK	UNACMPPL	при., фин.	+	+						+				
-GI OEG	IRRE	при., фин.	+	+						+			+	+
-BИшAнн	DUR	дееп., фин.	+	+						+			+	+
-GAY	PAST ₃	дееп.	+	+						+			+	+
-(D)н	PERF	дееп.	+	(+)						+			+	+
-E	IMPF	дееп.	+	+	+					+			+	+
-GAYA	SINCE	дееп.	+	+						+			+	+

Table 1: Inflectional affix possibilities after given combinations of quasi-derivational morphemes. The groups correspond to the inflectional groups after a given combination of quasi-derivational morphemes (see Figure 4). The type corresponds to the syntactic function of the form in a given group. The traditional classification (trad. class) corresponds to finite (фин.), 'деепричастие' (дееп.), 'причастие' (при.), or some combination thereof. Here ADVL type corresponds to tags with the prefix <gna_>, SUBS corresponds to tags with the prefix <ger_>, ATTR corresponds to tags with the prefix <gpr_> and PRC corresponds to tags with the prefix <prc_>.

due to orthographic convention (such as <я> standing in for what would otherwise be <йа>) and complications due to the presence of many Russian borrowings, which are quite frequently left in their original orthography. Because of the similarities of these issues to those encountered in the development of transducers for other Turkic languages (especially those with Cyrillic orthographies), the specific strategies used in previous Turkic transducers to deal with these issues were largely able to be applied in the development of the Tuvan transducer.

A number of challenges specific to Tuvan were dealt with, including its particular instantiation of irregular noun forms containing possession and case (section 4.5.1), treatment of certain types of Russian loanwords in terms of vowel harmony (section 4.5.2), a nuanced process (or set of processes) of velar deletion (section 4.5.3), and a range of phonological changes that occur during epenthesis (section 4.5.4).

4.5.1 Combination of third-person possession and case forms

One common challenge presented by the nominal morphology of many Turkic languages is the existence of an <Н> in certain combinations of the third-person possessive morpheme and case morphemes. Table 2 presents the case forms of Tuvan *теве* ‘camel’, as well as the case forms of *тевези* ‘his/her/their camel’.

case	‘camel’	‘camel-Poss.3’
NOM	теве	тевези
GEN	тевенин	тевезиниң
DAT	тевеге	тевезинге
ACC	тевени	тевезин
LOC	теведе	тевезинде
ABL	теведен	тевезинден
ALL	тевеже	тевезинче

Table 2: The case forms of *теве* ‘camel’ and *тевези* ‘his/her/their camel’, with “irregular” combinations of the possessive marker and case suffixes highlighted.

As seen in the table, the combination of the third-person

possessive suffix and most of the case suffixes are not as might be predicted. If a special <H>—which is deleted word-finally and before the accusative suffix—is assumed to be underlying in the third-person possessive form, then all forms aside from the deletion of the vowel in the accusative form surface as expected. This is, in fact, how this was implemented: the morphotactic form of the possessive suffix is {z}{I}{n}, and morphophonological rules delete the {n} in certain environments and let it surface as <H> in others. Other morphophonological rules are conditioned by {n}, including the deletion of the vowel in the accusative suffix when combined with the third person possessive suffix.

4.5.2 Russian loanwords and vowel harmony

In Tuvan, there are processes of both front-back vowel harmony and rounding vowel harmony, whereby the backness and/or roundedness of an affix vowel is determined by that of the previous vowel. The vowels of Tuvan are presented in table 3.

	front		back		archiphoneme
	unrounded	rounded	unrounded	rounded	
high	и	ү	ы	у	{I}
low	е	ө	а	о	{A}

Table 3: The vowels of Tuvan by phonological category, presented in Tuvan orthography, along with the Apertium-internal archiphoneme conventions for high- and low-harmonising vowels.

While harmonising high vowels (represented in the morphotactics by the archiphoneme {I}) acquire their backness and roundness from the previous vowel, low affix vowels that undergo vowel harmony (represented in the morphotactics by the archiphoneme {A}) are always unrounded, and acquire only their backness from the previous vowel. For example, /хол-{N}{I}H/ ‘hand-GEN’ is realised as *холдуң* and /бе-{N}{I}H/ ‘mare-GEN’ is realised as *бениң*, while /хол-{G}{A}/ ‘hand-DAT’ is realised as *холга* and /бе-{G}{A}/ ‘mare-DAT’ is realised as *беге*.⁹ In some Russian

⁹ For a more detailed account of Tuvan vowel harmony, see Anderson, Harrison [1999: 4–6].

loanwords in Tuvan, however, both types of harmonising vowel harmonise as front and unrounded, despite the previous vowel being back and sometimes rounded. Specifically, harmonising affixes immediately following words that end in <бль>, such as *ансамбль* ‘ensemble’ and *рубль* ‘rouble’, are always front and unrounded. As an example, compare the forms of *медаль* ‘medal’ and *руль* ‘steering wheel’ (whose suffix vowels harmonise as expected) in table 4 to the corresponding forms of *ансамбль* ‘ensemble’ and *рубль* ‘rouble’ (whose suffix vowels harmonise as front unrounded).

stem	V	С	dative	genitive
медаль	а	ль	медальга	медальдын
ансамбль	а	бль	ансамблыге	ансамбльдин
руль	у	ль	рульга	рульдын
рубль	у	бль	рублыге	рубльдин

Table 4: A comparison of the result of back and rounding vowel harmony of both {А} (in the dative suffix) and {I} (in the genitive suffix) in stems ending in both ль and бль.

The fact that the harmonised vowel is always front and unrounded following stems in <бль> regardless of the preceding vowel is presumably related to a pronounced—but unwritten—intrusive vowel that occurs between <б> and <ль> in the bare stem forms. However, since no vowel is intrusive in forms with a following vowel (e.g., ансамбли, рубли), this phenomenon provides an interesting case of either phonological opacity or paradigm levelling—an analysis of which is beyond the scope of the present paper. The implementation of this phenomenon into the transducer, as shown in figure 5, involved creating a two1 rule specific to stems in <бль>, as well as exceptions to the normal vowel harmony rules matching the same environment.

While the rules were written to apply to any consonant cluster ending in <ль>, it is not clear whether this prediction holds. Further investigation is required to determine what other clusters participate in this process. Furthermore, the application of this exceptional phonology appears to be variable, as examples are

```

"{I} harmony"
%{I%}:Vy <=> :Vx [ :Cns* :RealCns ]/[ :0 | %- ]* _ ;
  except
    [ :BackVow :Cns* :Cns :л ь: :Cns* :RealCns ]/:0* _ ;
    [ :BackVow :Cns* :Cns :л ь:0 ]/[ :0 - ь: ]* _ ;
  where Vx in ( ү и е э ө а о у я ё у )
        Vy in ( ү и и и ү у у у у у у )
  matched ;

"{I} always front when intervening Сль"
%{I%}:и <=> [ :BackVow :Cns* :Cns :л ь: :Cns* :RealCns ]/:0* _ ;
            [ :BackVow :Cns* :Cns :л ь:0 ]/[ :0 - ь: ]* _ ;

```

Figure 5: A general rule for vowel harmony with exceptions for stems ending in **бль** (emphasised in black), and an additional rule to harmonise as front unrounded. The rules are simplified somewhat from the actual code for purposes of demonstration.

attested that behave as would be predicted if this process were absent in the language. In order to analyse such forms, the transducer can have multiple entries in the lexicon: one with a symbol that is used to block the rule, and one without. To ensure that only the form with the exceptional phonology (the correct form in the literary language) is generated, lexicon entries which are marked with *Dir/LR* (in a comment after the entry) are not included in the transducer compiled for generation.

To our knowledge, this aspect of Tuvan morphophonology has not been documented elsewhere.

4.5.3 Velar deletion

Descriptions of Tuvan morphophonology, including Anderson, Harrison [1999:22–23] and Исхаков, Пальмбах [1961:117–118], have documented a widespread and productive process of stem-final velar deletion in Tuvan. In short, this process results in the voicing of <к> intervocalically at the end of monosyllabic stems (e.g., /өк+{I}/ ‘glottis–Poss.3’ → [өрү]), the deletion of <к> intervocalically at the end of multisyllabic stems (e.g., /инек+{I}/ ‘cow–Poss.3’ → [инэ]), and the deletion of <г> intervocalically at the end of stems of any length (e.g., /өр+{I}/ ‘yurt–Poss.3’ → [өө]). In addition to two rules that deal with these specific lenition phenomena, rules (along with exceptions to other rules) had to be implemented to create the long monophthongs that result from a consonant being lost between two potentially different vowels.

In addition to these rules, it was found that the velar nasal <ŋ> also deletes intervocalically in stem-final position in some (but not most) words in Tuvan (e.g., /coŋ+{I}/ ‘end–Poss.3’ → [co]). To account for this, the rule for <ŋ> deletion was expanded to apply to <ŋ>. Stems where <ŋ> is not deleted were marked with a special archiphoneme, which is normally used for loanwords,¹⁰ and an exception to the environment for this expanded rule was created so that it did not apply to these stems. The resulting set of rules is provided in figure 6.

```

"Intervocalic voiced velar deletion"
Cx:θ <=> :Vow/:θ* _ [ %>: :Vow ]/:θ* ;
  except
    :Vow _ [ %{\a%}: :Vow ]/:θ* ;
  where Cx in ( ɣ ɣ̣ ) ;
"Intervocalic voiceless velar deletion"
κ:θ <=> :Vow/:θ* _ [ %>: :Vow ]/:θ* ;
  except
    .#. [ ( :Cns* ) ( :Vow* ) :Vow ]/:θ _ [ %>: :Vow ]/:θ* ;

```

Figure 6: The rules that deal with intervocalic velar deletion, with the exception that blocks deletion in stems where ɣ̣ does not delete emphasised in black. The exception in the “voiceless velar deletion” rule is the environment where voicing of <κ> occurs in monosyllabic stems. The rules are somewhat simplified from the actual code.

4.5.4 Phonological changes during epenthesis

Like most Turkic languages, Tuvan has a small number of stems which receive an epenthetic vowel between the last two consonants when a vowel doesn’t follow. The epenthetic vowel is always high, and harmonises in frontness and roundness to the previous vowel of the stem, itself becoming the vowel to which following vowels harmonise. In addition to the presence or absence of the vowel, the consonants on either side of it may witness various alternations based on their prosodic position (e.g., syllable-final versus intervocalic) or proximity to other segments (e.g., whether a voiceless consonant precedes it or a voiced consonant or vowel precedes it). Some examples are illustrated in table 5. Besides

¹⁰ Since most loanwords which create challenges for the morphophonology entered Tuvan from Russian during the Soviet period, this archiphoneme is represented using the Unicode hammer and sickle symbol, U+262D, or *ᵛ*.

simple epenthesis, processes of intervocalic voicing, desonorisation, fortition, and nasal assimilation are all found. Because writing a rule to change an empty space into a character is dangerous in `twol`, a placeholder “archiphoneme” character {y} was used that either surfaces as zero or as a harmonised epenthetic vowel. Some example `lexc` entries containing this character are shown in the table. Rules were implemented in `twol` to harmonise the vowel, “combine” it with *й* to form *ю* if the previous vowel was rounded, and deal with the various consonant issues (most of which are more generally active in the language).

gloss	citation	UR	<code>lexc</code> entry	before V
neck	моюн	/мойн/	мой{y}н	мойну
boil	хайын-	/хайн/	хай{y}н	хайныр
distribute	тывыс-	/тыпс/	тып{y}с	тыпсыр
hand over	тудус-	/тутс/	тут{y}с	тутсур
show	көзүл-	/көсл/	көс{y}л	көстүр
swim	эжин-	/эшн/	эш{y}н	эштир
take out	ужул-	/ушл/	уш{y}л	уштур
be enough	чедиш-	/четш/	чет{y}ш	четчир
take part	кириш-	/кирш/	кир{y}ш	киржир
distract	куюс-	/куйс/	куй{y}с	куйзур
beg	чалын-	/чалн/	чал{y}н	чанныр
wake up	одун-	/отн/	от{y}н	оттур

Table 5: Some examples of words with epenthetic vowels. Presented are the citation form (with epenthesis), a proposed underlying representation (UR), the entry used in the lexicon file (`lexc`), and a form of the stem with following vowel-initial morphology. For purposes of comparison with the citation form and UR, the stems have been highlighted in bold in the forms with a following vowel.

4.6 Lexicon

The lexicon was compiled semi-automatically. Words were added to the lexicon by frequency, based on frequency lists from the corpora described in section 5.1. In order to determine the part of speech, the Russian description in the Tuvan–Russian dictionary

by Тенишев [1968] was used. Table 6 gives the total number of stems in the dictionary by part of speech.

Part of speech	Tag	Number of stems
Noun	<n>	4,226
Proper noun	<np>	4,217
Adjective	<adj>	1,603
Verb	<v>	1,064
Adverb	<adv>	136
Numeral	<num>	85
Conjunction	<cnj*>	70
Postposition	<post>	28
Pronoun	<prn>	35
Determiner	<det>	26
Total:		11,490

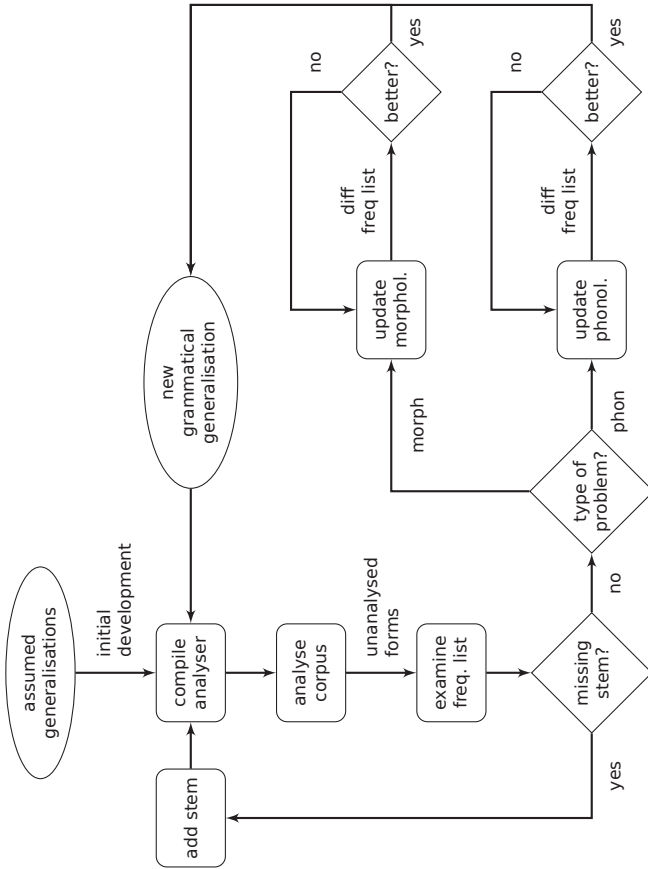
Table 6: Number of stems in each of the main categories of the transducer lexicon.

4.7 Further expansion

The transducer is developed incrementally through the cycle depicted in Figure 7.

After initial development based on preliminary generalisations about Tuvan, the development cycle consists of testing the transducer by using it to analyse corpora and examining the forms that are not analysed (sorted by frequency). Then the transducer is adjusted to analyse previously unanalysed forms, either through adding stems to the transducer or updating the morphology (*lexc*) or phonology (*twol*) components of the transducer. After the transducer is adjusted, it is recompiled and tested to ensure that it now analyses the previously unanalysed forms; the corpora are also reanalysed to determine whether the change resulted in better overall coverage, or caused previously analysed forms to now not be analysed.

Identifying forms not analysed in a large corpus and implementing morphotactic and morphophonological solutions in the

Figure 7: The development cycle for the Tuvan transducer. The lexicon is constructed semi-automatically, either from an existing wordlist or by identifying candidate stems in a corpus and checking them. The phonological rules are developed entirely manually, but with the assistance of the corpus to find examples of different phenomena.

transducer to analyse them can result in grammatical generalisations about the language that were not previously documented, such as some that were described throughout this section.

5. Evaluation

We have evaluated the morphological analyser in three ways: naïve coverage (section 5.1), precision and recall (section 5.2), and a qualitative evaluation (section 5.3).

5.1 Naïve coverage

Naïve coverage refers to the percentage of surface forms in a given corpus that receive at least one morphological analysis. Forms counted by this measure may have other analyses which are not delivered by the transducer.

The naïve coverage of the morphological analyser was calculated over five freely available corpora in Tuvan, each representing a different domain. From the encyclopaedic domain we have selected the Tuvan Wikipedia.¹¹ From the news domain, the archives of the Tuvan daily *Шын*.¹² For the religious domain we have used the Tuvan translation of the New Testament.¹³ The two additional domains were literature¹⁴ and folklore.¹⁵ Size of and naïve coverage over each corpus is presented in table 7.

5.2 Precision and recall

Precision and recall are measures of the average accuracy of analyses provided by a morphological transducer.

Precision, or the likeliness of an analysis presented by the transducer to be correct, was calculated as the number of analyses found in both the transducer's output and the gold standard, divided by the total number of analyses output by the transducer.

¹¹ A dump of <https://tyv.wikipedia.org/> from April of 2015.

¹² Content from <http://shyn.ru/> up to April of 2015.

¹³ <http://ibtrussia.org/en/ebook?id=TVN>

¹⁴ From the books Ш. Д. Куулар (2010) *Баглааш* (Кызыл: Тываның ном үндүрер чери) and С. Сарыг-оол (2008) *Аңгыр-оолдуң Тоожузу* (Кызыл)

¹⁵ Х. Багай-оол в кн. Тувинские народные сказки (Серия Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). Новосибирск, 1994. С. 50–224 and Ары-Хаан: Тыва улустуң маадырлыг тоолдары, V том. Кызыл, Тываның ном үндүрер чери, 1996.

Domain	Tokens	Coverage (%)
News	1,539,459	95.73
Religion	746,124	93.84
Literature	297,830	91.96
Encyclopaedic	276,547	90.86
Folklore	27,902	91.57
Average	–	92.79

Table 7: Corpora used for naïve coverage tests. Note that tokens here is defined by the morphological analyser and includes single words, punctuation, and numerals.

Recall, or the likeliness for a correct analysis of a form to be in the transducer, was calculated as the total number of analyses found in both the transducer and the gold standard, divided by the number of analyses found in the transducer plus the number of analyses found in the gold standard but not in the transducer.

This list of surface forms was then analysed with the most recent version of the analyser, and each analysis was checked. Where an analysis was erroneous, it was removed; where an analysis was missing, it was added. This process gave us a ‘gold standard’ morphologically analysed word list of 1,425 forms. The list is publically available in Apertium’s SVN repository. We then took the same list of surface forms and ran them through the morphological analyser once more. Precision and recall were calculated as described above. The results for precision and recall are presented in table 8.

	Count	Precision	Recall
Known tokens	1024	0.99	0.97
All tokens	1425	0.99	0.69

Table 8: Precision and recall over all tokens and only known tokens. Known tokens are those tokens for which the stem exists in the lexicon.

5.3 Qualitative

Along with calculating the precision and recall, we also performed a qualitative evaluation using the gold standard data. We looked at each word where an error was found, and categorised the error into five types: missing stem, incorrect categorisation, bad morphotactics, bad phonology, and other. The *other* category included Russian words not used in Tuvan, spelling mistakes, and tokenisation errors. These errors are summarised in Table 9.

Error type	Count	%
Missing stem	364	78.8
Incorrect categorisation	6	1.3
Bad morphotactics	19	4.1
Bad phonology	8	1.7
Other	65	14.1
Total:	462	100

Table 9: Error categorisation from the gold standard.

An example of bad phonology would be the word *оюнун* ‘game-3SG-ACC’. The morphotactic representation (before morphophonology is applied) is ой{y}н>{I}>{N}{I}, which is currently rendered as *ойнун. Normally, epenthesis (conversion of {y} to an output vowel, instead of resulting in no output) would not occur in this sort of environment in Tuvan, but in this particular form it seems to be required. Additionally, because the orthography of Tuvan almost always renders a <й> sequence as ю, the relevant two rules would need to specify that epenthesis, in this case, occurs by way of an input <й> surfacing as <ю>, and the archiphoneme for epenthetic vowels not being output. These problems add an additional layer of complication that has yet to be resolved.

An example of inadequate morphotactics would be the personal and demonstrative pronoun *ол* ‘he/she/it, this’. This pronoun can take possessive suffixes, but the current paradigms in the transducer only allow for case suffixes after personal and demonstrative pronouns. Another example would be the derivational suffix *-ла*,

which when applied to proper nouns produces a verb which means ‘to go to *X*’, e.g. *москвала* ‘go to Moscow’.

In terms of categorisation, we found errors in both phonological and morphological categorisation. One example of a phonologically miscategorised stem would be that proper nouns loaned via Russian, e.g. *Париж* ‘Paris’, need to be added to a special lexicon for borrowed stems to ensure that their final “voiced” consonants are treated as voiceless. The correct dative would be *Парижке* ‘to Paris’, but we currently generate **Парижге*. We also found morphological categorisation errors where verbs were incorrectly categorised for aorist, e.g. they were categorised to take *-{I}p* instead of *-{A}p*.

Around a third of all missing stems were noun stems, and another third were verb stems, while the remaining third were made up of proper nouns and adjectives, with one modal word, one adverb, and two interjections found.

6. Future work

The analyser we have presented here forms part of a family of computational morphological descriptions for Turkic languages. We are actively working with the Universal Dependency project to express our annotation scheme in a way compatible with their objectives. Figure 8 provides an example of several aspects of a Universal Dependency analysis for Tuvan; for more information on the application of the annotation scheme to a Turkic language, see Tyers, Washington [2015].

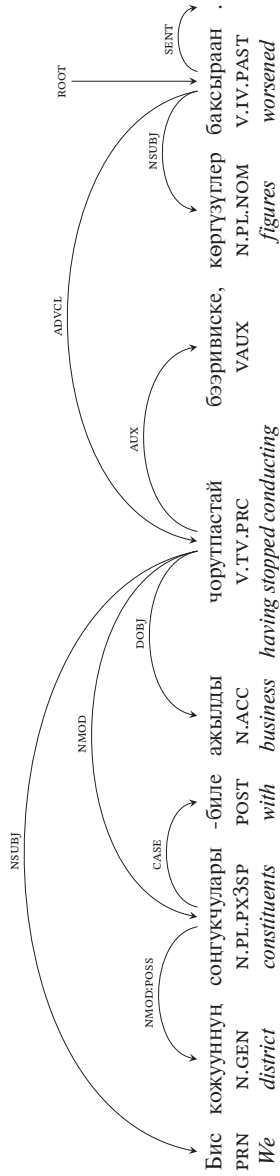
Spellcheckers may be derived from this transducer fairly easily. Spellcheckers for Microsoft Word™ and Firefox (both under Windows) are currently available,¹⁶ and instructions are available for compiling a spellchecker for LibreOffice from the transducer’s source code.¹⁷ However, documentation and ready-to-use installers are not yet available in Tuvan, so they are not fully accessible to the Tuvan language community.

There is a clear need to increase the size of the lexicon: in the evaluation, nearly 80% of all errors were caused by missing stems.

---

¹⁶ <http://apertium.projectjj.com/spellers/>

¹⁷ http://wiki.apertium.org/wiki/Using_Apertium_spellers_with_LibreOffice-Voikko_on_Debian

Figure 8: A dependency tree for a sentence in Tuvan, meaning ‘Figures worsened when we stopped conducting business with the district’s constituents.’, based on the guidelines from the Universal Dependencies project.

The few remaining issues in morphotactics, morphophonology, and incorrect categorisation can be fixed relatively easily. One approach to dealing with the missing stems is to add them by using a guesser—that is, to extract possible stems from corpora by their affixes and then manually check them before adding. Another possibility would be to incorporate the guesser directly into the morphological analyser (see for example Lindén [2009]), although at the expense of accuracy.

Morphological analysis is a vital part of any natural language processing pipeline for Turkic languages. However, as tokens often receive more than one analysis (in the case of Tuvan it is somewhere in the region of 2.4 analyses per token on average), there is a need for working on disambiguation—that is, selecting the most appropriate analysis in context. We intend to adapt work done on Kazakh by Assylbekov et al. [2016] to Tuvan.

7. Conclusions

We have presented, to our knowledge, the first ever published morphological analyser for Tuvan. The analyser is free and open-source, meaning that it can be used and extended by anyone interested. The analyser has a high precision, over 99%, and fairly high coverage, over 90%, on a range of available corpora. We have outlined the development of the transducer, addressing specific issues encountered, and have demonstrated how previously undocumented grammatical generalisations about Tuvan were discovered through this type of development process. The analyser is currently used to provide morphological analyses for an online corpus of Tuvan,¹⁸ and we intend to use it for annotating the Tuvan National Corpus.

Acknowledgements

We would like to thank Aldynaj Saryglar for her help in developing a prototype version of the transducer. Thanks also to Vitaly Voinov for thoughtful discussions and to the anonymous reviewers for their extremely helpful comments and suggestions.

---

¹⁸ http://gtweb.uit.no/tyv_korp/

A. Tagset

This appendix presents list of the grammatical tags used in the transducer. The tag names are fairly idiosyncratic, with some being based on English terms, some on Russian terms, and some on Catalan terms. This is as a result of being from a multilingual project. Conversion from this tagset to another one would be fairly straightforward.

<abbr>	abbreviation
<abl>	ablative case
<acc>	accusative case
<adj>	adjective
<adv>	adverb
<advl>	adverbial
<al>	other (proper names)
<all>	allative
<ant>	anthroponym
<aor>	aorist
<apos>	apostrophe
<attr>	attributive
<caus>	causative
<cess>	cessative
<cm>	comma
<cnjadv>	adverbial conjunction
<cnjcoo>	coördinating conjunction
<cnjsub>	subordinating conjunction
<cog>	surname
<coll>	collective numeral
<coop>	coöperative form
<cop>	copula
<dat>	dative
<def>	definite
<dem>	demonstrative
<des>	desiderative
<det>	determiner
<du>	dual
<emph>	emphatic
<evid>	evidential
<f>	feminine
<gen>	genitive
<ger_aor>	aorist gerund
<ger_past>	past gerund
<ger_perf>	perfective gerund

<gna_after>	verbal adverb 'since'
<gna_cond>	conditional verbal adverb
<gna_lim>	verbal adverb 'until'
<gna_mod>	modal verbal adverb
<gna_past>	past verbal adverb
<gna_perf>	perfective verbal adverb
<gna_still>	durative verbal adverb
<gna_unac>	unaccomplished verbal adverb
<gpr_aor>	aorist verbal adverb
<gpr_like>	verbal adjective 'like'
<gpr_past>	past verbal adjective
<gpr_perf>	perfect verbal adjective
<guio>	hyphen
<ifi>	recent past
<ij>	interjection
<imp>	imperative
<ind>	indefinite
<iter>	iterative
<itg>	interrogative
<iv>	intransitive verb
<loc>	locative
<lpar>	left parenthesis
<lquot>	left quote
<m>	masculine
<mf>	masculine/feminine
<mod>	modal word
<n>	noun
<neg>	negative
<nom>	nominative
<np>	proper noun
<num>	number
<opt>	optative
<ord>	ordinal
<p1>	first person
<p2>	second person
<p3>	third person
<pass>	passive
<past>	past
<pat>	patronymic
<percent>	percentage
<perf>	perfect
<pers>	personal
<pl>	plural
<pol>	polite

<post>	postposition
<prc_aor>	aorist participle
<prc_cond>	conditional participle
<prc_impf>	imperfective participle
<prc_perf>	perfective participle
<prn>	pronoun
<px1pl>	1st person plural possessive
<px1sg>	1st person singular possessive
<px2pl>	2nd person plural possessive
<px2sg>	2nd person singular possessive
<px3pl>	3rd person plural possessive
<px3sp>	3rd person singular/plural possessive
<qnt>	quantifier
<qst>	question marker
<quot>	quote mark
<ref>	reflexive
<resu>	resultative
<rpar>	right parenthesis
<rquot>	right quote
<sent>	sentence marker
<sg>	singular
<subst>	substantive
<TD>	transitivity undetermined
<top>	toponym
<tv>	transitive verb
<unac>	unaccomplished
<unk>	unknown
<v>	verb
<vaux>	auxiliary

References

Anderson G., Harrison K. D. (1999). Tyvan. Lincom Europa.

Assylbekov Z., Washington J. N., Tyers F. M., Nurkas A., Sundetova A., Karibayeva A., Abduali B., Amirova D. (2016). A free/open-source hybrid morphological disambiguation tool for Kazakh. // *Proceedings of the 1st International Workshop on Turkic Computational Linguistics*.

Bayyr-ool A., Voinov V. (2012). Designing a tagset for annotating the Tuvan National Corpus. // *International Journal of Language Studies* 6.4, pp. 1–24.

Çöltekin Ç. (2010). A Freely Available Morphological Analyzer for Turkish. // *Proceedings of the 7th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC2010)*, pp. 820–827.

Garrido-Alenda A., Forcada M. L., Carrasco R. C. (2002). Incremental construction and maintenance of morphological analysers based on augmented letter transducers. // *Proceedings of the Conference on Theoretical and Methodological Issues in Machine Translation*, pp. 53–62.

Killackey R. (2013). Statistical Machine Translation from English to Tuvan. Unpublished B.A. Thesis. Swarthmore College.

Lewis M. P., Simons G. F., Fennig C. D., eds. (2015). *Ethnologue: Languages of the World*. Eighteenth edition. Online version: <http://www.ethnologue.com>. Dallas, Texas: SIL International.

Lindén K. (2009). Guessers for Finite-State Transducer Lexicons. // *Computational Linguistics and Intelligent Text Processing 10th International Conference, CICLing 2009*, pp. 158–169.

Linden K., Silfverberg M., Axelson E., Hardwick S., Pirinen T. (2011). HFST—Framework for Compiling and Applying Morphologies. // *Systems and Frameworks for Computational Morphology*. Ed. by C. Mahlow, M. Pietrowski. Vol. 100. Communications in Computer and Information Science, pp. 67–85.

Tyers F. M., Washington J. N. (2015). Towards a free/open-source dependency treebank for Kazakh. // *Proceedings of the 3rd International Conference on Turkic Languages Processing*, 276–289.

Tyers F., Bayyr-ool A., Salchak A., Washington J. (2016). A Finite-state Morphological Analyser for Tuvan. // *Proceedings of the Tenth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016)*. Ed. by N. Calzolari, K. Choukri, T. Declerck, S. Goggi, M. Grobelnik, B. Maegaard, J. Mariani, H. Mazo, A. Moreno, J. Odijk, S. Piperidis. Portorož, Slovenia: European Language Resources Association (ELRA).

Washington J. N., Ipasov I. S., Tyers F. M. (2014). Finite-state morphological transducers for three Kypchak languages. // *Proceedings of the 9th Conference on Language Resources and Evaluation, LREC2014*.

Washington J. N., Iprasov M., Tyers F. M. (2012). A finite-state morphological analyser for Kyrgyz. // Proceedings of the 8th Conference on Language Resources and Evaluation, LREC2012.

Исхаков Ф. Г., Пальмбах А. А. (1961). Грамматика тувинского языка: Фонетика и морфология. Москва: Издательство восточной литературы.

Росстат. Федеральная служба государственной статистики российской федерации (2011). Всероссийская перепись населения 2010 года. Т.1.

Тенишев Э. Р. (1968). Тыва-орус словарь. Москва: Советская энциклопедия.

Jonathan North Washington
Linguistics Department
Swarthmore College
Swarthmore, PA 19081
jonathan.washington@swarthmore.edu

Aziyana Bayyr-ool
Institute of Philology
Russian Academy of Sciences
Novosibirsk
azikoa@mail.ru

Aelita Salchak
Dept. of Tuvan Philology
Tuvan State University
Kyzyl
aelita_74@mail.ru

Francis M. Tyers
HSL-fakultehta
UiT Norgga árktalaš universitehta
N-9019 Romsa
francis.tyers@uit.no

РЕЦЕНЗИЯ

**Языковая политика в контексте
современных языковых процессов.
Отв. ред. А.Н. Биткеева. — Москва:
Издательский центр «Азбуковник»,
2015. — 472 с.**

Рецензируемая монография состоит из четырех глав, однако большая ее часть — 1-ая, 2-ая и половина 4-ой главы — посвящены языковой политике и функционированию языков в Российской Федерации, и это неслучайно. Как пишут авторы в предисловии, «в силу своей многонациональности, исключительного разнообразия языкового и культурного ландшафта, своеобразия исторического и социокультурного развития в центре особого внимания исследователей оказалась Российская Федерация. 3-я глава «Опыт реализации языковой политики в многонациональных странах за рубежом» носит вспомогательный характер, поскольку авторы, в основном, сосредоточиваются на проблемах языковой политики в России. Тем не менее наличие данной главы в монографии важно и связано с тем (здесь мы опять процитируем предисловие), что «анализ международного опыта в плане урегулирования языковой жизни в многонациональных странах, соблюдения прав народов необходим для проведения эффективной языковой политики в таком поликультурном государстве как Российская Федерация».

В первой главе «Функционирование языков в современной России» обсуждаются основные принципы национально-языковой политики в Российской Федерации, языковое законодательства как этап реализации языковой политики, языковое единство и языковое разнообразие в Российской Федерации.

В заключительном параграфе «Русский язык как язык единения в многонациональном государстве» содержится, в частности, довольно большая в пропорциональном отношении часть по истории русского литературного языка, которая дается почти без ссылок. Справедливости ради надо сказать, что в части данного параграфа, посвященной проблемам русского языка в российском законодательстве, аккуратно приведены ссылки на законодательные акты.

Во второй главе последовательно описываются модели языковой политики в Российской Федерации. Данные модели — однокомпонентная, двухкомпонентная, трехкомпонентная, многокомпонентная и дифференциальная — были сформулированы ранее в [Михальченко 2014: 28]. При выделении моделей языковой политики учитывается не только количество статусных языков (функциональных доминант), но и их специфика. Трехкомпонентная модель языковой политики выделена в отдельный подтип, хотя три функциональные доминанты можно причислить к многокомпонентному подтипу. Дело в том, что в этой модели представлены, кроме русского, два варианта одного и того же этнического языка, а не отдельные этнические языки. Дифференциальная модель языковой политики выделена в связи с тем, что функционирование языков малочисленных народов, многие из которых являются исчезающими, требуют особого, отдельного внимания к каждому из них.

В параграфе, посвященном однокомпонентной модели языковой политики, речь идет о субъектах Федерации с преобладающим русским населением. В то же время в данном параграфе говорится об автономных округах и автономных областях РФ, где компактно проживают представители малочисленных народов. «Здесь несколько другая языковая ситуация, основные особенности которой определяются необходимостью создать условия для сохранения языков и культур коренных жителей территорий — представителей малочисленных народов Российской Федерации.

Именно поэтому наряду с Конституцией и законом РСФСР «О языках народов РСФСР» (1992) действуют законы «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации (1999) и другие законы, касающиеся малочисленных народов России» (с. 101). Подробнее об этом речь пойдет в параграфе «Дифференциальная модель языковой политики».

В параграф «Двухкомпонентная модель языковой политики» вошли сведения о языковой политике в Республике Бурятия, трех республиках Южной Сибири — Алтай, Тыва и Хакассия — и в Республике Адыгея. В языковой политике в этих субъектах Федерации, тем не менее, прослеживаются различия, продиктованные различиями в языковых ситуациях. Так, Закон «О языках народов Республики Бурятия» (1992) наряду с положениями, общими для законов о языках различных субъектов РФ, содержит некоторые специфические положения, которые определены Законом РФ для национальных республик и только для данного региона. Например, в статьях 12 и 21 говорится о языках национальностей, компактно проживающих в республике Бурятия, — эвенках, немцах и татарах. Им предоставлено право использовать свои языки в делопроизводстве, проведении референдумов, создавать дошкольные и школьные группы и классы для обучения и воспитания на родном языке.

В трех республиках Южной Сибири при одинаковом статусе государственных языков характер языковой политики и языкового законодательства варьирует в зависимости от демографической мощности языков. Наиболее стабильными являются перспективы тувинского языка, наименее благоприятный прогноз делается в отношении хакасского языка.

В разделе о языковой политике в Республике Адыгея подробно анализируются сильные и слабые стороны языкового законодательства.

Трехкомпонентная модель языковой политики представлена языковой политикой в Республике Марий Эл и

Республике Мордовия. В этих двух финно-угорских республиках этноязыковая ситуация отличается от других субъектов федерации тем, что в них статус государственного языка, помимо русского имеют два национальных языка: эрзянский и мокшанский в Мордовии и горный марийский и луговой марийский в Марий Эл, хотя в официальных документах — Конституциях и законах о языках — языки названы как мордовский и марийский, а эрзянский, мокшанский, горный и луговой указаны в скобках. Проблему существования двух языков в марийском и мордовском обществах пытались решить еще со времен языкового строительства 1920-х годов. «История распорядилась так, что в Марий Эл и Мордовии государственными оказались по два национальных языка. Вкупе с русским, таким образом, в каждой из республик существуют три государственных языка. Проблема, однако, в том, что в законах не установлено, когда и где использовать тот или иной национальный язык, как изучать, например, луговой марийский язык в районах проживания горных марийцев и наоборот. Законы о языках в этих республиках, иначе говоря, ничем не отличаются от законов, принятых в республиках с двумя государственными языками. А ведь наличие трех языков значительно осложняет ситуацию» (с. 178–179).

В параграфе, посвященном многокомпонентной языковой политике, анализируется языковая политика в Республике Дагестан. Уникальность языковой ситуации в Дагестане обусловлена тем, что здесь как в регламентируемом, так и в нерегламентируемом общении софункционируют 14 государственных языков (включая русский), в нерегламентируемом общении, кроме того, используются многочисленные бесписьменные идиомы. При осуществлении языковой политики в Дагестане приходится учитывать самые разнообразные факторы, связанные с этническим, языковым, культурным многообразием региона, с тем чтобы обусловить психологический комфорт.

И, наконец, дифференциальная модель языковой политики включает в себя языковую политику по сохранению языков малочисленных народов и решение языковых проблем мигрантов в России. Рассматривается развитие языковой ситуации у коренных малочисленных народов России за последние два с половиной десятилетия по данным переписей и социолингвистических обследований. Анализируется языковая политика, направленная на сохранение языков коренных малочисленных народов РФ, проводившаяся как в масштабах страны, так и по отдельным регионам. Делаются выводы о том, что хорошая, правильная политика не дает результатов, предлагаются дополнительные меры по сохранению языков. Одна из таких мер — отказ от предрассудка о вреде билингвизма и пропаганда преимуществ владения двумя языками перед владением только одним языком.

Далее делается обзор адаптации иммигрантов в Россию начиная с XVIII в. Делается вывод о том, что знание языка играет первостепенную роль для успешной интеграции в принимающее общество. Обязательное знание русского языка закреплено на законодательном уровне и является важной частью государственной миграционной политики.

В последней главе «Языковая политика в области структуры языка» речь идет, во-первых, о языковой политике в области графики и орфографии в России, а во-вторых, о влиянии языковой политики Китая на структуру языка. Начинается глава с довольно сомнительного, с терминологической точки зрения, утверждения: «Графика и орфография — уровни языка, наиболее подверженные реформам». Делается обзор истории становления письменностей на языках народов бывшего СССР с периода языкового строительства, а также истории становления русской графики со времен Петра I и реформ русской орфографии.

В целом, надо отметить, что коллективный труд интересен, познавателен и, безусловно, очень актуален.

Литература

Михальченко В.Ю. Варьирование национально-языковой политики в современной Российской Федерации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире. Международная конференция. Москва, 2014.

Агранат Т.Б.

Агранат Татьяна Борисовна
Институт языкознания РАН
tagranat@yandex.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК
Лингвистический журнал

Институт перевода Библии
101000 Россия, Москва, Главпочтамт, а/я 360
www.ibt.org.ru; ibt_inform@ibt.org.ru

Подписано в печать 17.10.2016
Формат 84×108 ¹/₃₂. Усл.-печ. л. 10,29
Бумага офсетная. Гарнитура «Times»
Тираж 175 экз. Заказ № 633

Отпечатано в ООО «ИПП «КУНА»